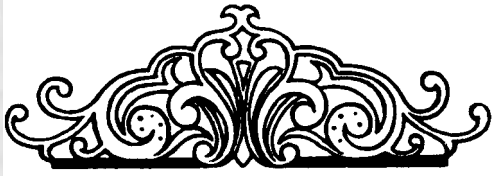
У. ПАНСИ

ЮЛИЯ РИД

У. ПАНСИ



ЮЛИЯ РИД

ПОВЕСТЬ

Перевод с немецкого

Издательство «Христианин» СЦ ЕХБ
1995

В данной повести автор описывает, как уверенная в себе, жаждущая самостоятельности, шестнадцатилетняя Юлия Рид поселяется в доме номинальной христианки и очень скоро подпадает под ее влияние. Прельщенная любезностью хозяйки, уютной обстановкой и богатством, Юлия нередко поступает против совести, не в силах разобраться, кто прав: богобоязненная мать, воспитывающая ее в страхе Божьем, или фрау Тиндалл, ее новая хозяйка.

Господь повел Юлию так, что она увидела, в каком духовном состоянии находится сама, а также окружающие ее. Переживает возрождение и фрау Тиндалл.

Повесть раскрывает цель Божьих путей в жизни Его искупленных. Господь прибегнул к крайним мерам, чтобы христианку только по названию сделать живой христианкой, приносящей Ему плод, но уже на одре болезни.

Книга показывает, как губительно влияние опустошенных духовно христиан и как необходимо быть внимательным к голосу совести и действиям Господа, направляющего Своих детей к блаженной вечности.

У. Панси
ЮЛИЯ РИД. Повесть
Перевод с немецкого М. Эпп

1995 Издательство «Христианин» СЦ ЕХБ
Отпечатано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Глава первая

ПЕРВЫЙ ШАГ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

Все, кто знаком с моей сестрой Эстер, помнят, наверное, и меня, Юлию Рид. После смерти Эстер в нашей семье многое изменилось. Сади вышла замуж за доктора Ван-Андена, и они переехали в Нью-Хейвен, купив там небольшой дом. Альфред уехал в Нью-Йорк.

Наша мама стала часто болеть и скоро уже не могла содержать в порядке большой дом и обслуживать квартирантов. Узнав об этом, доктор Ван-Анден пригласил ее к себе. После долгих колебаний мама согласилась продать имение и переехать к зятю.

Зная, что сердце Ван-Андена намного вместительнее, чем его дом, я отказалась ехать с матерью. Приняв такое решение, я закрылась в своей комнате и, обхватив голову руками, задумалась.

Мне исполнилось шестнадцать лет. Денег на дальнейшую учебу не было. Жить у кого-то из родственников я не хотела, чтобы не обременять их и не впадать в зависимость. Короче говоря, я должна была сама зарабатывать на жизнь. Но как? Я стояла перед большой проблемой, рассуждая: «Может, пойти учительницей начальных классов? Буду учить детей читать и писать или преподавать им географию и другие предметы». Я невольно поежилась, представив себя в большом классе среди непослушной детворы, которая исподтишка стреляет бумажными шариками, втихомолку жует что-нибудь на

уроке или строит за спиной рожицы. Эта мысль была для меня невыносимой, потому что не так давно я училась в подобном классе и хорошо помнила, что там происходило.

— Кем угодно, только не учительницей! — вырвалось у меня.

И все же надо было как-то зарабатывать деньги, и я напряженно думала. «Может, устроиться швеей?» — Эта мысль заставила меня громко рассмеяться. Я ужасно не любила шить, хотя и не была ленивой. Тяпка, веник и ручка были для меня более привычными инструментами, чем иголка с ниткой. Обычно я всеми силами старалась избегать шитья, и у меня это неплохо получалось.

Возле журнального столика лежала какая-то газета. Подняв ее, я пробежала глазами длинный список приглашений на работу. Среди многочисленных объявлений мой взгляд задержался на одном: на картонную фабрику в городе Ньютоне требуется бухгалтер. «Может, это место как раз для меня?! — радостно екнуло сердце, и мысли умчались вперед.— В объявлении не указаны условия приема... Не страшно! Ньютон не так уж далеко, всего десять миль отсюда. К тому же там живет доктор Дуглас, он поможет мне выяснить необходимые подробности!»

Взглянув на часы, подарок дяди Ральфа, я вскочила. До поезда оставалось двадцать минут. Быстро надев выходное платье и шляпу, я схватила сумочку и сбежала по лестнице.

— Мама, я съезжу в Ньютон! К чаю постараюсь быть дома,— на ходу бросила я и пустилась в путь.

Надолго запомнился мне день, в который я сделала первый шаг в самостоятельную жизнь. Много лет спустя этот момент со всеми подробностями все еще живо воскресал в моей памяти.

На улице, несмотря на утренний морозец, приветливо светило солнце, отражаясь в позолоте осеннего убора деревьев. Множество листьев, навевая тихую грусть, падали мне под ноги. Боясь опоздать на поезд, я без сожаления наступала на поношенный наряд деревьев и совсем не думала о скоротечности времени. В вагон я заскочила уже на ходу...

В Ньютоне я бывала не раз и без труда нашла картонную

фабрику. Робко толкнув дверь, я очутилась в большом зале с множеством коробок разной формы и величины. Здесь никого не было, и я шагнула к двери напротив. В комнате сидел немолодой господин и грел ноги у печки. Когда я вошла, он поднялся и безразличным взглядом окинул меня с головы до ног.

— Мне нужно поговорить с господином Зайлесом,— с трудом выдавила я и почувствовала, как запылали щеки.

— Я к вашим услугам.

— Вам нужен бухгалтер? — поборов смущение, спросила я.

Равнодушие в один момент покинуло господина Зайлеса. Он высоко поднял брови и внимательно посмотрел мне в глаза.

— До сих пор на этом месте работали господа...

Услышав это, я поняла свое положение и, повернувшись к выходу, растерянно пробормотала:

— В таком случае я зря пришла...

— Подождите немного,— остановил меня господин Зайлес.— Если до сих пор здесь работали мужчины, то это не значит, что так должно быть всегда. Какую зарплату вы хотели бы получать?

— Думаю, мне хватит того, что получали на этом месте до меня.

Господин Зайлес рассмеялся и стал постукивать пальцами по столу, видимо, обдумывая мои слова.

— Гм,— начал он наконец.— Не знаю даже, что и ответить. Вам известно, что бухгалтер должен присутствовать на всех аукционах, точно вести книгу записей, выписывать счета, иметь дело с крупными суммами? Кроме того, вам придется присматривать за работающими здесь девушками, чтобы во всем был порядок.

— Я на все согласна, лишь бы мне хорошо платили,— почтительно поклонилась я.

— Прекрасно! — господин Зайлес довольно улыбнулся.— Тогда приступим к делу. Ваша фамилия?..

После короткой беседы я вышла от господина Зайлеса полноправным бухгалтером, пообещав ему через две недели приступить к работе, если мама не будет против.

С фабрики я направилась к доктору Дугласу и, поднявшись по ступенькам красивого старинного дома, смело постучала.

Дверь распахнулась, и на пороге появился врач, готовый в любой момент оказать помощь нуждающемуся.

— Юлия?! — удивился он.— Как ты здесь оказалась? Кто-нибудь заболел?

— Нет, господин доктор, дома все в порядке. Я пришла по личному делу.

Мы вошли в комнату, и я в считанные минуты поведала давнему другу семьи свои переживания, рассказала о сложившихся обстоятельствах.

— А мама знает о твоем намерении? — выслушав меня, спросил доктор Дуглас.

— Нет. Но я надеюсь, она поймет меня и не будет против. Ведь работа не тяжелая...

— Юлия, ты еще очень молода, чтобы самостоятельно решать такие вопросы. Не обижайся на маму, если она будет возражать, и постарайся выполнить ее желание.

— Конечно, она переживает за меня, но от этого дело не меняется. Ведь у меня нет средств не только на приличную одежду, но и на самое необходимое! А если я устроюсь на работу, то смогу и маме помогать. Мне только нужно найти подходящую квартиру.

— Я позабочусь об этом,— пообещал доктор Дуглас.— Только напиши мне, согласна ли мама с твоими планами. И тогда я поищу для тебя недорогое жилье. Впрочем, если ты сегодня вечером хочешь быть дома, то нужно торопиться.

Я покорно встала и, попрощавшись, побежала на станцию.

Успех первого самостоятельного шага наполнял сердце восторгом. Домой я приехала в приподнятом настроении. Чтобы никто не заметил моей тайной радости, я принялась готовить ужин. Увлекшись своими мыслями, я насыпала в заварной чайник семена конопли, а торт вынесла в кладовую, вместо того чтобы поставить его в духовку.

Конечно, мне не удалось скрыть своего настроения от чуткого сердца матери. Как только я, управившись на кухне, скользнула в свою комнату, она не замедлила войти следом.

Разговор был долгим и серьезным. Вначале мама не хотела и слышать о том, чтобы я жила отдельно. Но я изо всех сил старалась убедить ее, что это прекрасная идея — поселиться

в Ньютоне и устроиться на работу. В конце концов мама сдалась.

— Меня утешает только то, что там живет доктор Дуглас. Надеюсь, он позаботится о тебе, и ты не будешь чувствовать себя одинокой.

В порыве благодарности я бросилась к матери, и она, обняв меня, крепко поцеловала, как бы благословляя на самостоятельную жизнь.

В тот вечер мое сердце переполняла необыкновенная радость, и мне казалось, что ей не будет конца. Однако уже на следующее утро мной овладела тоска. Заплетая косы, я подумала, что настала пора изменить прическу. Ведь я не маленькая девочка, чтобы носить косички, они совсем не к лицу взрослой Юлии Рид, покидающей родительский дом, чтобы вступить в самостоятельную жизнь!

Написав письмецо доктору Дугласу, я целый день с мрачным лицом и скверным настроением бродила из угла в угол, не желая приступать к упаковке вещей. Неужели закончилась моя беззаботная жизнь?..

Какое же это печальное событие — переезд! Мы разъезжались в один день: мама с Минни — к Сади, а я — в Ньютон. Вещей у нас было немного, потому что дом продали со всей обстановкой, кроме кресла, в котором умер папа, маленького стула-качалки и еще двух-трех дорогих нам вещей.

До сих пор я особенно не переживала о предстоящей разлуке. Мне казалось, что мы просто уезжаем на некоторое время в гости. Но сегодня я вдруг почувствовала, что на самом деле это не так и я уже никогда не возвращусь в свой милый, родной дом.

Альфред приехал, чтобы перевезти маму и Минни. Они уезжали первыми. Это немного утешало меня.

Окинув печальным взором дорогое сердцу жилище, мама вытерла слезы и поспешно вышла со двора. Альфред заботливо помог ей сесть в экипаж, а я стояла на крыльце как вкопанная...

— Юлия, береги себя! — крикнула мама уже из экипажа.

Минни громко заплакала, а Альфред натянул шляпу на лоб, чтобы никто не увидел его грустных глаз.

— Не переживай за меня, мамочка! Все будет хорошо! — бросила я вдогонку, стараясь сдержать слезы.

Как только экипаж скрылся из виду, я забежала в дом, закрылась в кухне и разрыдалась. Казалось, сердце не выдержит вдруг нахлынувшего горя. Хорошо, что мама не видела меня в тот момент! Я еще никогда в жизни так не плакала. Фрау Грисвальд, новая хозяйка нашего дома, не раз пыталась утешить меня, предлагала выпить чаю с пирожным, но я отказалась и вообще в этот день ничего не ела. Время от времени я умывалась, чтобы освежить лицо и скрыть следы горьких слез.

Когда часы в гостиной пробили три, я взяла чемодан и с замирающим сердцем направилась к выходу. Мне так хотелось еще раз заглянуть в свою комнату, в гостиную, но я не решилась, боясь нового приступа слез. Коротко попрощавшись с фрау Грисвальд, я отправилась на вокзал.

Так я покинула родной дом и робко шагнула в неизвестную, но самостоятельную жизнь. В поезде, пытаясь успокоиться, я вынула из сумочки записку доктора Дугласа и еще раз перечитала ее:

«Юлия, я исполнил твое желание и подыскал подходящую комнату. Встречаю тебя в 15. 50 на вокзале.

Дуглас».

Незаметно поезд прибыл в Ньютон, и я в числе многих пассажиров взволнованно ступила на перрон. Моросил дождь, гармонируя с моим настроением.

«Интересно, как встретит меня доктор Дуглас? Будет ли он меня жалеть?» — думала я, опасаясь, что снова расплачусь, услышав слова участия.

К счастью, доктор Дуглас первым делом поинтересовался моим здоровьем. Он помог мне сесть в экипаж и всю дорогу говорил о самом обыденном, знакомил с городом, указывая то на одно, то на другое здание. Наконец экипаж остановился.

— Вот мы и приехали! — доктор Дуглас спрыгнул на землю и подал мне руку.

Только сейчас я поняла, что мы подъехали к дому, в котором жил доктор Дуглас.

— Но ведь в этом доме живете вы! — воскликнула я.

— Да,— слегка улыбнулся он.— Моя хозяйка согласилась выделить тебе комнату, и у меня будет прекрасная возможность исполнить долг опекуна.

Доктор Дуглас взял мой изрядно потертый чемодан и гостеприимно распахнул двери. Я робко шагнула вперед и оказалась в просторной, изысканно обставленной прихожей, напоминавшей драгоценную шкатулку. В ожидании хозяйки я с нескрываемым восхищением рассматривала богатую мебель и никак не могла понять, для чего владельцы такого роскошного дома берут квартирантов.

— Почему вы ничего не рассказываете о хозяйке этого дома? Как ее зовут? — спросила я, нарушив молчание.

— Фрау Тиндалл...

Признаюсь, дорогой читатель, что именно жизнь фрау Тиндалл побудила меня написать эту книгу. Наблюдая за ее поведением и испытав последствия ее разговоров и поступков, хочу поделиться горьким опытом многих разочарований и ошибок и предостеречь молодых людей от легкомыслия и самоуверенности.

Глава вторая

ФРАУ ТИНДАЛЛ

Едва доктор Дуглас успел выговорить имя хозяйки, дверь бесшумно отворилась и вошла фрау Тиндалл. Невысокого роста, довольно молодая, энергичная, с приятными чертами лица, она произвела на меня неизгладимое впечатление.

— Фрау Тиндалл, я привел к вам сильно уставшую и промокшую девушку,— поспешил представить меня доктор Дуглас.— Зовут ее Юлия Рид. Прошу вас позаботиться о ней!

Фрау Тиндалл ответила тихим мелодичным смехом. Она

вела себя весьма непринужденно, и это, как я позже отметила для себя, было отличительной чертой ее поведения.

— Рада видеть вас в своем доме! — ласково сказала она, стряхивая капельки дождя с моей шляпы.— Плащ можно повесить вот здесь, а сапожки надо вынести в коридор. Устраивайтесь поудобнее в кресле и чувствуйте себя как дома. Поставьте ноги на скамеечку, поближе к камину, чтобы они согрелись, а я отнесу ваши вещи! — Фрау Тиндалл взяла мой чемодан и быстро вышла.

Я покорно опустилась в кресло. Скованность вмиг исчезла, и на какое-то время я совершенно забыла, что нахожусь вдали от родного дома.

— Почему вы не сказали мне, что она такая хорошая?! — спросила я, как только за хозяйкой закрылась дверь.

— Она понравилась тебе? — удивился доктор Дуглас.

— Конечно! Она такая милая, просто восхитительная! — восторженно воскликнула я, готовая излить поток красивых, возвышенных слов, но не успела.

Фрау Тиндалл возвратилась в гостиную и тут же стала рассказывать разные незначительные истории, обращаясь преимущественно к доктору. Мне же она предложила отдохнуть до ужина, и я беспрекословно подчинилась.

В столовой, где мебель тоже была подобрана и расставлена с большим умением, я невольно вспомнила письма Эстер, в которых она описывала дом дяди Ральфа. У них комнаты тоже были красиво обставлены. В расстановке мебели и разных украшений царила удивительная гармония.

За столом я познакомилась с господином Тиндаллом, высоким, симпатичным мужчиной, с весьма изысканными манерами обращения. Он был всегда готов сказать что-либо приятное. Правда, мне хотелось, чтобы он не замечал меня и говорил о других.

Как только все сели за стол, фрау Тиндалл принялась наливать чай, что-то оживленно рассказывая. А доктор Дуглас в это время, закрыв глаза, тихо молился. На него никто не обращал внимания. К сожалению, я тоже не нашла в себе мужества последовать его примеру то ли потому, что была слишком смущена, то ли потому, что никогда не сидела за

столом, где не просили благословения на пищу.

С недоумением глядя на улыбающихся хозяев и молящегося доктора Дугласа, я всеми силами старалась понять происходящее. Ведь можно было попросить доктора Дугласа помолиться вслух! Больше всего было неприятно оттого, что во время молитвы разговаривали.

Сразу же после ужина доктор Дуглас оделся и, оставив меня на попечение фрау Тиндалл, отправился посещать больных.

— Если хотите, можете отдыхать здесь, в кресле,— нежно обняла меня фрау Тиндалл, когда мы вышли из столовой,— а нет, я провожу вас в вашу комнату.

Я почему-то испугалась одиночества и с радостью согласилась остаться в гостиной. Фрау Тиндалл принесла вязание и, устроившись в кресле напротив, спросила:

— Значит, доктор Дуглас — лучший друг вашей семьи?

— Да! — гордо кивнула я.— Более того, я считаю его своим старшим братом!

— Вы, наверное, тоже восхищаетесь им? — Фрау Тиндалл на мгновение оторвалась от вязания и взглянула на меня.

— Конечно! Значит, и у вас любят доктора Дугласа?

— Да. Он необычайно внимателен к больным и одиноким. Я очень уважаю его, но считаю, что он допускает одну ошибку... Мне кажется, что доктор Дуглас впадает в крайность. Взять, к примеру, его поведение сегодня за ужином. Это выглядит просто смешно, даже некрасиво,— выставлять напоказ свою святость. Не думаю, что он делает это специально. Мне кажется, он просто не знает, как судят об этом окружающие. Честно говоря, я никогда бы не поступала так хотя бы ради Эрнста, моего мужа, который легко претыкается из-за всяких мелочей. Думаю, мы должны быть весьма осторожными, чтобы не соблазнять ближних.

Откровенно говоря, я была так поражена замечаниями фрау Тиндалл, что некоторое время в нерешительности молчала. Впрочем, я тоже придерживалась мнения, что христиане ни в коем случае не должны оказывать отрицательного влияния на окружающих. Но разве плохо молиться за столом? Мне до глубины души было стыдно, что, называя себя христианкой, ужинала не помолившись, как язычница.

— Неужели вы считаете, что не нужно молиться перед едой? — неуверенно протянула я.

— Это зависит от обстоятельств, дорогая,— вздохнула фрау Тиндалл.— Если, например, хозяин дома просит благословения на пищу, это, конечно, правильно. А если ты всегонавсего гость, то такой поступок унижает хозяина. Доктор Дуглас может молиться в своей комнате сколько угодно, если у него есть такая потребность. Да и за столом можно ведь молиться, не складывая руки и не закрывая глаза! Можно молиться и про себя, чтобы люди не видели. Бог все равно услышит. Зачем выставлять себя напоказ?

Мой Эрнст считает, что люди, открыто молящиеся Богу, хотят показать себя святее других. Конечно, он уважает доктора Дугласа и не говорит ему об этом, так как считает, что у врача религиозность должна быть частью профессии. И это господин Дуглас, наверняка, знает. Я тоже уважаю доктора Дугласа, но мне очень жаль, что он совсем не старается уберечь моего мужа от преткновения. Конечно, я переживаю за Эрнста. Никто не может обвинить меня в том, что я считаю такое поведение не совсем правильным. Ой, я, кажется, слишком откровенно говорю о вашем близком друге! Кто может поручиться, что вы не перескажете ему все слово в слово? — она с нескрываемым интересом посмотрела мне в глаза.— И все же надеюсь, что вы не позволите себе этого...

С каждым словом фрау Тиндалл мое удивление росло. Честно говоря, я никогда не думала и не слышала, что, поступая по-христиански, мы можем пагубно влиять на окружающих. Мне было искренне жаль господина Тиндалла, которому вредило то, что мне казалось совершенно естественным.

«В ее словах есть какая-то доля правды,— мысленно согласилась я и решила наблюдать за собой, чтобы не увеличивать переживаний моей любезной хозяйки.— Конечно, можно благодарить Бога за насущный хлеб и с открытыми глазами».

И все же замечание фрау Тиндалл было неприятно мне. Я горела желанием поделиться услышанным с доктором Дугласом, и мне даже не пришло в голову, что это плохо. Но при последних словах фрау Тиндалл я ужаснулась своей испор-

ченности и решила ни в коем случае не сообщать ему об этом разговоре.

— Конечно, не расскажу! — поспешно заверила я.

Фрау Тиндалл тихо засмеялась и с присущей ей любезностью заметила:

— Я так и думала, моя милая. Оказывается, я уже хорошо знаю вас и понимаю, что вы не способны на такое!

— Вы ходите в одну церковь с доктором Дугласом? — поинтересовалась я через некоторое время.

— Да,— кивнула фрау Тиндалл.— Я даже сижу напротив него, недалеко от жены пастора. Правда, мне это не совсем нравится. Она очень добрая женщина, это от нее не отнимешь, но, что касается одежды, у нее совсем нет вкуса... Ее внешний вид так мешает мне слушать проповедь! Она совершенно не умеет подбирать цвета! Мой муж тоже говорит, что с трудом переносит ее. По-моему, грех не обращать внимания на свою внешность. Такое нельзя простить, особенно фрау Муллфорд, жене пастора. Действительно, она подрывает авторитет своего мужа. Я вижу, вы одеты со вкусом, фрейлейн Рид, поэтому представляю ваше разочарование при виде зеленой шляпы фрау Муллфорд. Ей вообще не к лицу зеленый цвет. Тем не менее она уже три года постоянно носит одну и ту же бархатную шляпу.

Какой шестнадцатилетней девочке не понравится похвала? Сегодня я точно знаю, что как для фрау Муллфорд, так и для меня было бы лучше, если бы фрау Тиндалл не высказала этого замечания. Тогда же я не видела никакой опасности и от души смеялась над одеждой жены пастора. Я краснела, когда меня хвалили, думая, что на самом деле выгляжу так, как это утверждала фрау Тиндалл, хотя мое коричневое платье без всяких украшений не представляло особенной ценности в моих глазах, потому что кроила и шила его моя мама.

— А ее муж, случайно, не носит зеленую шляпу? Вы уважаете его? — совсем развеселилась я.

— В отношении одежды к нему не придерешься. Вы хотите знать, уважаю ли я пастора Муллфорда? Да, конечно, и его жену тоже. По крайней мере, не хочу, чтобы мне вслед говорили, что я не могу терпеть пастора и его жену, хотя у него

есть странные манеры. Например, он очень комично пользуется носовым платком. Было бы благоразумно с его стороны хоть раз забыть его дома. Еще он смешно шевелит губами, и нужно прилагать немалые усилия, чтобы не рассмеяться. Подайте, пожалуйста, книгу! Я покажу, как он читает, чтобы вы знали и в воскресенье могли сохранить спокойствие.

Я подала сборник стихов в красивом кожаном переплете, и фрау Тиндалл прочитала несколько куплетов, так смешно растягивая рот, что я сгибалась от смеха. Ободренная моим смехом, фрау Тиндалл, шутя и насмехаясь над пастором, продолжала читать стихотворение. Закончив, она добродушно сказала:

— Очень жаль, что у господина Муллфорда такая смешная привычка. Конечно, я показала это не для того, чтобы посмеяться над ним. Просто невозможно остаться серьезной, глядя на него! Я уверена, что он не представляет, как опасна его привычка, иначе постарался бы избавиться от нее. Разве не печально, что какая-то мелочь может так ослабить влияние пастора? По-моему, проповедникам очень полезно слышать иногда, что о них говорят, и следить за собой.

— А господин Муллфорд хорошо проповедует? — спросила я, чувствуя неловкость за свой смех.

— Да... и нет,— поправилась фрау Тиндалл.— Все было бы хорошо, если бы он не говорил так однообразно и не забывал, как выражается мой муж, что не только овцы, но и козлы нуждаются в особом уходе. Но таковы мужчины! — добавила она со свойственным ей мелодичным смехом.— Мне, конечно, больно видеть Эрнста таким равнодушным к Богу, и я боюсь, что он все больше и больше становится таковым.

У господина Муллфорда есть плохая привычка стращать неверующих. Это оставляет неприятный осадок у моего бедного мужа. И все же господин пастор — отличный человек и желает самого наилучшего людям. Ему недостает только такта. Наверное, он раньше проповедовал малообразованным людям и так привык к этому, что теперь не может по-другому.

— Вы преподаете в воскресной школе? — робко спросила я, представив эту маленькую элегантную женщину в роли учительницы.

— Да. В моей группе занимается дочь сенатора, две дочери

городского советника и другие девушки из знатных кругов. Только одна ученица совсем не вписывается в мою группу. Это дочь швеи, недавно переехавшей в наш город. Правда, девочка хорошая и воспитанная, хотя и выросла без отца, но мне такое рассказали про нее... Она не чувствует себя в группе как дома и не может ни с кем подружиться. Это и для нее неприятно, и для других девушек, но больше всего для меня.

Я говорила об этом с пастором Муллфордом, хотя он и не руководитель воскресной школы. Но мужчины ничего не понимают в таких делах, особенно пасторы. Господин Муллфорд посмотрел на меня уничтожающим взглядом и сказал: «Вы не должны забывать, что у девочки неумирающая душа. Она нуждается в наставлении так же, как и другие ученицы». Не кажется ли вам это нелепостью? По-моему, это всего лишь высокие фразы...

В тот вечер я не ответила на многие вопросы фрау Тиндалл. Да она, кажется, и не ждала ответов, потому что без устали говорила. Для меня же это было настоящим успокоением, потому что я не могла высказать свое мнение.

То, что я услышала от фрау Тиндалл, было для меня новым и неожиданным. Она говорила обо всем с такой любовью и кротостью, что, казалось, ею руководило одно желание — ни в коем случае не повредить делу Божьему. Этим фрау Тиндалл полностью покорила меня, и, слушая ее, я лишь изредка задавала вопросы.

— Доктор Дуглас тоже занимается с группой в воскресной школе?

— Да. Его отличный вкус, или, лучше сказать мировоззрение, особенно выявилось в выборе группы. Мы очень хотели, чтобы он занимался с девочками из знатных семей, которых нам еле удалось уговорить посещать воскресную школу. Они были готовы принять доктора Дугласа как учителя. И что вы думаете?.. Он отклонил это предложение, сказав, что не хочет оставлять свое служение! Он слишком увлечен группой молодежи из семейств низкого сословия. Не знаю даже, где он их насобирал. Говорят, там есть даже девочки с фабрики. Во всяком случае, их родители не принадлежат к нашей церкви. Конечно, я ужасно рассердилась на

доктора Дугласа и высказала ему свое мнение.

— И что он вам ответил?

Я удивилась, что у фрау Тиндалл хватило смелости вмешиваться в дела доктора Дугласа.

— Ничего существенного. У него одно объяснение, что эти девочки, кроме воскресной школы, нигде не могут слышать о Боге, и он надеется привести их ко Христу. С одной стороны, это совершенно правильно. А с другой стороны, для них можно легко подыскать преподавателя, в то время как найти подходящего учителя для другой группы очень трудно. В конце концов, с этими девушками стала заниматься жена пастора, но я не думаю, что ее там уважают и любят. Некоторые девушки сильно обиделись на доктора Дугласа за то, что он отказался от них.

Я высоко ценю доктора Дугласа и не думаю, что он руководствуется своим настроением, делая то или другое. Мой муж говорит, что...

Фрау Тиндалл резко замолчала, потому что стукнула входная дверь и на пороге появился доктор Дуглас. Не успел он раздеться, как раздался звонок, и фрау Тиндалл, отложив вязание, вышла.

Глава третья

ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Доктор Дуглас подвинул стул к столу и сел напротив меня.

— Я так рад, Юлия, что ты устроилась именно на картонную фабрику! — начал он.— Там ты сможешь общаться с девочками из моей группы. Правда, некоторые из них мало интересуются Словом Божьим, а другие вообще равнодушны к Богу и к Библии. Ты попала на очень ответственное место, Юлия. Пусть Бог поможет тебе разумно

использовать все возможности и повлиять на девушек положительно!

Слушая его, я тут же вспомнила, какое ударение сделала фрау Тиндалл на словах «фабричные девочки», а также как сильно повредил доктор Дуглас воскресной школе, отказавшись заниматься с предложенной ему группой. Я первый раз в жизни засомневалась в правильности его действий и втайне сердилась, что он причислил меня к фабричным девушкам. По-моему, была большая разница между бухгалтером и работницами, клеившими коробки. И все-таки мне было стыдно, что я поддалась этому чувству различия, потому что всегда считала, что стою выше таких глупых понятий.

Резко, с какой-то раздражительностью, я ответила:

— Разумеется, я постараюсь повлиять на них. Однако не думаю, что фабричные девочки станут моими подругами.

Такой ответ был для доктора Дугласа неожиданным.

— Юлия, я говорю о христианском влиянии. А оно только тогда возможно, когда мы сами находимся в правильном состоянии,— серьезно заметил он.

Отлично зная его взгляды на жизнь, я до сих пор всегда восхищалась ими, но в тот вечер они показались мне фанатичными.

Доктор Дуглас тут же изменил тему разговора и поинтересовался, как я провела время. Я сказала, что этот вечер был очень приятным для меня, и с большим почтением отозвалась о фрау Тиндалл. Лицо доктора стало печальным.

— Я не думал, что она тебе так сильно понравится.

— А для чего вы меня сюда поселили? — возмутилась я.— Неужели надеялись, что я почувствую неприязнь к своей хозяйке и от этого мне станет приятнее на новом месте?

Доктор посмотрел на меня с недоумением:

— Прошу прощения, я не имел этого в виду. Просто хотел сказать, что считал тебя более дальновидной. Мне не нравится, когда люди не доверяют друг другу. И потому, Юлия, не будем в первый же вечер спорить. Да и вообще этого не должно быть между нами, потому что мы — брат и сестра.

Но я не могла так быстро взять себя в руки и справиться с царящим внутри возмущением.

— Глупости! Кто может гарантировать, что вы не женитесь на следующей неделе, и тогда закончится дружба между братом и сестрой!

Никогда в жизни не забуду выражения глубокой скорби, отразившейся на лице доктора Дугласа. Он побледнел и после короткой паузы тихо произнес:

— Юлия, ты же знаешь, что моя невеста ушла к Господу. Я не стану утверждать, что никогда не женюсь, но могу уверенно сказать, что сейчас совершенно не думаю об этом. Впрочем, если бы это даже и случилось, то я не вижу здесь препятствия быть другом вашей семьи и делать для тебя все, что в моих силах.

Вспоминая этот вечер, я благодарю Бога, что хоть на мгновение пришла в себя и честно сказала:

— Господин доктор, простите меня, пожалуйста! Не знаю, что со мной случилось...

В ответ он мягко улыбнулся:

— Юлия, у меня есть еще один вопрос. Как у тебя дела с учебой? Надеюсь, ты привезла учебники?

Доктор Дуглас задел за живое. У меня всегда было огромное желание учиться, и я с большим трудом отказалась от заветной мечты получить образование.

— Книги я привезла. Но они лежат на дне чемодана и, наверно, там и останутся. Теперь мне нужно зарабатывать на жизнь, а не учиться.

— Почему бы тебе не учиться по вечерам? — возразил доктор Дуглас.— В четверг вечером у нас молитвенный час, в субботу — молодежное, и я, кстати, очень рассчитываю на твою помощь. Итак, остается четыре свободных вечера, и я готов заняться твоим обучением.

Я была безмерно счастлива от предоставившейся возможности учиться и, поднявшись в свою комнату, сразу же составила распорядок дня. Чувство одиночества покинуло меня. Я не представляла себе ничего лучшего, чем этот гостеприимный дом, где меня так сердечно встретили.

При мысли о фрау Тиндалл в сознании всплыл прошедший вечер, и мне стало неприятно. О ком бы ни зашла речь, она в каждом находила что-нибудь отрицательное. «Конечно,

она не хотела кого-то обидеть,— оправдывала я фрау Тиндалл.— Притом она несколько раз упоминала о кротости пастора и его жены...»

Я снова рассмеялась над странной привычкой господина Муллфорда, рассуждая: «Какой это, наверное, смешной человек! И все же как глупо со стороны его жены раздражать людей своим неумением одеваться! Разве можно подозревать фрау Тиндалл в плохих намерениях, если она немного посмеялась над ними? В то же время с какой сердечностью она говорила об их хороших качествах! А какое живое участие принимает фрау Тиндалл в воскресной школе! Интересно, кто эта девочка, о которой она говорила? И кто настоял, чтобы она приняла в свой класс дочь швеи? Что может сделать фрау Тиндалл, если никто не хочет дружить с этой девочкой? Может, лучше определить ее в группу доктора Дугласа?»

Вспомнив о фабричных девушках, с которыми мне предстояло работать, я почувствовала, как волна сопротивления захлестнула мое сердце. Неужели это только из-за того, что фрау Тиндалл отозвалась о них с пренебрежением?

С того часа во мне стали бороться два чувства. Мне хотелось оказать доброе влияние на окружающих и одновременно доказать фрау Тиндалл, что я не принадлежу к низшему сословию. И прежде чем решить, права ли фрау Тиндалл и на самом ли деле доктор Дуглас — мечтатель, я заснула.

На следующий день, как только я пришла на работу, ко мне подошел господин Зайлес:

— Фрейлейн Рид, я хочу поговорить с вами.

Я последовала за ним в соседнюю комнату, где стояла печка для сушки коробок, но которая, казалось, служила лишь для того, чтобы возле нее грели ноги. Прикрыв за мной двери, господин Зайлес сказал:

— Боюсь, что вам будет нелегко в коллективе, по крайней мере первые дни. Дело в том, что девушки рассматривают ваш приход, как посягательство на их права, потому что до сих пор они работали только с мужчинами и делали в их присутствии, что хотели. Сейчас в рабочем зале царит возмущение. Постарайтесь не обращать внимания на их выходки. Думаю, что так быстрее наладятся отношения. Эти девушки

легкомысленны, но хорошо работают. Им трудно найти замену, и, к сожалению, они знают об этом.

Этот разговор нисколько не облегчил начало моей работы. Господин Зайлес как бы говорил: «Вам будет нелегко, но не вздумайте жаловаться!» Вместо ответа я поклонилась и пошла на рабочее место.

Чувствуя, как десять пар глаз внимательно следят за каждым моим движением, я уверенно направилась к своему столу. Послышался приглушенный смех, но я не обратила на него внимания. Не заметив банки с клейстером, стоящей на моем стуле, я чуть не села в нее и поняла, что это и было поводом к смеху. Сначала я хотела приказать какой-нибудь девушке убрать клей, но потом решила, что мое распоряжение останется без внимания, и молча поставила банку на пол, взяла с ближнего стола тряпку, вытерла стул и села.

Девушки целый день вели себя шумно, вызывающе и даже развязно, что для меня было непонятно и крайне неприятно. Со временем я поняла, что такое поведение было ответом на пренебрежительное отношение клиентов. Вся вина девушек заключалась в том, что они работали на фабрике и относились к более низкому классу. На девушек это действовало раздражающе.

Дома у меня не было подруг, потому что после занятий я всегда спешила домой помогать маме, на плечах которой лежало много забот. Теперь же возможность общаться с ровесницами радовала меня. Мысль, что я чем-то лучше их, никогда не пришла бы мне в голову, если бы не разговор с фрау Тиндалл. Но это я поняла гораздо позже...

На следующее утро случилась небольшая неприятность. После завтрака, вставая из-за стола, фрау Тиндалл приветливо заметила:

— Фрейлейн Рид, вам очень повезло, сегодня мой муж рано уезжает в контору и может подвезти вас в школу.

Я смущенно взглянула на доктора Дугласа, который тут же поспешил мне на помощь.

— Вы думаете, что фрейлейн Рид все еще ходит в школу? Нет, она работает бухгалтером на картонной фабрике!

Фрау Тиндалл еле заметно передернула плечами и скривила

губы, но тут же справилась с неприятным чувством и, как обычно, с нежностью в голосе произнесла:

— Извините, фрейлейн Рид, что я посчитала вас школьницей! Господин Дуглас, как и все мужчины, сказал мне о вас самую малость, что вы его хорошая знакомая, причем очень молодая. Остальное я приняла как само собой разумеющееся и домыслила сама.

Хотя она сказала это спокойно и невозмутимо, я сразу же почувствовала отвращение к своей работе. И если бы владелец фабрики в тот день уволил меня, то я, наверное, была бы счастлива.

Как только мы с доктором Дугласом вышли на улицу, я спросила:

— Вы думаете, фрау Тиндалл не понравилось, что я работаю бухгалтером?

— Все возможно,— как-то безразлично отозвался он.— Не стоит придавать этому большого значения. Если бы я не был уверен, что ты стоишь выше подобных взглядов, то уговорил бы ехать с матерью и не устраиваться на картонную фабрику.

— Почему же люди так глупо рассуждают? — искренне возмутилась я.— Ведь нет ничего предосудительного в том, что человек зарабатывает себе на хлеб!

— На этот вопрос невозможно ответить,— рассмеялся доктор Дуглас.— Откуда же мне знать, почему люди бывают глупыми?

— Я имею в виду христиан,— уточнила я.— Почему некоторые пренебрегают теми, кто сам зарабатывает себе на жизнь?!

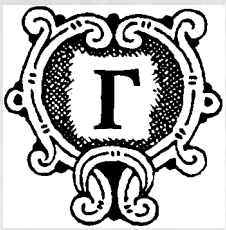
Доктор стал серьезным и печально сказал:

— К сожалению, в мире много христиан, которые только называются так, и мало тех, кто имеет ум Христов. Но ты будь истинной христианкой!

На работе я сидела за столом мрачнее тучи. Жизнь уже не казалась такой яркой и солнечной, как это было на прошлой неделе. Тогда я даже не предполагала, что общество делится на классы, а теперь мое сознание неотступно сверлила мысль: «К какому классу принадлежу я? Действительно ли фрау Тиндалл скривила губы или мне показалось это?»

Глава четвертая

РОБЕРТ ЗАЙЛЕС



осподин Зайлес подробно рассказал мне, как нужно вести бухгалтерские книги, и я, увлекшись работой, лишь изредка поглядывала на девушек. Одна из них, по имени Фанни, руководила всеми и выделялась особой красотой. Одета она была скромно. Простой ситцевый воротник был сколот черной брошкой, в то время как платья других девушек украшали вязаные воротнички с чересчур большими бантами.

Мне хотелось понять, за что работницы уважают Фанни. Многие считались с ее мнением, ссылались на ее слова и нередко обращались к ней за советом. Если возникал спор, то слово Фанни было решающим.

После обеда я проверяла цены и заказы в фабричном магазине. Работа мне нравилась. Возвратившись на свое место, я стала заносить данные в книгу учета, но господин Зайлес снова пригласил к себе.

— Извините, что оторвал от работы,— произнес он улыбаясь.— Я хотел познакомить вас со своим сыном. Конечно, я не делаю этого перед каждой работницей, потому что некоторые из них хотят подняться выше своего положения и не признают никаких различий.

Он повернулся к стоящему возле окна молодому интеллигентному человеку и представил нас друг другу.

— Это же глупости, отец! — добродушно рассмеялся Роберт.— Я охотно пожму руку всем твоим работницам. Кстати, я знаком почти со всеми.

— Я знаю об этом, Роберт. Ты очень мало думаешь о правилах приличия, но ведь не все так поступают! Есть люди, которые посчитали бы за унижение знакомиться с необразованными работницами.

Я не знала, о чем говорить с Робертом Зайлесом и, немного постояв, пошла на рабочее место. Сидя за столом, я

долго не могла сосредоточиться: «Значит, действительно есть разница между мной и остальными работницами, и меня можно представлять другим. Почему так? Я же нахожусь с ними в одной комнате и работаю с утра до вечера, как и они! Неужели это различие заключается лишь в клейстере и больших фартуках?» Я была так занята своими мыслями, что совсем запуталась в расчетах и записала на счет фирмы семьсот пятьдесят девять работниц вместо такого же количества коробок. Сосредоточившись, я энергично принялась считать заново.

Спустя некоторое время в цех вошел Роберт Зайлес. Кланяясь налево и направо, отвечая на непринужденные приветствия, доносившиеся со всех сторон, он привел в движение почти весь зал. Даже Рут Валкер, отличающаяся скромностью и застенчивостью, весело кивнула в ответ, когда он сказал в ее адрес пару шутливых слов. Во всяком случае, его не нужно было здесь представлять. Только Фанни Хоппер, казалось, не замечала его присутствия. Она работала с удвоенной энергией и ни на кого не обращала внимания. Остановившись перед ней, господин Зайлес сказал несколько слов. Фанни ответила негромко и серьезно. Затем господин Зайлес снял передо мной шляпу, кивнул девочкам и, громко попрощавшись, вышел.

— Фанни,— поинтересовалась одна из девушек,— ты пойдешь сегодня на собрание?

— Нет, меня пригласили в другое место.

— Неужели ты пойдешь на концерт?

— Конечно! А что в этом плохого?

В зале сразу же поднялся невообразимый шум. Некоторые девушки хлопали в ладоши и радостно восклицали:

— Здорово! Молодец!

Между тем другие вздыхали и жаловались, что они несчастные и никому не нужные.

— Фанни, а что скажет на это доктор Дуглас? — несмело спросила Рут Валкер.

— Господин Дуглас не имеет права указывать, как мне проводить время! — гневно сверкнула глазами Фанни.

— Как тебе не стыдно, Фанни! Ты этим огорчаешь доктора Дугласа! — остановил ее кто-то.

Дома я пересказала доктору Дугласу этот разговор. Он слушал меня с опечаленным видом.

— Мне очень больно слышать это. Думаю, Роберт Зайлес... Юлия, ты должна помочь мне... Нет, лучше оставим эту тему! Я объясню тебе в другой раз.

«Мне не нужны ваши объяснения,— подумала я.— Просто вы не можете терпеть этого человека. Хочется только знать, почему?»

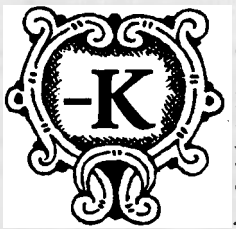
— Юлия, ты познакомилась с Робертом Зайлесом? — спросила меня фрау Тиндалл за чаем.— Это мой любимчик, и, по-моему, его все любят. Не так ли, доктор Дуглас?

— Не знаю,— коротко ответил он.

Собираясь на молодежное собрание, я невольно поймала себя на мысли: «Интересно, кто прав: фрау Тиндалл или доктор Дуглас? И вообще, есть ли хоть один вопрос, по которому они думают одинаково?»

Глава пятая

МОЛИТВЕННЫЙ ЧАС



Какой хороший вечер! — радостно заметил доктор Дуглас, когда мы вышли из дома.— Думаю, что сегодня многие придут на собрание. В такую прекрасную погоду молодые люди с удовольствием пройдутся по улице.

Зал, в котором должно было проходить молодежное собрание, находился далеко от церкви, и днем там занимались дети. Выглядел он непривлекательно. Доктор Дуглас сразу принялся за дело: принес немного дров и растопил печку, зажег лампы. Следуя его примеру, я подобрала разбросанные обрывки бумаг, огрызки яблок и бросила в огонь, затем принялась наводить порядок на столе учительницы, недовольно сказав при этом:

— Я бы, перед тем как уйти домой, убрала свое рабочее место.

— Я уже не раз убеждался, что ничего нельзя предусмотреть заранее,— повернулся ко мне доктор Дуглас.— Неизвестно, что бы ты сделала в тех или иных обстоятельствах.

— Не верю. Я точно знаю, что мне делать в том или ином случае,— возразила я.

Позже я часто вспоминала слова доктора Дугласа и каждый раз соглашалась, что он был прав.

Мы еще прилежно работали, когда в зал торопливо вошел господин средних лет. Благородные черты его лица сразу же привлекли мое внимание. В них отражалась какая-то усталость или, вернее сказать, изнеможение. По его немногим словам я определила в нем коллегу доктора Дугласа.

— Вы, как всегда, готовите зал для занятий,— приветливо улыбнулся вошедший.— Мне так хочется побыть на вашем собрании и немного отдохнуть душой! Как у вас дела?

— На прошлой неделе было прекрасное общение. Чувствовалось веяние Духа Святого. Верю, что и сегодня Бог благословит нас. Вы останетесь с нами?

— С удовольствием бы, но старушка Фрисби послала за мной, и мне нужно пойти к ней. Кроме того, на обратном пути надо поговорить со старцем Дурффее. Молитесь обо мне, и да благословит вас Бог!

— Извини, Юлия! — доктор Дуглас повернулся ко мне.— Я не представил тебе господина Муллфорда. Это наш пастор. А это фрейлейн Рид, квартирантка фрау Тиндалл.

— Очень рад! — господин Муллфорд сердечно пожал мне руку.— Надеюсь, вы сестра по вере?

Не помню, ответила ли я на его вопрос, так как была настолько поражена, что не могла выговорить ни слова. Неужели это и есть пастор Муллфорд?! По рассказам фрау Тиндалл, я представляла его совсем другим. Как может этот бледный благородный человек выглядеть на кафедре смешным?

— Пастор Муллфорд — прекрасный человек! — тепло сказал доктор Дуглас, как только за ним закрылась дверь.— Он прилежный работник, серьезный проповедник и верный попечитель душ. Если б было больше таких служителей!

Доктор Дуглас открыл шкаф, висящий на стене, и подал мне стопу красиво переплетенных книг.

— Вы всегда готовите зал к собранию? — спросила я, раскладывая книги.

— Почти,— доктор Дуглас присел на скамейку.— Открой-ка сборник на двадцать четвертой странице!

Он запел приятным мелодичным голосом. Я сначала с удовольствием слушала, а потом стала петь вместе с ним. Мы спели все шесть куплетов. После короткой паузы он начал петь следующий гимн.

Тем временем в зал стала заходить молодежь. Я узнала несколько девушек с фабрики и среди них Рут Валкер. Ее гладко причесанные волосы были закручены на затылке в тугой узел. Скромное синее платье освежал белый воротничок. Казалось, Рут так же любит простоту, как другие девочки наряды.

Доктор Дуглас радостно кивал каждому, продолжая петь. Занимая места, юноши и девушки тут же присоединялись к пению.

Когда псалом был пропет, все склонились на колени, и доктор Дуглас стал молиться:

— Господи, благослови нас! Мы бедны и нищи и нуждаемся, чтобы Ты наставил нас в этот вечер. Иисус, помоги нам нести крест свой и всегда помнить, что Ты сделал для нас. Помоги любить Тебя больше всего, ходить перед Тобою в страхе и доверять Тебе во всем. Аминь.

Затем все спели гимн: «Возьми меня отныне и впереди по жизненной долине, Господь, веди!»

— А теперь повторим домашнее задание,— продолжил доктор Дуглас.— Евангелие Луки 18 глава 28 стих: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою». Как можно применить этот стих в жизни? Что говорит об этом Слово Божье?

— Не любите мира, ни того, что в мире,— поднялся из задних рядов высокий юноша.

— А если я нахожусь в мире, Карл? Стало быть, ты не имеешь права любить меня?

— Здесь сказано не о людях, а о самом мире, где царствует похоть плоти, похоть очей и гордость житейская.

— Приведите еще места из Писания!

Юноши и девушки, вставая, называли стихи из Библии: «О горнем помышляйте, а не о земном»; «Кто любит мир, в том нет любви Отчей»; «Представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего»; «Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога! Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу».

— Фридрих, какой вывод можно сделать из всех этих предостережений?

— В мире кроется опасность. Он может затянуть нас в свои сети, потому мы должны бодрствовать и, оставив все, следовать за Христом.

— Да, в мире кроется большая опасность! — подтвердил доктор Дуглас.— Библия ничего не говорит напрасно. Где же нам взять силу, чтобы устоять в искушениях? Как ты думаешь, Генрих?

— Христос сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». Вся наша сила только в Господе.

— Правильно,— кивнул доктор Дуглас.— Возвратимся теперь к нашему стиху. Значит, чтобы следовать за Христом, надо что-то оставить. Кому из вас пришлось на прошлой неделе расстаться с чем-либо или с кем-либо ради Господа?

В зале наступила напряженная тишина.

— Мне пришлось расстаться с другом,— взволнованно сказал сидящий впереди юноша.— Я много говорил ему о Боге, но он не захотел идти со мной одним путем. У нас не может быть с ним ничего общего, наши пути разошлись.

— А ты молишься о нем, Роберт?

— Да.

— Мы хотим помочь тебе. Не так ли, друзья? — обратился доктор Дуглас к молодежи.— Давайте помолимся, чтобы друг Роберта тоже последовал за Господом. Карл, ты совершишь молитву.

Все опустились на колени. Я старалась не отстать и была немало удивлена, услышав короткое и простое прошение Карла.

— Иисус Христос,— молился он,— мы очень хотим, чтобы Альфред, о котором только что рассказал Роберт, пришел

к Тебе. Мы знаем, что Ты желаешь этого еще больше, чем мы, потому что Ты умер за нас. Стучи в его сердце и не оставляй его в покое, пока он не обратится к Тебе! Помоги и нам не ослабевать в молитве. Услышь нас, Боже! Аминь.

— Может, еще кто-то хочет поделиться своими переживаниями или победами?

— Я часто посещала одно кафе и только недавно поняла, что это неугодно Господу, и перестала туда ходить,— смущенно сказала девушка, сидевшая рядом со мной.

— Слава Богу за одержанную победу! — радостно произнес доктор Дуглас.— Друзья, давайте серьезно поразмыслим и молитвенно взвесим: не ходим ли мы туда, где нет Господа? Будем просить, чтобы Дух Святой учил нас следовать только за Христом. Фридрих, ты помолишься в заключение!

И опять полилась искренняя молитва.

— Научи нас, дорогой Иисус, как мы должны ходить Твоими путями! — молился юноша.— Помоги проверять свое сердце, действительно ли мы идем за Тобой! Сохрани нас от тех мест, куда Ты не можешь пойти с нами! Просим Тебя, Господи, услышь нас! Аминь.

После молитвы вдруг раздался робкий голос Рут Валкер:

— Я хочу вместе с вами помолиться, чтобы Господь помог мне возлагать на Него свои заботы. Мне трудно полностью довериться Ему...

— Это очень важно,— сказал доктор Дуглас.— Часто мы строим из забот такие стены, что не можем через них видеть Иисуса. Храните себя от этого, друзья! Вознесем и эту нужду нашему Небесному Отцу!

Помолившись, доктор Дуглас предложил спеть знакомую всем песню: «Что за Друга мы имеем!».

У меня создалось впечатление, что молодежь собралась сюда, чтобы помочь друг другу. Многие откровенно говорили о том, что мешает им идти за Иисусом.

— Кто из собственного опыта может сказать: «Господи, я оставил все и последовал за Тобой»? Поднимите руку!

Ни одна рука не поднялась.

— Очень жаль,— вздохнул доктор Дуглас.— Значит, среди нас нет того, кто оставил бы все, что мешает в следовании

за Христом! Стало быть, мы следуем за Ним только издали. Тогда назовите, кто сказал эти слова?

— Апостол Петр,— мгновенно прозвучал ответ.

— Как ты думаешь, Генрих, Петр заблуждался?

— Думаю, что да.

— К сожалению, это так,— подтвердил доктор Дуглас.— Вы знаете, что после этого смелого утверждения Петр трижды отрекся от Христа. А ведь он думал, что все оставил. Мы должны тщательно проверять себя, потому что и с нами может случиться, как с бедным Петром. И тогда мы, к стыду своему, увидим, что оставили в своем сердце гордость, человеческий страх, тщеславие и многое другое, что мешает следовать за Господом.

А теперь я хочу узнать, кто после размышления над этим стихом понял, что именно нужно оставить ради Христа?

Поднялось больше дюжины рук, и среди них рука доктора Дугласа.

— Слава Богу! Давайте поблагодарим Господа за то, что Он учит нас и побуждает к более верному и сознательному следованию за Ним.

И снова к Богу вознеслась простая, краткая, но исходящая из глубины сердца молитва. После пения гимна: «Крепко люблю я, Иисус, Тебя! Жизни дороже Ты для меня», доктор Дуглас спросил:

— Может, кто-нибудь желает сегодня же оставить все и пойти за Иисусом?

Тут поднялся молодой человек, весь вечер молчаливо сидевший в дальнем углу, и сказал:

— Я хочу служить Христу!

Он опустился на колени и стал горячо молиться.

Потом молился доктор и еще несколько человек. Все они со слезами просили, чтобы Господь помог им идти по Его следам. И только несколько девушек с картонной фабрики безучастно посматривали по сторонам.

Глядя на них, мне казалось, что мое молчание в данный момент будет похоже на отречение. Побуждаемая внутренним желанием, я не выдержала и сказала:

— Я тоже хочу следовать за Иисусом!

И снова к престолу милости понеслись искренние молитвы.

После всех молился доктор Дуглас. Он благодарил Бога за услышанные молитвы и просил благословения на всех, желающих идти по стопам Христа.

Я очень удивилась, когда услышала, что собрание подошло к концу. Как незаметно пролетело время!

Доктор Дуглас поставил на стол небольшую коробку. Там были записки с темами для последующих занятий. Он достал одну и, прочитав, сказал:

— Предлагаю на рассуждение стих, записанный в шестнадцатой главе Евангелия Иоанна: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». Мир никогда не симпатизировал Христу, и Своим последователям Господь не обещал золотые горы и устланный розами путь. Все, кто следует за Иисусом, обязательно будут испытывать страдания и скорби. И только Христос — наше утешение, наш Господь и Пастырь. Доверяя Ему, мы будем побеждающими.

Молитвенный час закончился. Молодежь разошлась. Затушив лампы, доктор Дуглас закрыл дверь. Мы вышли на улицу.

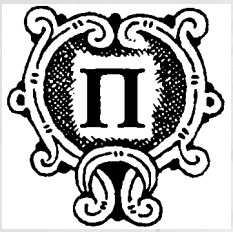
— Юлия, вот ты и побыла на нашем собрании. Тебе понравилось? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — Я благодарен Богу за Карла. Ему так трудно было покаяться! Сатана сильно удерживал его. Понимая это, я молил Господа о помощи, и Он услышал. Больше всего Карлу мешали девушки с фабрики. Равнодушные к Слову Божьему, они долго еще будут насмехаться над Карлом. А бедный юноша очень чувствителен к издевкам, особенно когда слышит их от Каролины Зейлерс. Ты уже знакома с ней, Юлия?

— Нет.

— Постарайся познакомиться. Я рассчитываю на твое влияние. А о Фанни Хоппер мы когда-нибудь поговорим. К ней тоже трудно найти подход... Вот мы и дома. Ты иди отдыхать, а мне нужно еще посетить больных.

Глава шестая

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ВЗГЛЯДОВ



опрощавшись с доктором Дугласом, я решила сразу же пойти в свою комнату, но, проходя мимо гостиной, невольно заглянула в распахнутую дверь. Фрау Тиндалл сидела в кресле за своей неизменной работой — вязанием. Увидев меня, она поспешно поднялась навстречу.

— Я только что вспоминала вас, Юлия,— заулыбалась она.— Мой муж придет поздно, и я уже сейчас скучаю, как одинокий зверек в клетке.

Фрау Тиндалл придвинула к огню второе кресло, и я, не задумываясь, опустилась в него.

— Бедная девочка! — с сожалением посмотрела она на меня.— Со стороны доктора Дугласа это просто жестоко: потащить вас в эту пещеру! Неужели зал, в котором они собираются, можно назвать классной комнатой? Я обязательно скажу ему об этом! Неужели вам понравилось?

— Конечно! — немного сердито буркнула я, потому что ее тон испортил мне настроение.— Я с удовольствием хожу на молитвенный час.

— В самом деле? — в ее голосе зазвучали еле заметные нотки сомнения.— Честно говоря, не могу полностью согласиться с вами. Правда, молитвенные часы воспринимаются по-разному, в зависимости от образованности и духовных способностей участвующих. То, что назидает одних, возможно, не принесет пользы другим...

— Никогда не слышала, что на молитвенном собрании играет роль образование,— возразила я.— По-моему, там как нигде должно царить равноправие.

— К сожалению, так думают многие, поэтому богатые и одаренные люди не обращаются к Богу,— невозмутимо произнесла фрау Тиндалл.

Я знала, что доктор Дуглас и моя мама понимают это

по-другому, но не могла возразить. А словоохотливая хозяйка продолжала:

— Как я слышала, доктор Дуглас по-особенному проводит молитвенные собрания. Катерина, наша горничная, постоянно посещает их и говорит, что получает большие благословения. Она всегда охотно рассказывает о собраниях, и я поняла, что в служении участвуют все, и даже девушки. Конечно, я и наполовину не верю ее словам.

Еще я слышала, что эти собрания посещают девушки из группы доктора Дугласа. Это же простые работницы и продавцы! Кажется, туда еще ходят два ученика из фирмы моего мужа и один рабочий из типографии, а также молодые люди с фабрики, остальных я не знаю. Я весь вечер жалела вас, моя девочка...

Мне было тягостно слышать упреки в адрес доктора Дугласа. Мысль, что я не подхожу к тем людям, с которыми мне пришлось общаться, была неприятной. Не хотелось соглашаться с фрау Тиндалл, что я на ступеньку выше всех, присутствовавших там. И еще я была недовольна тем, что фрау Тиндалл вывела меня из блаженного состояния, в котором я находилась. После некоторого колебания, я коротко ответила:

— У всех этих людей есть душа, несмотря на то, что они всего-навсего ученики, горничные или просто рабочие. Бог вознаградит доктора Дугласа за работу среди них!

Фрау Тиндалл приподняла брови и сосредоточенно провязала несколько петель.

— Несомненно, молитвенные собрания нужны, и я уверена, что если их правильно проводить, они могут стать благословением для этих бедных созданий. Никто так не восхищается служением доктора, как я, и все же мне трудно понять, где он находит для этого время. Ведь он не тот человек, который делает что-либо спустя рукава!

Конечно, доктор Дуглас заслуживает самого большого уважения! Единственное, что я нахожу неправильным в его действиях,— это то, что он принуждает и вас к этому совершенно бесполезному труду. Вполне достаточно, что он полностью пожертвовал собой. Вы, возможно, не согласитесь со мной, я вижу это по вашим глазам. Да, девушки умеют мечтать и

красиво говорить. Но разрешите мне дать вам совет как старшая сестра младшей. Чем опытнее становишься в христианском хождении, тем больше видишь, что нужно советоваться с разумом. Мы можем говорить о равноправии, желать его и напоминать друг другу, что у людей есть душа. На самом же деле равноправия нет и не будет до тех пор, пока люди не начнут одинаково мыслить.

Возьмем, к примеру, мою горничную. Это добрейшее создание, которое, без сомнения, имеет неумирающую душу, и мы, конечно, желаем ей самого лучшего. Но с удовольствием ли мы проведем с ней вечер? Будет ли Катя рада общению с нами? Думаю, мы все трое будем чувствовать себя неловко. В такое положение ставят себя мечтатели, совершенно не думая, что их идеи просто-напросто смешны. И мы должны показывать им, что их высокие идеи нередко приводят к глупым результатам.

Все это фрау Тиндалл произнесла тоном, не признающим возражения. Она сбила меня с толку, хотя внутренне я не хотела соглашаться с ее доводами.

После некоторой передышки фрау Тиндалл спросила:

— Юлия, а девочки знают, о чем говорить на молитвенном собрании?

— Конечно,— коротко и довольно сердито бросила я, сама не зная почему.

— Неужели они хорошо говорят по-английски?

— Они же все американки! — невольно рассмеялась я.— Как же им говорить, если не по-английски?!

— Вы не смейтесь надо мной,— шутливо погрозила пальцем фрау Тиндалл.— Я, конечно, могла бы спросить это и у Кати, но считаю ниже своего достоинства говорить с прислугой о таких вещах. Юлия, а вы тоже участвуете в беседах?

— Да! — победно произнесла я.— Сегодня многие участвовали, в том числе и я.

— Это же просто ужасно со стороны доктора Дугласа! — фрау Тиндалл испуганно всплеснула руками.— Я действительно не могу понять, как он может такое допустить!

— Прошу вас, фрау Тиндалл, не обвиняйте доктора Дугласа за мои поступки! — холодно остановила я.— Ведь я

пошла на собрание по собственному желанию и не сделала ничего предосудительного.

Фрау Тиндалл вновь взялась за работу, и ее голос по-прежнему зазвучал серебряным колокольчиком.

— Милое дитя, не думайте, что я вас осуждаю. Вы родились в тихой, маленькой деревне, и при вашем воспитании совершенно естественно вести себя так. Все же разрешите мне немного рассердиться на доктора Дугласа за то, что он не познакомил вас со взглядами ньютонского общества. Он хорошо знает, что у нас считается неприличным, когда на собрании говорят женщины, а тем более девушки. Вас, конечно, не за что винить. Откуда вы должны были знать это?

— Объясните, пожалуйста, почему ньютонское общество отрицательно воспринимает короткое свидетельство на молитвенном часе и к тому же в общении молодежи? — густо покраснев, спросила я.

Фрау Тиндалл передернула плечами.

— Моя милая маленькая пуританка, ну и задали вы мне задачку! Я не стремлюсь расследовать эти причины. Многие люди понимают, что такое поведение женщины принципиально неправильно, как об этом пишет и Апостол Павел. Конечно, это неверно. Лично я думаю, что такие вопросы нужно решать со своей совестью. Слава Богу, я никогда не чувствовала необходимости говорить открыто на собрании и надеюсь, что моя совесть не позволит мне это делать и в будущем.

Мы не должны забывать общественного мнения по этому вопросу. Что касается меня, я не хочу пренебрегать им. Милое дитя, если бы вы знали хотя бы половину насмешливых замечаний, слышанных мной по этому поводу, то никогда в жизни не стали бы открыто говорить на собрании!

— Мне все равно, как думают об этом окружающие! — вспыхнула я.

— И все же со временем вы увидите, что ваши взгляды неправильны или, по крайней мере, не подходят к городской жизни,— настойчиво утверждала фрау Тиндалл.— Такое пренебрежение мнением общества производит на неверующих плохое впечатление, потому они смеются над христианами.

— Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь насмехался над тем, что женщины участвуют в богослужении!

— Моя милая провинциальная невинность! — вздохнула фрау Тиндалл.— Вы не должны забывать, что живете в городе. Я не спорю, ньютонское общество во многих отношениях своеобразно. Здесь, наверное, больше образованных людей, у которых были преимущества для хорошего воспитания. Такие люди особенно строги в своих суждениях.

В это время в комнату зашел господин Тиндалл и опустился в кресло рядом с женой.

— Какие проблемы решают мои дамы, если не секрет? — весело спросил он.— Может, они будут понятны и мужчинам?.. Или я помешал вам и должен уйти?

— Нет-нет, ты пришел как раз вовремя! — защебетала фрау Тиндалл.— Подумай только, мой милый, доктор Дуглас поручил этой маленькой пуританке сказать речь перед молодыми людьми в собрании. Что ты скажешь на это?

Мной овладело раздражение. Затем оно сменилось смущением, и я, стараясь успокоиться, молчала.

Господин Тиндалл тихо свистнул:

— Извините меня, но я должен высказаться. Доктор Дуглас мудрый человек. Я даже согласился бы посидеть часок в этом ужасном помещении, чтобы услышать ваш голос, фрейлейн Рид. Значит, вот какая волшебная палочка действует на моих работников! Теперь я не буду удивляться, если...

— Я только что хотела рассказать фрейлейн Рид о фрау Гильдебрандт,— перебила его жена.— Может, ты помнишь ее?

— Это та, что раньше всех приходила на молитвенные собрания? В общем-то у меня есть время, и я с удовольствием послушаю тебя.

Фрау Тиндалл, используя все свои способности, красочно описала давно происшедший случай, да так смешно, что ни ее муж, ни я не могли удержаться от смеха. Мы то замолкали, то снова смеялись, не в силах остановиться. Наконец господин Тиндалл, махнув рукой, ушел к себе. Его жена тут же приняла серьезный вид.

— Я нисколько не преувеличила, фрейлейн Рид. Эрнст часто сопровождал меня на молитвенные собрания и все это

должен был слышать. Поэтому не стоит удивляться, что он перестал туда ходить.

В этот вечер в моей голове, словно мельничное колесо, беспрестанно кружились противоречивые мысли. Я не могла принять за чистую монету все, что говорила фрау Тиндалл. И все же ее замечания оказывали на меня определенное влияние. Я чувствовала, что постепенно удаляюсь от надежной пристани. Не раз я начинала читать Библию, но слова фрау Тиндалл снова и снова приходили на память, и я смеялась, не в состоянии взять себя в руки. Мне стало ясно, почему господин Тиндалл не захотел больше посещать молитвенные собрания.

В тот вечер, прежде чем лечь спать, я подробно записала беседу, которую слышала на собрании.

Глава седьмая

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ВДАЛИ ОТ ДОМА

В воскресенье утром, проснувшись как обычно, я сразу же стала собираться на богослужение. Это заняло много времени, несмотря на то, что мой гардероб был предельно скромен. Я долго перекладывала и рассматривала платья, не решаясь надеть какое-либо из них, и, услышав звонок на завтрак, спустилась в столовую, не помолившись.

Дома мы каждое утро молились вместе, но здесь было по-другому. После завтрака я задержалась на кухне с фрау Тиндалл и опомнилась только тогда, когда доктор Дуглас сказал, что пора идти на собрание. Я помчалась в свою комнату одеваться.

Долго я не могла справиться с волосами и красиво зачесать их. Когда зазвенел звонок, я быстро надела коричневое

платье, но вдруг вспомнила, что приехала в нем из дома и фрау Тиндалл сделала мне комплимент, что у меня хорошее дорожное платье. Желая сохранить приятное мнение о себе, я тут же повесила его в шкаф и взяла единственное шелковое черное платье. Я считала его самым лучшим из тех, что у меня были, потому что его подарила мне Сади. Затем я пристегнула кружевной воротник и манжеты, но, заглянув в зеркало, поняла, что они не смотрятся в данный момент, и положила их назад в шкатулку. Вместо них я достала простой белый воротничок и такие же манжеты и приколола розовый бант. Вспомнив, что на моей шляпе перо голубого цвета, я отбросила розовый бант и взяла синий. «Что скажет фрау Тиндалл о моей одежде?» — подумала я.

Между тем звонок, торопливая меня, звенел беспрерывно. И чем больше я спешила, тем громче он звенел. На столе лежала нераскрытая Библия, для молитвы я тоже не нашла времени. «По крайней мере я хотела почитать»,— оправдывалась я, поспешно склоняясь на колени. Пытаясь сосредоточиться, я вдруг вспомнила, что цепочку от часов можно приколоть к платью, а не к плащу.

В этот момент доктор Дуглас постучал в мою дверь. Я вскочила, бегло посмотрелась в зеркало и, заметив, что цепочка слишком бросается в глаза, спрятала ее под плащ, затем надела шляпу и, довольная своим видом, выскочила из комнаты.

Церковь, в которую мы вошли, была большая и красивая. Здесь звучала тихая, спокойная музыка, и моя душа наполнилась благоговением.

Вспомнив рассказ фрау Тиндалл о жене пастора, я осмотрелась. Зеленой шляпы не было видно. На скамейке впереди сидели три нарядные девочки и мальчик. Я обратила внимание на их одежду, но не нашла в ней ничего предосудительного. Симпатичные, розовощекие дети понравились мне, и я невольно подумала, что у них, должно быть, хорошая мать. Позже я узнала, что это были дети господина Муллфорда.

Пение хора произвело на меня глубокое впечатление. Мое сердце было действительно готово к слышанию Слова Божьего. Вот на кафедру поднялся пастор. Я не заметила в нем

ничего странного, пока случайно не встретилась взглядом с фрау Тиндалл. В ее глазах было нечто такое, что мысленно перенесло меня в гостиную и напомнило о странной привычке господина Муллфорда.

Я посмотрела на пастора внимательней и заметила, что его верхняя губа действительно немного дергается. Возможно, это было от легкого тика и совсем не казалось смешным. Однако перед моими глазами вдруг ясно предстала картина, которую описывала фрау Тиндалл, и я прыснула в кулак. Затем мной овладел приступ смеха. Я тщетно пыталась сдержаться, думая о самых печальных событиях, старалась представить себе, что сказала бы мама, увидев мое поведение, но ничего не помогало. Я так смеялась, что мое тело тряслось. Доктор Дуглас, сидевший рядом, прошептал:

— Юлия, может, ты выйдешь?

Это мгновенно отрезвило меня. Сердито взглянув на него, я отвернулась и сосредоточила внимание на пасторе, который читал текст из первого послания Коринфянам: «Чего вы хотите? С жезлом придти к вам или с любовью и духом кротости?» Я нашла этот стих в своей Библии и подчеркнула.

Частично от стыда и досады, частично из-за интереса к проповеди, я успокоилась. Серьезная и глубокая речь пастора глубоко проникала в мое сердце.

После собрания я осталась на занятия воскресной школы и присоединилась к группе фрау Тиндалл. Она познакомила меня с девушками, разодетыми в богатые шелковые и бархатные платья. Я весьма удивилась, увидев среди них Рут Валкер. Широко улыбнувшись ей, я обратила внимание, что никто как будто не замечал ее, кроме фрау Тиндалл, которая вместо приветствия молча кивнула.

С нескрываемым интересом я рассматривала девочек из группы доктора Дугласа. Они были одеты гораздо беднее, но опрятно. Среди них была Фанни Хоппер и другие работницы картонной фабрики. Если бы я не сердилась на доктора Дугласа, то тут же предложила бы перевести Рут в его группу. По-моему, и Рут, и фрау Тиндалл были бы довольны. Весь урок я думала об этом и потому мало что запомнила.

Когда речь зашла о подготовке к Рождеству, я оживилась.

Фрау Тиндалл распределила слова декламации и подробно объяснила, какой должна быть одежда участников. Поневоле я оказалась в центре внимания, потому что уже участвовала в подобной декламации и могла рассказать, как должны выглядеть костюмы. Даже фрейлейн Флора Хервиг, одна из самых гордых девушек в группе, которая до сих пор открыто игнорировала меня, задала несколько вопросов, а в конце собрания подошла ко мне и прошептала:

— Я приду к вам в гости! Правда, у меня очень мало свободного времени, и я могу ходить только к самым близким... Но для вас я сделаю исключение!

Затем она с обиженным видом повернулась к фрау Тиндалл:

— До каких пор эта Валкер будет в нашей группе? Почему вы терпите это?

— Не говори глупостей, Флора! — прервала подругу Эльза Зимон. — Что в этом плохого? Она, как мышка, тихо сидит в своем уголке и никому не мешает. Наоборот, всем приятно видеть ее кроткое личико.

— Флора, вы же знаете, что в воскресной школе мы не имеем права считать кого-то ниже себя,— мило улыбнулась фрау Тиндалл.

— Конечно, вам нетрудно вмещать ее, но мы не можем достичь такого совершенства, как вы, да и не стремимся к этому. Честно говоря, не хочется, чтобы она была в нашей группе!

Я, не спуская глаз, смотрела на фрейлейн Флору, пытаясь понять, насколько серьезно она говорит. Фрау Тиндалл отнеслась к этому замечанию весьма снисходительно.

— Конечно, мне очень жаль, что бедная девочка не чувствует себя в нашей группе свободно,— сочувственно проговорила она.— Фрейлейн Рид, как вы думаете, доктор Дуглас согласится взять Рут Валкер в свою группу?

Не успела я ответить, как к нам решительным шагом подошел доктор Дуглас.

— Фрау Тиндалл, вы не будете против, если Рут Валкер перейдет в мою группу?

Фрау Тиндалл засмеялась, кивая в нашу сторону:

— Спросите у фрейлейн Херриг!

— Тогда я поговорю об этом с директором школы.— И доктор Дуглас так же быстро ушел.

— Как вы терпите его, фрау Тиндалл? — кокетливо пожимая плечами, спросила Флора.— Изо дня в день находиться с этим человеком под одной крышей? Это невероятно! Не чувствуете ли вы в последнее время серьезных болей в сердце? Признаюсь, я бы такого не перенесла!

— Ах, Флора, вы неисправимы! — как ни в чем не бывало, улыбнулась фрау Тиндалл.— Господин доктор стоит двенадцати подобных ему! Если не верите, спросите у фрейлейн Рид,— и, повернувшись ко мне, добавила: — Милая, может, мы пойдем?

Все посмотрели на меня, но я промолчала и поспешно вышла.

Возле самого дома нас догнал доктор Дуглас.

— Юлия, ты пойдешь со мной после обеда на евангелизационное собрание?

Я сердито взглянула на него и спросила:

— Это вы вместо извинения за невежливость, допущенную сегодня утром?

— Неужели я огорчил тебя? — удивился он.— Я видел, что ты не могла взять себя в руки, и подумал, что лучшее в этом случае — выйти на улицу и успокоиться.

Его мягкий дружелюбный тон еще больше разозлил меня, и я резко бросила:

— Найдите кого-нибудь другого. Я не пойду.

Доктор Дуглас ничего не ответил и, придержав дверь, пропустил меня. Я решила не подниматься к себе и осталась в гостиной. Доктор Дуглас, заложив руки за спину, стал ходить из угла в угол, о чем-то сосредоточенно думая.

Неожиданно раздался пронзительный звонок, и в дом ввалился молодой господин Зайлес. Да-да, именно ввалился, потому что более подходящее слово трудно подобрать, чтобы описать его вторжение.

— Может, вы и мне дадите что-нибудь поесть? — обратился он к фрау Тиндалл, шумно опускаясь в кресло.— Ресторанная пища мне уже изрядно надоела, да и общество тоже.

— Значит, вы все еще не обедаете дома? — поинтересовалась фрау Тиндалл.

Господин Зайлес раскатисто засмеялся.

— Мы с матерью лучше понимаем друг друга, когда находимся на расстоянии.

— Ах, бедняжка, я сочувствую вам,— участливо вздохнула фрау Тиндалл и пригласила всех в столовую.

За столом началась оживленная беседа, естественно, не на духовную тему. Доктор Дуглас молча ел и говорил только тогда, когда обращались лично к нему.

Эрнст Тиндалл, подавая гостю десерт, спросил:

— Роберт, почему я не видел вас в церкви?

— Потому что я был на своем собрании.

— Это где, если не секрет?

— Вы хотите посмеяться надо мной перед святыми посетителями церкви? — господин Зайлес добродушно посмотрел на каждого из нас.— Впрочем, я скажу, если вы сильно хотите знать. Я пошел на запад, вместо того, чтобы идти на восток.

Фрау Тиндалл сделала вид, что рассердилась, и воскликнула:

— Что? Вы были в музыкальном салоне, как неверующий человек?!

— Я совершенно не чувствую себя виновным, фрау Тиндалл. Наоборот, не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь был в более благоговейном состоянии, чем сегодня утром. Это была прекрасная музыка! Я уверен, что она и вам бы очень понравилась. А вы, господин доктор, что скажете на это? Разве осудительно проводить время там, где тебе приятно?

— Каждый должен поступать по совести,— доктор Дуглас серьезно посмотрел на говорившего.— Конечно, с условием, что она находится под руководством Духа Божьего.

— Вы хотели сказать: с условием, что совесть вообще есть у меня,— грустно усмехнулся господин Зайлес.— Откровенно говоря, я и сам не уверен в этом. Впрочем, скажите честно, господин Тиндалл, что вы получили сегодня от посещения церкви?

— У меня осталось хорошее впечатление о собрании,— произнес господин Тиндалл и обратился к жене: — Фанни, подскажи, что читал господин пастор?

Фрау Тиндалл наморщила лоб, пытаясь вспомнить проповедь. Я тоже напрягла память, но тщетно: в голове было пусто, будто я совсем ничего не слышала. И только доктор Дуглас, видя наше молчание, медленно произнес:

— Пастор Муллфорд читал слова Апостола Павла: «Чего вы хотите? С жезлом придти к вам или с любовью и духом кротости?»

— Правильно! — подтвердил господин Тиндалл.— Впрочем, я думаю, что если бы пастор Муллфорд решал этот вопрос, то вряд ли предоставил нам выбор. Он взял бы жезл и орудовал им направо и налево. Если бы ты слышал, Роберт, как он нас отчитывал! По-моему, тебе нужно было бы послушать! Ты не сомневался бы после этого, есть у тебя совесть или нет. У нашего пастора способности настоящего воина. Стоит посмотреть, как он воинствует с кафедры! Удивляюсь, как ты можешь пропускать такие представления...

— Эрнст! — с упреком воскликнула фрау Тиндалл, еле сдерживаясь от смеха.

— Теперь мы знаем, какие люди находятся в церкви! — господин Зайлес победно посмотрел на меня.— Доктор Дуглас, скажите положа руку на сердце, кто сегодня больше получил пищи для души: Тиндалл в церкви или я в музыкальном салоне?

— По-моему, здание не в ответе за духовное состояние человека, переступающего его порог,— ответил доктор Дуглас.

— Фрейлейн Рид,— повернулся ко мне господин Тиндалл,— что с вами сегодня случилось? Я видел, как вы смеялись во время проповеди, и мне так хотелось присоединиться к вам!

Я покраснела.

— Ах, Эрнст, перестань, пожалуйста! — остановила его фрау Тиндалл.— Бедное дитя не могло поступить иначе. Разве можно удержаться от смеха, впервые увидев комичное движение губ доктора Муллфорда? Я уже три года стараюсь привыкнуть к этому, но и сегодня еще не могу сказать, что мне удалось, хотя часто внушаю себе, что это просто недостаток, от которого человек страдает.

— Фрау Тиндалл, какой недостаток вы нашли у господина пастора? — испытующе посмотрел на нее доктор Дуглас.— Я не вижу в нем ничего достойного порицания...

Фрау Тиндалл вскинула брови. Затем, явно преувеличивая, она так скривила рот, передразнивая пастора Муллфорда, что господин Тиндалл и Зайлес громко рассмеялись. Доктор Дуглас ничего не сказал и, извинившись, поднялся из-за стола.

— У доктора Дугласа здоровый желудок? — то ли в шутку, то ли всерьез поинтересовался господин Зайлес.

— Не знаю,— беззаботно смеясь, ответила фрау Тиндалл.— А что?

— Боюсь, что я испортил ему настроение, а это вредно для желудка.

— Конечно, ты оскорбил его. Он очень уважает господина Муллфорда.

— Очень жаль, но я совсем не хотел унизить пастора,— пожалел господин Зайлес.— Я уважаю его за благородство. Но вы, фрау Тиндалл, слишком смешно выглядели, имитируя его! — И он опять начал смеяться.

— Попробуй-ка лучше торт! — невозмутимо остановила его фрау Тиндалл.— А с доктором Дугласом я все улажу. Мой муж утверждает, что Дуглас далеко не глупый человек и хорошо знает, что я уважаю пастора Муллфорда, хотя и смеюсь иногда над его выходками.

Незаметно разговор зашел о пении. Фрау Тиндалл была недовольна, что басы плохо пели, в то время, как ее муж на все лады расхваливал их. Мне показалось, что фрау Тиндалл находила недостатки у каждого и испытывала радость оттого, что могла поставить их на вид.

После обеда мы перешли в гостиную. Удобно устроившись в кресле, я предалась размышлениям. За дверью послышались торопливые шаги доктора Дугласа. Он отправился на евангелизационное собрание. Меня он не позвал с собой. Я отлично сознавала, что провожу время не по-христиански. По крайней мере, можно было пойти в свою комнату и почитать Библию, но я предпочла посидеть в уютной гостиной и послушать, о чем здесь говорят.

— Мне очень жаль, что наш разговор принял такое

направление,— господин Зайлес вернулся к теме, начатой за столом.— Я серьезно переживаю за доктора. Может, нужно попросить у него прощения?

— В первую очередь это должна сделать Фанни,— заметил господин Тиндалл.— Она ведь нас рассмешила!

При этом господин Тиндалл снова начал смеяться, а вместе с ним и его жена, и господин Зайлес.

— Я слышал, что доктор Дуглас и пастор — хорошие друзья,— успокоившись, вспомнил господин Зайлес.— Видимо, поэтому наш смех сильно задел его. Мне, конечно, неприятно, что так получилось...

— Какой вы чувствительный! — с восхищением воскликнула фрау Тиндалл.— Мне хочется быть похожей на вас, чтобы не причинять другим боль. К сожалению, у меня плохая привычка говорить вслух все, что приходит в голову, не взвешивая, умно это или глупо.

— Если бы я обдумывал все, что говорю, то не ошибался бы так много,— вздохнул господин Зайлес.— Позднее покаяние не исправляет ошибок...

— Ну-ну, успокойтесь! — остановила его фрау Тиндалл.— Доктор Дуглас умный человек и не обидится на нашу болтовню. Его уход говорит о том, что он просто не смог сдержать себя, как обычно. Быстрая ходьба на свежем воздухе успокоит его нервы, и он увидит, что был неправ, рассердившись на нас. Итак, прошу вас, Роберт, успокойтесь. У вас и без того достаточно забот. Пусть в моем доме вас окружает только приятное!

Господин Зайлес заерзал в кресле, и я невольно подумала: «Какие у него могут быть заботы?» По всему было видно, что он самонадеян и не даст себя в обиду.

А между тем фрау Тиндалл стала расхваливать другого пастора, доктора Вателя.

— Это лучший проповедник Ньютона! — подтвердил господин Тиндалл.— Я не знаю никого, кто бы мог соперничать с ним.

— Думаю, во всем Нью-Йорке не найдется оратора, сильнее его,— продолжала фрау Тиндалл.— Слушать его — одно удовольствие. Фрейлейн Рид, если бы вы слышали его голос!

Он звучит, как самая чистая музыка, многие слушатели плачут от умиления во время проповеди.

— Фрау Тиндалл, как у него дело с логикой? — лукаво поглядел на нее господин Зайлес.

— Он никому не навязывает свои идеи. Я уже не раз слышала его проповеди, но так и не могла понять его религиозную точку зрения.

— Фанни, зачем ты так? — с укором посмотрел на нее муж.— Разве пастор не должен высказывать свои взгляды, проповедуя в церкви?

— Это устаревшая идея,— не смутилась фрау Тиндалл.— Сегодня она не находит отклика у людей высшего сословия.

— Мне нравится, когда человек не стыдится своей веры и так воодушевлен ею, что может и других зажечь,— возразил господин Зайлес.

— Мне тоже это нравится,— вставила я и подумала, что господин Зайлес не такой уж плохой человек, как мне показалось.— Я с удовольствием слушала пастора Муллфорда. Чувствуется, что он истинный христианин и хочет, чтобы его слушатели были такими же.

— Я тоже такого мнения,— сказал господин Тиндалл.— Для вас, верующих, слишком обременительно беспокойство совести, и вы охотно перекладываете все на служителя. А для Фанни это дело так мучительно, что она считает за лучшее вообще игнорировать свою совесть.

Фрау Тиндалл рассмеялась своим милым, нежным смехом.

— Что касается моего мужа, то у него совсем нет совести. Не обращайте внимания на глупости, которые он говорит. Я знаю одно средство, как прекратить спор. Давайте возьмем с собой фрейлейн Рид и пойдем послушаем проповедь доктора Вателя. Тогда она сама поймет истинное положение вещей и должна будет признать свое поражение.

— А пойдет ли она с нами? — господин Зайлес посмотрел на меня с недоверием.

Вначале я категорически отказывалась. Но они не оставили меня в покое, пока я не согласилась.

— Наконец-то уговорили,— господин Тиндалл подавил зевоту и спросил своего гостя: — Роберт, чем ты хочешь

заняться до собрания? Будешь беседовать с дамами или пойдешь со мной прогуляться?

Господин Зайлес выбрал последнее. Я тоже хотела уйти в свою комнату, но как только за мужчинами закрылась дверь, фрау Тиндалл быстро повернулась ко мне:

— Скажите-ка, фрейлейн Рид, почему так получается: господин Зайлес, который считает себя неверующим, так сильно переживает о других, а доктор Дуглас, будучи христианином, обиделся на нас из-за плохого настроения? Мне, например, было неприятно, что он ушел в обед таким сердитым. Я знала, что Роберт почувствует это. Бедный, ему и так приходится переносить много трудностей! Если бы люди понимали, что необдуманными действиями они вредят своим ближним...

Я не заметила ничего плохого в поведении доктора Дугласа и даже восхищалась его спокойствием. Однако, выслушав фрау Тиндалл, я вдруг согласилась, что он все же был нетактичен.

— Мне очень жаль, что доктор Дуглас оказался таким чувствительным. Это совсем не похоже на него,— неуверенно протянула я.

— Конечно, с его стороны неразумно рассердиться на то, что мы посмеялись над пастором. Честно говоря, милое дитя, мне не нравится пуританский образ жизни доктора. Он считает, что господин Зайлес не должен приходить к нам на обед. По-моему, он не может терпеть бедного Роберта и обращается с ним с какой-то торжественной строгостью, особенно если тот приходит в воскресенье.

Думаю, доктор Дуглас должен понять, что я обязана принимать друзей мужа и делать для них воскресный день приятным и радостным. Эрнст не должен чувствовать, что кто-то считает себя более святым, чем он. Мужчинам это особенно не нравится. Вам не кажется странным, что доктор Дуглас мало заботится о таких вещах? — Фрау Тиндалл вздохнула и опустила голову.— Может, это оттого, что он не понимает постоянную тоску и заботу женщины, у мужа которой такой своеобразный характер? Надеюсь, вы поможете мне, фрейлейн Рид. Я так долго ждала помощи!

Пораженная просьбой фрау Тиндалл, я молчала. Совесть судила меня за напрасно проведенное время и пустые разговоры. Жалко было господина Тиндалла, потому что он легко поддавался чужому влиянию. По словам фрау Тиндалл, все вокруг было направлено к тому, чтобы повредить духовному состоянию ее мужа. Суждения фрау Тиндалл заставили меня задуматься, чьи взгляды были правильными — ее или доктора Дугласа и моей любимой мамы.

Гораздо позже я поняла, почему все двоилось в моем сердце. Сатана ставил силки и хотел завлечь меня, а я оказалась слишком податливой.

— Милая, почему вы не носите кудри? — нарушила молчание фрау Тиндалл.— Я уверена, что вам они были бы к лицу. Да и гладкая прическа сейчас не в моде.

— Не хочу,— выдавила я, удивляясь резкой перемене разговора.

— Разрешите мне сделать что-нибудь с вашими волосами! — так же живо предложила она.— Они у вас такие прекрасные, с ними можно сделать все, что хочешь! Знаете ли вы, что я мастерица в этом деле? Зайдите на одно мгновение в мою спальню, и я вам сделаю чудесную прическу! Это займет всего несколько минут, и вы неузнаваемо изменитесь. Пойдемте скорее, мне не терпится поработать с вашими бесподобными волосами! Да и вашей голове будет легче; помню, вы жаловались, что с такими косами очень трудно и даже болит голова.

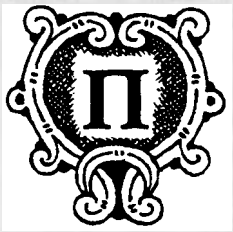
Я беспрекословно последовала за фрау Тиндалл и, сидя на маленьком стульчике, оправдывалась тем, что разрешаю это делать лишь в надежде избавиться от головных болей.

Зазвонили церковные колокола. На душе у меня было неприятно, что в воскресенье занимаюсь не тем, чем надо. А фрау Тиндалл не догадывалась о моем беспокойстве и с упоением расхваливала результат своего труда:

— Юлия, вы просто прелестны! Еще минуточку потерпите, я приколю синий бант. Он вам к лицу! — Фрау Тиндалл нагнулась и нежно поцеловала меня.— Моя милая добросовестная девочка! Разве вы не знаете, что обязанность христианина — выглядеть как можно красивее?

Глава восьмая

ФАННИ ХОППЕР



очти шесть недель уже я работала в Ньютоне. Иногда мне казалось, что я живу двойной жизнью. Дома на меня большое влияние оказывала фрау Тиндалл. Свой досуг я всегда проводила с ней. Она открывала передо мной захватывающий и в то же время опасный мир всевозможных удовольствий, знакомый мне только по книгам.

Нередко я чувствовала себя безмерно счастливой, но иногда меня охватывало чувство отвращения к себе. Тогда я принимала твердое решение исправиться. Обычно это желание появлялось на работе.

Я познакомилась со всеми девочками на фабрике и даже в некоторой степени влияла на них. Конечно, не так, как того желал доктор Дуглас. Я очень редко говорила с ними на духовные темы. Девушки уважали меня и дружелюбно принимали мои редкие замечания.

А с доктором Дугласом дружба не ладилась. Запланированная учеба, которую я с такой радостью начала, резко прервалась. Этому содействовала фрау Тиндалл. Она считала, что я достаточно занята целый день и вечером должна развеяться и отдохнуть. По ее просьбе господин Тиндалл не раз покупал билеты на хороший концерт, приглашал меня на интересный литературный вечер или просто на какую-то вечеринку. Бывало, под предлогом головных болей, фрау Тиндалл ходила вечером на прогулку, и я сопровождала ее. При этом она всегда была предельно добра и внимательна, и я не могла противостоять ей.

Доктор Дуглас перестал предостерегать меня и делать какие-либо замечания. Когда я приходила к нему с книгами, он тут же откладывал свои дела и занимался со мной, не спрашивая о планах на следующий вечер. Мама и Сади всегда упоминали в письмах о докторе Дугласе и считали его моим

опекуном, думая, что я советуюсь с ним по всем вопросам. Я порой злилась на них за это. Сам же доктор оставил меня в покое и только, когда менялась погода, заботливо напоминал о плаще и зонтике.

Как-то раз в субботу мы вышли из дома вместе с доктором Дугласом. Он выглядел печальным и дорогой интересовался жизнью Фанни Хоппер. Он беспокоился, что она уже больше месяца не ходит на собрания. Несмотря на то, что фрау Тиндалл пригласила меня пойти с ней вечером в гости, я решила сегодня же поговорить с Фанни.

После работы, сложив бумаги, я окликнула Фанни Хоппер. Она тут же пришла и, присев на стопу папок, пристально посмотрела на меня.

— Фанни, почему вы не ходите на молитвенный час? — прямо спросила я.

Ее холодные серые глаза, казалось, пронизывали насквозь. Она невозмутимо спросила:

— Откуда вы это знаете?

Ее вопрос прозвучал для меня порицанием, так как после прибытия в Ньютон я была на собрании всего один раз. Чувствуя себя не лучше Фанни, я честно призналась:

— Об этом мне сказал доктор Дуглас.

Фанни смутилась. На ее щеках появились красные пятна, но голос звучал спокойно:

— Доктор Дуглас пожаловался вам на мою беспечность и попросил вас помочь мне?

— Фанни, почему вы не ходите на собрание? — повторила я, не обращая внимания на ее насмешку.

— Не вижу в этом пользы! — холодно засмеялась она.— После того как я побуду на собрании, дьявол прилагает больше усилий, чтобы затянуть меня в свою ловушку. Я не хожу в церковь, чтобы меньше чувствовать себя неверующей...

— Не говорите так легкомысленно, Фанни! — сказала я взволнованно.

— А я даже не догадывалась, что вы интересуетесь этими собраниями, фрейлейн Рид,— усмехнулась Фанни.— Но почему же вы сами не посещаете их?

Этот вопрос обескуражил меня и заставил покраснеть.

— К этому есть свои причины,— наконец выдавила я.— Во-первых, у меня почти нет свободного времени, да и обстоятельства у меня совсем другие, чем у вас...

— Конечно, вы очень заняты! — прервала меня Фанни.— Я работаю десять часов в день, а вы — восемь, кроме этого, я живу в женском общежитии, а вы — на квартире у фрау Тиндалл. Это и есть самое большое различие в мире. Нет, вам просто невозможно ходить на молитвенный час!

— Не думала, что заслуживаю такого обращения с вашей стороны,— сказала я сдержанно.— Разве я веду себя так, будто считаю себя выше вас? Вы хорошо знаете, что это не так.

Фанни вскочила.

— И все же вы поступаете именно так, фрейлейн Рид! Вы не ходите на собрание, потому что фрау Тиндалл сказала, что это ниже вашего достоинства! Молитвенные собрания полезны работницам, продавцам, ученикам и другим отбросам общества, но только не вам. Одним словом, вы унизитесь в глазах окружающих, если будете ходить туда. И если вы будете общаться с людьми низшего сословия, фрау Тиндалл не захочет помочь вам выпутаться из этого страшного заблуждения.

Ах, фрейлейн Рид, я знаю, как она говорит! Я как будто вижу ее сидящей в кресле! Я даже знаю, в каком углу ее благоустроенного жилища стоит это кресло. Мое стояло там же. Мой отец построил этот дом и сделал в нем все по желанию моей мамы. Я отлично помню, как фрау Тиндалл льстило внимание моих родителей, когда они приглашали ее в свой дом. Несмотря на это, сейчас она проходит мимо меня по улице с таким видом, будто меня не существует! Наверное, у фрау Тиндалл плохая память и она забыла меня.

Я слушала Фанни с удивлением. Оказывается, единственное различие между нами заключалось в том, что мне уже давно нужно было перешивать свои платья, обновлять шляпы и всеми способами экономить деньги, чтобы их хватило на самое необходимое, в то время как Фанни знала, что значит быть дочерью богатого человека. Меня это ужасно разозлило.

— Что, собственно, вы хотите этим сказать, Фанни? Мой вопрос совсем не относится к этим вещам!

Фанни засмеялась и приняла равнодушный вид.

— Конечно, я запуталась. Это, наверное, потому, что очень редко говорю и легко могу уйти от главной мысли. Минуточку... о чем вы спрашивали? Ах да, почему я не хожу на собрание! Милая фрейлейн Рид, после долгих рассуждений я пришла к выводу, что не хочу больше ходить туда. Теперь вы не можете жаловаться, что я не ответила на ваш вопрос.

Поняв, что ничего не достигла своим разговором, я растерялась.

— Фанни, неужели у вас вообще нет интереса?

— К чему? К тому, что я ниже вас? Ужасный интерес. Я как раз считала, на сколько миллиметров фрау Тиндалл поднимает голову, когда проходит мимо меня, и какой высоты она еще достигнет.

— Фанни, я позвала вас не для того, чтобы слушать дерзкие речи о моей хозяйке. Мне очень жаль, что вы не интересуетесь серьезными вопросами жизни. До свидания! — С гордо поднятой головой я покинула цех.

На улице меня догнал доктор Дуглас.

— Ты сегодня так рано идешь домой?

— Наоборот, очень поздно. Мы работали до обеда,— ответила я, горя желанием передать ему прошедший разговор.— Я задержалась, чтобы поговорить с Фанни Хоппер.

— Ты говорила с ней о спасении? — Лицо доктора просветлело.

— Да,— ответила я без промедления, потому что на самом деле считала эту беседу серьезной.

— Я рад, Юлия. В последнее время я сильно переживаю за нее. Боюсь, что она сознательно закрывает свое сердце для Евангелия. Какое впечатление произвела на тебя Фанни?

— Она озлоблена и ничего не хочет слушать. Фанни с большой неприязнью отзывается о богатых. По-моему, она воспринимает свое теперешнее положение ниже своего достоинства.

Последние слова я произнесла с такой гордостью, будто находилась на недосягаемой высоте по отношению Фанни Хоппер.

— Особенно она сердится на фрау Тиндалл, не так ли? — нерешительно спросил доктор.

Этот вопрос вывел меня из равновесия.

— Да, конечно, все имеют что-то против фрау Тиндалл! Наверное потому, что она намного лучше, чем большинство из них!

— Не спеши с выводами, Юлия! У Фанни нет внутренней опоры, ей не на кого положиться, и потому неудивительно, что ее негодование иногда выплескивается наружу.

Однако меня нельзя было так скоро успокоить.

— Вы всегда находите оправдание для любого, только не для фрау Тиндалл! Думаю, что она в ваших глазах — олицетворение зла.

— Неужели я такой злой?

— Да! — сердито бросила я.— Вы никогда не упускаете возможности сказать о фрау Тиндалл что-нибудь плохое. Не понимаю, за что вы не можете терпеть ее?

В этот момент идущий за нами господин окликнул доктора Дугласа, и я торопливо зашагала домой.

Как я и думала, фрау Тиндалл уже ждала меня. Я быстро переоделась, и мы, захватив визитные карточки, отправились в гости.

Дорогой мы встретили доктора Дугласа и Рут Валкер. Они о чем-то увлеченно разговаривали.

Фрау Тиндалл смерила их удивленным взглядом и, с трудом дождавшись пока мы отойдем на приличное расстояние, воскликнула:

— Скажите, разве доктор Дуглас достойно ведет себя? Как такому уважаемому человеку можно идти по улице и разговаривать с работницей фабрики?

— Рут учится в его группе! — напомнила я.

Не знаю почему, но у меня всегда было такое чувство, что я должна защищать доктора Дугласа перед фрау Тиндалл и наоборот.

— Ну и что же? — фрау Тиндалл приподняла плечи.— Это ведь не повод общаться с ней, как с равной!

— Разве это плохо? — удивилась я.

— Милое дитя, мы же еще не в раю! — любезно сказала она.— Почему моя горничная не равна мне? Почему я кланяюсь фрау Хервиг, жене мэра города? Видите, вы заблудились

в бесконечном лабиринте собственных мнений...

В этот момент мы завернули за угол и, к моему ужасу, столкнулись с Фанни Хоппер. Ее низкий насмешливый поклон остался без ответа.

Как только Фанни скрылась за углом, фрау Тиндалл брезгливо поморщилась.

— Бессердечная интриганка! Ее родители были богаты, но отец занялся рискованной аферой, обанкротился и умер. Мать ее часто болела и, очень близко приняв к сердцу горе, через три месяца последовала за мужем. Многие дома открылись для Фанни, желая принять ее, среди них и мой. Но она гордо отказалась от всякой помощи и пошла работать на фабрику. Конечно, причина ее действий ясна: она надеется завлечь Роберта Зайлеса. Перед тем как случилось несчастье, он был другом их семьи, да и сейчас продолжает дружить с ней. Иногда мне кажется, что хитрость Фанни и влияние злой мачехи Зайлеса заставят бедного юношу сделать шаг, который он впоследствии будет горько оплакивать. И только вы, милое дитя, можете помешать этому...

Я невольно отшатнулась. Этот разговор был для меня весьма неприятным. И все же я пересилила себя и вежливо спросила:

— Почему фрау Зайлес вмешивается в это дело?

— Она сама из более низкого сословия, поэтому у нее особая привязанность к этому классу людей. Насколько я знаю, она была швеей, когда заморочила голову господину Зайлесу. Да и Фанни не очень-то радовалась расположению фрау Зайлес до того, как сама стала работать на фабрике. Ну, вот мы и пришли! Это дом нашего пастора.

Глава девятая

ФРАУ ТИНДАЛЛ ИСПОЛНЯЕТ ДОЛГ

Мне не терпелось встретиться с фрау Муллфорд, о которой я так много слышала от фрау Тиндалл. Я ни разу не видела ее, потому что она то куда-то уезжала, то болела. На наш звонок дверь отворилась, и мы вошли в довольно прохладную неприбранную гостиную. Огонь в камине едва теплился. Слегка рассыпанная зола придавала комнате неуютный вид. Наступив своим элегантным башмаком на маленький уголек, фрау Тиндалл тут же отступила назад и так сморщилась, будто этот растоптанный камешек причинил ей ужасную боль. На полу валялось несколько газет, а на столе, вперемешку с ученическими тетрадями и детскими вещами, лежало несколько книг и надкушенное яблоко. На спинке стула небрежно висело пальто.

Фрау Тиндалл смахнула своим кружевным платочком пыль со стула, придвинула его к камину и со вздохом села.

— Вот вам идеальный порядок в доме пастора! — брезгливо посмотрела она по сторонам.— Заметьте себе это, Юлия, и возьмите в пример!

Она давно уже отбросила формальное «фрейлейн Рид» и называла меня только по имени. Мы сидели минут десять. Фрау Тиндалл уже хотела отдать визитные карточки и идти дальше, но я не согласилась.

Наконец в комнату вошла фрау Муллфорд — высокая симпатичная женщина со светлыми, гладко зачесанными волосами. На ней было длинное утреннее платье с помятым воротником. Фрау Муллфорд выглядела измученной, и мне показалось, что она спит на ходу. Коротко извинившись, что заставила нас долго ждать, она пояснила:

— Вилли болеет. Я даже не могла отойти от него, чтобы переодеться.

— Вилли опять болеет? — воскликнула фрау Тиндалл.—

Бедный мальчик! Что же случилось? Возможно, вы, милая, неосторожны в пище или плохо одеваете его?

— Он родился слабеньким. И хотя мы делаем все возможное, чтобы мальчик окреп, он все же часто болеет.

— Пожалуйста, не обижайтесь на меня за этот вопрос,— елейным голосом продолжала фрау Тиндалл.— Я знаю, что матери больших семейств перегружены заботами и часто забывают то или другое.

Это замечание осталось без ответа, и фрау Тиндалл была вынуждена сама продолжить разговор.

— Вам кто-нибудь помогает? — Она осмотрела комнату, будто хотела сказать: «Не похоже».

Фрау Муллфорд объяснила, что их горничная — старательная девушка, но еще молодая и неопытная, поэтому пока что не успевает. Затем она повернулась ко мне и поинтересовалась, нравится ли мне Ньютон. Однако фрау Тиндалл не дала мне ответить, задав следующий вопрос:

— Дорогая, как поживает ваша матушка? Надеюсь, ей стало лучше?

— Моя мама умерла,— тихо ответила фрау Муллфорд.

Голос ее слегка дрогнул.

Фрау Тиндалл всплеснула руками и смущенно пробормотала извинение. Как ни странно, об этом ей никто не доложил.

— Я ничего не знала о вашем горе! Когда же это случилось, дорогая?

Несмотря на то, что лицо фрау Муллфорд стало бледным, она спокойно рассказала, как умерла мать.

— А где же господин пастор? — полюбопытствовала фрау Тиндалл.

— Прилег отдохнуть. Последние ночи он очень мало спал да и вообще плохо чувствует себя. Мне так хочется, чтобы он поехал к родным и хоть немного отдохнул...

— Как, господин пастор опять уезжает?! — фрау Тиндалл удивленно приподняла брови.— Ведь он только приехал!

— Он был на похоронах мамы.

— Разве? Мне кажется, его не было несколько недель.

— Нет, он уезжал на одно воскресенье.

— Неужели? Я почему-то думала, что прошел целый

месяц. Правда, он так часто уезжает, что я сбилась со счету...

На этом мы попрощались и пошли в дом напротив, к фрау Зимон. Она уже ждала нас. Фрау Тиндалл заняла место в богатом кресле у камина и демонстративно поежилась.

— Разве на улице холодно? — спросила фрау Зимон.

— Не так на улице, как в комнате,— фрау Тиндалл рассмеялась своим серебристым смехом.— Мы пришли к вам от пастора. Как мне кажется, там экономят уголь. Во всяком случае, термометр показывает чуть выше нуля. Какая же разница между их гостиной и вашей! Фрау Зимон, неужели так трудно растопить камин? Юлия, вам тоже показалось там неуютно?

— У них больной малыш,— попыталась я оправдать фрау Муллфорд.

— Правда? — повернулась ко мне фрау Зимон.— Кто же болеет?

— Вилли,— махнула рукой фрау Тиндалл.— Ах, Юлия, если вы поближе познакомитесь с этой семьей, то поймете, что болезнь Вилли — это нечто повседневное.

— Что же случилось с бедным мальчиком? — фрау Зимон хотела знать подробности.

— Я сама не знаю,— развела руками фрау Тиндалл.— Наверное, у него болят зубы или еще что-нибудь. Они всегда поднимают вокруг него много шума. Кстати, фрау Зимон, вы знаете, что мать фрау Муллфорд умерла? Я уже давно не попадала в такое положение, как сегодня. Подумайте только, я спросила о ее здоровье! Разве это не ужасно? А фрау Муллфорд в прошлое воскресенье была в своей отвратительной зеленой шляпе. Как вы думаете, у них действительно нет денег, чтобы купить траурную одежду?

— Не знаю,— фрау Зимон задумчиво наклонила голову.— Может, здесь другая причина?

— Во всяком случае, это неприлично,— возмущенно затараторила фрау Тиндалл.— Нельзя же так опускаться и совсем не следить за собой! Конечно, это меня не касается, но я думаю, что надо соблюдать хотя бы форму, чтобы не привлекать к себе внимание. Вы слышали, что господин Муллфорд опять уезжает?

— Правда?..— ахнула фрау Зимон.— Кто же будет вместо него проповедовать?

— Наверное, опять какой-нибудь молодой заместитель. Пастор Муллфорд не выбирает хороших проповедников, потому что боится конкурентов. Наши мужья были бы счастливы отдыхать хотя бы половину того времени, что позволяют себе господа пасторы, как вы думаете?

Мне всегда нравилась фрау Тиндалл, но в этот раз... Ее слова казались мне иголками, которыми она тыкала направо и налево, стараясь вонзить их особенно в тех, кто не мог слышать ее. Притом она отлично знала, что фрау Зимон дружит с семьей доктора Муллфорда и принадлежит к тем людям, которые считают своей обязанностью при первой же возможности передавать соседям все, что они слышали, до мельчайших подробностей.

Высказав еще несколько подобных замечаний, фрау Тиндалл любезно попрощалась, и мы пошли к фрау Хервиг. Позвонив, фрау Тиндалл передала визитные карточки горничной, и мы снова оказались на улице.

— Как хорошо все получилось! — весело защебетала она. — Мы сэкономили столько времени! Жена мэра — ужасная ворчунья, и для меня общение с ней равносильно наказанию. Я каждый раз радуюсь, что могу просто отдать визитку, вместо того чтобы зайти в дом.

— Тогда зачем вы делаете визиты? — оторопела я.

— Только из чувства долга, миленькая. Иногда нужно посещать и таких людей, которые противны тебе до глубины души и с которыми лучше вообще не иметь дела.

Я не была настроена терпеливо выслушивать своеобразные мнения фрау Тиндалл и потому моментально возразила:

— Как вы думаете, эти люди пришли бы к вам, узнав, что вы говорите про них?

— Конечно нет! К счастью, они не знают моих мыслей. Я всегда стараюсь, чтобы ничего не было заметно. В этом вы можете быть уверены.

— Не могу терпеть такого! — возмутилась я.— И считаю это настоящим лицемерием. Я не хочу, например, чтобы меня посещали люди, которые делают это неохотно, и решила

поступать с другими так, как хочу, чтобы поступали со мной.

— Милое дитя,— остановила меня фрау Тиндалл.— Знаете ли вы, что в вашем характере есть что-то донкихотское? Считайте за счастье, что я рядом с вами и могу вовремя охладить ваш пыл! Подумайте только, куда привели бы всех нас подобные взгляды! Возьмем, например, фрау Хервиг. Встретив меня, она спрашивает: «Милая фрау Тиндалл, почему вы не заходите ко мне?», а я отвечаю: «Честно говоря, фрау Хервиг, мне с вами ужасно скучно. Вы говорите только о вашем ревматизме и постоянных болезнях, а мне этот разговор неприятен. Я решила быть честной и лучше не ходить к вам». Юлия, неужели вы думаете, что это лучше, чем посетить ее и с терпением выслушать все ее жалобы?

Я снова оказалась в тупике и, хотя была не согласна с ее доводами, возразить не могла.

На следующее утро доктор Дуглас опоздал к завтраку. Оказывается, его всю ночь не было дома.

— Вы, наверно, ухаживали за тяжелобольным? — участливо осведомилась фрау Тиндалл.

— Я только что пришел от пастора Муллфорда.

— Вилли уже лучше? Скажите, этот мальчик действительно болен или его просто балуют?

Думаю, она надолго запомнила взгляд доктора Дугласа и его слова:

— Вилли больше никто не побалует. Теперь он ни в чем не нуждается. Бог взял к Себе этого маленького утомленного странника...

Это крайне ошеломило фрау Тиндалл.

Я уверена, что никто в церкви не оказал столько внимания этой семье, как фрау Тиндалл. И все же, когда мы стояли у гробика и смотрели на спокойное выражение лица ушедшего в вечность ребенка, она не упустила момента, чтобы не сказать мне пару колких замечаний о скорбящих родителях.

Глава десятая

НОВОГОДНИЕ ВИЗИТЫ

ного переживаний доставляла мне моя прическа. У меня были густые, длинные коричневые волосы с золотистым отливом. Мне хотелось сделать модную прическу, но при всем моем старании она не получалась, и я никак не могла успокоиться, особенно с того дня, как фрау Тиндалл любезно заметила:

— Юлия, какие у вас красивые волосы! И все же я хочу сказать, что вам срочно нужна искусственная коса. Тогда вы сможете сделать себе чудесную прическу! Если природа наделила вас такими прекрасными волосами, то грех не прилагать стараний, чтобы красиво уложить их.

— Искусственная коса — слишком дорогое удовольствие,— как можно безразличнее сказала я.

— Вовсе нет,— возразила фрау Тиндалл.— Короткую, довольно красивую косу можно купить всего за несколько долларов. В какой-то степени каждая девушка должна идти в ногу с модой.

С тех пор этот вопрос не оставлял меня в покое. Даже в церкви, слушая проповедь, я не могла забыть о новой прическе. День и ночь, где бы я ни находилась, везде думала о том, как купить косу. Она обязательно должна быть из настоящего волоса — все остальное фрау Тиндалл считала чепухой. У меня был единственный выход: потратить деньги, которые я скопила на рождественские подарки для мамы, Сади и Альфреда.

Мысленно я уже много раз запаковывала покупки, писала поздравительные открытки, представляя, как будут радоваться родные. Наконец я решила посчитать деньги. Их оказалось ровно столько, сколько стоила нужная мне коса. И все же я колебалась...

Случайное замечание фрау Тиндалл положило конец борьбе и заставило меня изменить свои намерения. Это было за несколько дней до Рождества. Когда я собиралась на вечер

к фрау Зимон, фрау Тиндалл принесла мне билет на концерт — рождественский подарок ее мужа. Глядя, как я причесываюсь, она как бы мимоходом заметила:

— Роберту Зайлесу нравится такой цвет волос, как у вас. Он утверждает, что самое красивое украшение для женщины — это коричневые волосы с золотистым отливом.

Не раздумывая больше, я отправилась в город и принесла домой коричневую, с золотистым отливом косу, спрятав ее под пальто.

А вечером, закрывшись в своей комнате на ключ, я до полуночи мастерила из старого кружевного шарфа воротник для Сади и косынку для мамы. В конце концов, глядя на изделия своих рук, я заплакала: все выглядело криво и косо, а не так, как я представляла себе. «Ах, какое несчастье быть бедной!» — с горечью думала я.

Зато в первое утро нового года я была неузнаваема. Мое шелковое платье три дня находилось у лучшей портнихи фрау Тиндалл и вернулось ко мне с множеством различных украшений. Было видно, что оно побывало в руках настоящего мастера. Фрау Тиндалл подарила мне кружева искусной работы. Вместо брошки я приколола к воротнику листья герани и прекрасный цветок. Но самым значительным украшением была коса, которую фрау Тиндалл признала чудесной.

Мы сидели в гостиной, ожидая посетителей. Первый раз в жизни я участвовала в приеме гостей и, по-моему, вела себя достойно.

— Вот это да! — неожиданно воскликнула фрау Тиндалл и стремительно подошла к окну.— Неужели пастор Муллфорд идет к нам? Подумать только! Разве он не знает, что сегодня его никто не ждет? Ведь не прошло еще и трех недель после смерти их сыночка! Честное слово, Юлия, я не встречала еще таких людей, которые бы так быстро забывали о потерях. Эти Муллфорды иногда делают такое, что никогда не придет в голову нормальному человеку. И правда, он идет прямо к нам! Я и в самом деле не знаю, что ему сказать.

И все же фрау Тиндалл приветливо распахнула двери перед пастором и высказала радость по поводу его посещения.

— Для меня это так неожиданно! — лебезила она, делая

особое ударение на слове «неожиданно».— Я не думала, что сегодня вы посетите наш дом.

Господин Муллфорд сердечно поздравил нас с Новым годом и сел на предложенный хозяйкой стул.

— Фрау Тиндалл, неужели вы считаете, что, похоронив сына, я не могу пожать друзьям руку и пожелать им Божьих благословений в новом году?

Я ожидала, что фрау Тиндалл смутится и не найдет, что ответить, но глубоко ошиблась.

— Господин пастор, я рада, что вы так спокойно можете переносить величайшую потерю,— совершенно невозмутимо ответила она.— Я бы так не смогла. Рана еще очень свежа...

— Конечно, для нас это тяжелая утрата,— подтвердил пастор.— Если Бог продлит жизнь, то и в следующем году, мы также будем с болью чувствовать отсутствие нашего мальчика. Но, несмотря на это, я должен совершать свое служение.

Фрау Тиндалл резко переменила тему.

— Может, вы выпьете что-нибудь освежающее?

Она тут же повернулась к столику, уставленному всякими напитками, среди которых пастор заметил бутылку дорогого вина. Не успела она что-либо подать, как господин Муллфорд вежливо остановил ее.

— Благодарю вас, фрау Тиндалл! Кроме новогоднего пожелания у меня есть к вам одна просьба...

— Которую я с радостью исполню,— с готовностью поклонилась фрау Тиндалл, ожидая, что скажет вдруг побледневший пастор.

— Благодарю вас за сердечное участие в нашей утрате. Не знаю, поймете ли вы меня, но я очень хочу и умоляю Бога, чтобы мой Вальтер был сегодня в таких же надежных руках, как и умерший Вилли.

Лицо фрау Тиндалл стало серьезным. Почтительно наклонив голову, она молча слушала.

— Я буду благодарен всем, кто сегодня удержит Вальтера от искушений и опасностей. Вы знаете его слабость, поэтому прошу вас, не предлагайте ему вина! Да и не только ему... Этот грех поражает многих молодых людей. Прошу вас, не содействуйте этому!

— И это все? — фрау Тиндалл облегченно вздохнула.— Думаю, вы слишком строги к Вальтеру. Конечно, можете на меня положиться, я не предложу ему ни капли...

Как только за пастором закрылась дверь, фрау Тиндалл повернулась ко мне.

— Ну разве это не глупости, Юлия? Даже смешно! Неужели господин Муллфорд хочет обежать весь город и попросить, чтобы не искушали его дорогого сыночка?! Представьте себе, он был бы благодарен, если бы Вальтер умер! Бедный мальчик! Никто не знал бы, что он пьет, если бы не отец!

— Он же совсем не так говорил! — сердито возразила я.— Господин Муллфорд сказал, что хочет видеть Вальтера в таких же надежных руках, в каких находится Вилли.

— Это одно и то же! — остановила меня фрау Тиндалл.— По его теории, нигде нельзя быть в большей безопасности, чем на небе.

Наш разговор прервал звонок, известивший о новом посетителе. Через некоторое время пришел и Вальтер Муллфорд, энергичный девятнадцатилетний юноша. Он был в хорошем расположении духа, и только неестественно красные щеки и блестящие глаза помогли мне понять переживания его отца. Вальтер, не задумываясь, отвечал шутками на острые замечания фрау Тиндалл.

Я с удовольствием слушала бы их разговор, если бы меня не волновала просьба пастора Муллфорда. Я надеялась, что фрау Тиндалл не предложит Вальтеру вина, как и обещала, хотя бутылка и стаканы стояли наготове. Фрау Тиндалл, казалось, вообще не переживала за это и любезно разговаривала, не подавая и малейшего признака беспокойства. После того, как гость испробовал освежительные напитки, она с располагающим смехом сказала:

— К сожалению, Вальтер, я не могу предложить вам вина, так как обещала быть смелой и не вводить вас в искушение.

— Кого же мне благодарить за такой интерес к моему благополучию? — с напускной признательностью спросил он.

— Того, кто желает вам самого лучшего — вашего почтенного отца,— торжествующе заявила фрау Тиндалл.— Он сегодня приходил ко мне поговорить об этом.

Меня удивило, что она не остановилась и не задумалась, видя, как злобно сверкнули глаза молодого человека.

— От души благодарен! — голос Вальтера дрожал от сдерживаемого гнева.— Надеюсь, вы не обещали моему отцу, что запретите мне самому налить себе стаканчик с вашего гостеприимного стола?!

С этими словами он схватил бутылку, наполнил стакан вином, залпом выпил и, попрощавшись, ушел.

— Фрау Тиндалл, как вы могли такое сделать?! — подскочила я, как только закрылась дверь.

— Что, милое дитя? — с невозмутимым спокойствием спросила фрау Тиндалл.— Отчего вы так покраснели, малышка?

— Я думала, вы на самом деле сдержите обещание и не дадите Вальтеру вина!

— Правильно, я и не давала! При чем тут я, если он сам себе налил! По-вашему, я должна была вырвать у него стакан? Может, вы бы и сделали это, но я уже вышла из этого возраста! — она вздохнула и добавила: — Видите, Юлия, я ничего не могла сделать. Я только сказала правду, а он нашел нужным выпить. Это дело его совести. А пастору так и надо! Если бы он не показывал сыну дурной пример и сидел дома, соблюдая траур по умершему, то Вальтер не впал бы в искушение. Это все глупости! Я вообще не переживаю за Вальтера. Ничего плохого нет в том, что он иногда выпивает.

— Доктор Дуглас никогда не делает этого,— вставила я.

Фрау Тиндалл еле заметно скривила рот, но голос ее зазвучал мягче:

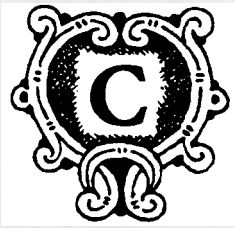
— Милая Юлия, доктор Дуглас — святой человек. Это мы должны всегда иметь в виду. Его нельзя сравнивать с другими смертными. Все порядочные господа пьют вино, за исключением некоторых. Если Вальтер Муллфорд и станет пьяницей, то лишь из-за глупого вмешательства отца. Молодым людям не нравится, когда за ними присматривают, как за маленькими детьми.

Следующим посетителем был господин Зайлес. Он выглядел крайне возбужденным и усталым и в то же время удивительно серьезным. Он отведал румяного пирога фрау Тиндалл и выпил стакан вина, жалуясь при этом, что новогодние

посещения невыносимо скучные и только в доме фрау Тиндалл он чувствует себя хорошо. Затем он пригласил меня на новогодний вечер к фрау Паркер и, пообещав зайти чуть позже, торопливо ушел.

Глава одиннадцатая

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И РАЗОЧАРОВАНИЕ



тало смеркаться, и фрау Тиндалл вышла погулять. Я осталась в гостиной одна. В это время зашел доктор Дуглас и сел возле меня. Я пожалела, что не успела подняться в свою комнату, чувствуя, что он недоволен мной. В последнее время я старалась не попадаться доктору на глаза, так как от одного его присутствия во мне пробуждалась совесть и начинала неумолимо жечь.

Меня охватило странное чувство страха. Я не знала, что сказать доктору Дугласу, и в то же время молчать было неудобно.

— Вы сегодня работали? — наконец выдавила я.

— Да, посещал больных,— доктор Дуглас устало откинулся на спинку кресла.

Наступила долгая пауза.

— Юлия, ты уходишь куда-нибудь вечером?

— Да. К фрау Паркер. Вы тоже пойдете?

— С фрау Тиндалл? — спросил он, не ответив на мой вопрос.

— Нет. Туда приглашена только молодежь.

— А кто будет сопровождать тебя?

— Господин Зайлес,— нехотя пробормотала я.

— Юлия, послушай меня, не ходи с ним!

— Вы опоздали, господин доктор,— сухо ответила я.— Мы уже договорились, и господин Зайлес зайдет за мной.

— И все же я прошу тебя, Юлия, откажи ему. Для меня очень важно, чтобы ты не ходила с ним, по крайней мере сегодня!

— Может, вы скажете причину такой странной просьбы? — я свысока поглядела в задумчивые, утомленные глаза доктора Дугласа.

Он какое-то мгновение молчал, затем поднялся и, став у окна, мягко пояснил:

— Думаю, что везде, куда бы Роберт ни заходил сегодня, его угощали вином. Праздник для многих является большим искушением.

— Ну и что?!

Доктор Дуглас испытующе посмотрел на меня.

— Юлия, неужели ты действительно не понимаешь меня? Ведь если господин Зайлес начал день со стакана вина, то в конце дня вряд ли будет в состоянии защитить тебя.

— По-моему, я уже взрослая и вправе сама выбирать провожатого. Не могу только понять, почему вы питаете такую ненависть к господину Зайлесу! Как вы можете, считая себя искренним христианином, так относиться к людям?!

Доктор Дуглас ничего не ответил. А я, выплеснув свое возмущение, в подавленном настроении поднялась к себе в комнату. Я прекрасно знала, что мама отпустила меня в Ньютон только потому, что была твердо уверена: под опекой доктора Дугласа я нахожусь в полной безопасности.

Мне стало не по себе. Я еще никогда не общалась с пьяными и всегда избегала встречи с ними на улице. Я невольно содрогнулась, представив, как молодой элегантный Зайлес, шатаясь и спотыкаясь, переходит улицу. Стараясь больше не думать об этом, я спустилась в комнату фрау Тиндалл. Она лежала на диване.

— Как бы я хотела иметь ваше здоровье! — воскликнула она, увидев меня.— От вас веет свежестью и довольством, в то время как я еле жива! Как вам идет веточка герани! Роберт будет в восторге — ему очень нравятся естественные украшения. Но вы чем-то взволнованы... Я слышала, как доктор Дуглас заходил в гостиную. Вы поссорились?

— Нет. Просто он прочитал мне нотацию,— буркнула я.

— За что? Доктор Дуглас в последнее время стал ворчливым, как старый дед. Что же ему не понравилось?

— Он говорит, что господин Зайлес слишком много пьет и потому не может быть хорошим провожатым.

— Что за глупости! — моментально возмутилась фрау Тиндалл.— Даже если вопрос трезвости стал для доктора незыблемой идеей, он все равно не имеет права клеветать на тех, кто не согласен с ним! Обычно так поступают фанатики, уверенные в своей святости и утверждающие, что несогласные с ними погибнут. Надеюсь, милое дитя, вы остались верны обещанию, данному Роберту?

— Конечно! — я гордо вскинула голову.— В конце концов, это мое дело, и советы доктора Дугласа напрасны.

В этот момент горничная доложила, что господин Зайлес ждет меня на улице.

У фрау Паркер собралось много молодежи. Время мы провели весело: пели, декламировали стихи, шутили, смеялись, танцевали. К концу вечера я стала поглядывать на своего провожатого с волнением. Его глаза слишком блестели, голос был нетвердым. Однако вел он себя необычно тихо, и я немного успокоилась, когда услышала, что он отказался от вина, сославшись на головную боль.

Было уже совсем поздно, когда мы начали расходиться по домам.

Никогда не забуду то, что я пережила в эту ночь! Дорога казалась бесконечной, и улицы как будто вымерли. Было скользко, и я шла так же нетвердо, как и мой нетрезвый провожатый. Мы медленно продвигались вперед, и в конце концов господин Зайлес упал, сбив с ног и меня. Я быстро поднялась и хотела бежать домой, но он так крепко схватил меня за пальто, что я не могла вырваться. Господин Зайлес уже не давал отчета ни своим словам, ни действиям. Не в силах освободиться от его цепких рук, я беспомощно озиралась по сторонам. Невыразимое смущение и стыд, даже, можно сказать, панический страх объял меня.

Вдруг послышались быстрые шаги, и я несказанно обрадовалась, увидев приближающегося доктора Дугласа.

— Юлия?! — воскликнул он.

О, сколько страдания звучало в его голосе! Доктор взял меня за руку и, строго взглянув на господина Зайлеса, приказал ему отпустить меня и подняться.

— Юлия, с нашей стороны будет жестоко оставить его на улице в такой холод. Нужно отвести его домой.

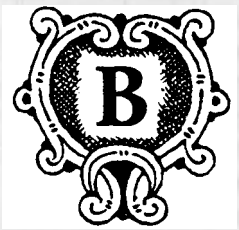
Я промолчала и, дрожа всем телом, пошла рядом с доктором Дугласом. Одной рукой он поддерживал меня, а другой — неуверенно шагавшего господина Зайлеса. Роберт оправдывался, болтая всякую чепуху, пока доктор не приказал ему успокоиться.

Подойдя к дому Зайлесов, доктор Дуглас посадил на ступеньки не владеющего собой Роберта и позвонил. Оставив его на попечение прислуги, мы поспешили домой.

Открыв дверь, доктор Дуглас подкрутил лампу, чтобы осветить дорогу наверх, и пожелал мне спокойной ночи.

Глава двенадцатая

В ЛАБИРИНТЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ



О сне я еще раз пережила подробности этого ужасного вечера. А когда вновь наступило утро, я благодарила Бога, что все уже позади. Мне было очень стыдно встречаться с доктором Дугласом, хотя он, казалось, забыл печальные события прошедшей ночи. Во время завтрака он не обмолвился о случившемся и был более любезен, чем всегда.

Наблюдая за фрау Тиндалл, я поняла, что она ничего не знает о моих приключениях. Это меня и удивило, и обрадовало, так как я была уже на грани отчаяния, переживая, что она знает обо всем. Фрау Тиндалл довольно много говорила о минувшем вечере, расспрашивала об участниках, несколько раз упоминала о господине Зайлесе.

На работе я случайно услышала, что Каролина Вебер встретила господина Зайлеса на вокзале.

— Он уехал утренним поездом,— сообщила она подругам.

— Куда? — равнодушно спросила Фанни Хоппер.

Я почувствовала, что краснею.

— Не знаю,— пожала плечами Каролина.— Я спросила у него, но он, по-моему, и сам толком не знал, потому что ответил невнятно, со злом. Можно подумать, что ему только что кто-то отказал...

На последних словах она сделала ударение и многозначительно посмотрела в мою сторону, от чего мои щеки запылали огнем. Казалось, Фанни совсем не коснулось это замечание, и я решила, что фрау Тиндалл ошиблась в своих выводах.

Из-за эпидемии гриппа и болезни участников программы, рождественский вечер в нашей группе перенесли на следующее воскресенье. У меня было время проверить свои чувства к господину Зайлесу. Глубокое возмущение смешивалось с жалостью и состраданием. Когда же я поняла, что Роберт ни в чем не раскаивается, то рассердилась на него и решила, что он должен хотя бы извиниться передо мной, вместо того чтобы просто молчать.

Несколько дней спустя Каролина Вебер рассказала, что снова встретила господина Зайлеса. Он возвратился таким же мрачным, как и уехал. Я не видела Роберта и чувствовала себя виноватой, когда фрау Тиндалл спрашивала, почему он не приходит.

Через неделю после того злополучного вечера доктор Дуглас принес мне на работу письма. Среди них был конверт, подписанный незнакомым почерком. Я отложила его в сторону и открыла письмо от мамы. Фанни Хоппер как раз проходила мимо моего рабочего стола, и я заметила, что она вдруг густо покраснела. И тут мне стало ясно, от кого пришло письмо. Я быстро открыла его и прочитала:

«Фрейлейн Рид!

Если бы я писал письмо пять дней назад, то обратился бы к Вам со словами: "дорогая подруга", теперь же чувствую,

что легкомысленно потерял это право. Эти пять дней я молчал только потому, что не находил подходящих слов для оправдания. Да, моему поведению нет ни объяснения, ни, тем более, оправдания! И все же я не могу обойти этот случай молчанием. Я день и ночь переживаю о случившемся. Если бы Вы могли представить себе десятую часть моих мучений, то у Вас, наверняка, появилось бы чувство сострадания. Я решил прервать молчание и умолять Вас о прощении.

Не в оправдание, а просто как факт, хочу сказать, что в первый день нового года я был болен и ничтожная доза вина сильно повлияла на меня. Я не помню, что произошло в тот вечер по дороге домой, поэтому не знаю, за что именно просить прощения. Думаю, что очень много требую от Вас. И все же я отваживаюсь на это. Я ценю Вас больше, чем всех знакомых мне девушек. Вы должны простить меня и разрешить, как и прежде, называться Вашим другом.

Убедительно прошу Вас: напишите мне хоть пару строчек и назначьте день и час, когда можно посетить Вас. За это я буду вечно благодарен.

Ваш печальный, но надеющийся Роберт Зайлес».

Письмо взволновало меня и очень польстило моему самолюбию. Тогда я еще не знала подлинной причины своего состояния и приписывала нежные чувства, возникшие во мне, доброму сердцу. Сегодня я хорошо знаю, что тщеславие сыграло в этом деле немалую роль. Мысль, что меня ценят больше других, льстила мне, и все же я еще была очень сердита на господина Зайлеса. Как только я вспоминала его в эти последние пять дней, передо мной вместо образованного, любезного, чуткого товарища вставало глупое, красное от вина лицо.

Я внимательно перечитала письмо. Хотелось поступить правильно, и я решила посоветоваться с доктором Дугласом. Вечером, возвращаясь с работы, я встретила его на улице и тут же спросила:

— Господин доктор, как нужно поступить с тем, кто обидел тебя и просит прощения?

— Нужно последовать примеру Спасителя и поступить по заповеди.

— Я знаю, что Слово Божье должно быть для нас основанием. И все же... С такими людьми потом нужно обходиться так, будто они ни в чем не виноваты?

— Это уже другой вопрос. Есть случаи, когда нельзя продолжать дружбу, несмотря на полное прощение. Например, если чувствуешь, что влияние этого человека вредно для тебя. В таком случае дружба неуместна и нужно порвать все отношения. Я не могу ничего конкретного сказать тебе. Если хочешь получить точный ответ, то я должен знать, о ком ты говоришь.

— О господине Зайлесе,— робко пояснила я.

— Он попросил у тебя прощения?

— Да, в письме.

— Считаю, что дружба с ним не принесет тебе пользы.

Я тут же стала защищать господина Зайлеса:

— Роберт был болен, поэтому небольшая доза вина оказала на него такое сильное действие.

— Юлия, не верь ему! В тот день я трижды встречался с ним и видел, что он слишком много пил. Два раза я предупреждал его, но он весело уверял меня, что привык столько пить и это совсем не страшно.

Доводы доктора Дугласа убедили меня. Я больше не хотела оправдывать господина Зайлеса, даже если бы и знала какие-нибудь аргументы в его пользу. Поэтому я молчала, а доктор Дуглас продолжал:

— Надеюсь, ты простишь ему, несмотря на то, что он сильно оскорбил тебя. И все-таки Роберт должен почувствовать, что в таком состоянии не имеет права дружить с тобой. Твоя мать была бы против подобных отношений. А я на твоем месте использовал бы этот случай, как повод прервать дружбу, которая принесет тебе только неприятности.

— А если из-за этого Роберт впадет в отчаяние и станет еще больше пить?

— Разве он уже начал подниматься из этой трясины? Обещает ли он, что в будущем избавит тебя от подобных переживаний?

Я вспомнила содержание письма. Там не было ни слова об исправлении. Если он сам не сожалеет о сделанном грехе

и вредной привычке, то нет никакой гарантии, что подобное не повторится. Я не сомневалась, что и в течение этих пяти дней он выпивал.

— Важно убедиться, что человек на самом деле стремится исправиться,— не дождавшись ответа, продолжал доктор Дуглас.— И еще надо проверять себя, в каком духовном состоянии находишься, сможешь ли помочь другому.

Я решила ничего общего не иметь с господином Зайлесом и не писать по крайней мере первое время. Я надеялась, что он поймет мое желание порвать с ним дружеские отношения.

Вечером мы сидели в гостиной с фрау Тиндалл. В семь часов начиналась репетиция, и у нас был еще час в запасе, чтобы придумать костюм царицы.

Фрау Тиндалл, подавая мне корону, неожиданно спросила:

— Юлия, вы видели сегодня Роберта?

— Нет,— покраснела я.

— Где же он может быть? Это просто ужасно, что он столько дней не приходит! Наверное, придется послать ему открытку. Вечером он обязательно должен быть здесь, чтобы отрепетировать турецкую сцену. Ваши роли так связаны, что вам нужно репетировать вместе.

— Я не буду участвовать в турецкой сцене,— еще сильнее смутилась я и опустила голову.— Разве вы не слышали об этом?

— Милое дитя, вы слишком плохо знаете меня! Я не позволю провалить эту инсценировку. Она будет главным номером вечера!

— И все-таки я не буду играть,— твердо заявила я.— Мне очень жаль, что огорчаю вас, но я не могу...

Фрау Тиндалл задумчиво вертела в руках корону.

— Юлия, как вы думаете, можно сюда приколоть еще одну жемчужину?

Когда фрау Тиндалл сердилась или ей что-то не нравилось, она делала вид, что очень занята своим делом и слушает только наполовину.

— Жаль, что вы мне раньше не сказали об этом,— глубоко вздохнула она.— Все, конечно, знают, что в этой сцене вы играете роль вместе с господином Зайлесом, а теперь... Как

это неприятно! Милая, как же это объяснить другим? Вы что, поссорились?

Я не хотела посвящать фрау Тиндалл в свои взаимоотношения с Робертом и как можно веселее сказала:

— Я просто передумала!

Одно мгновение фрау Тиндалл молчала и задумчиво смотрела перед собой. Затем веселое выражение ее лица сменилось печалью, губы задрожали, и она сказала тихим и невыразимо нежным голосом:

— Милая Юлия, не ошибаетесь ли вы в этом вопросе? Я всю неделю думала о вас... Бедный Роберт! Если бы вы видели, как он страдает! А если бы вы знали его лучше, то содрогнулись бы при мысли, какие результаты даст это игнорирование его личности. Я уже несколько лет принимаю сердечное участие в его жизни, и он мне почти как брат. У него были невероятно тяжелые переживания и разочарования. Я так надеялась на вас, Юлия! Роберт нуждается в вашей помощи. Я знаю, что вы можете или помочь ему, или же толкнуть в погибель, доведя его до отчаяния. Что вы хотите сделать: спасти его или погубить?

Я не на шутку встревожилась и в то же время испытывала наслаждение оттого, что имею над ним такую власть.

— У меня есть веские причины, фрау Тиндалл,— менее решительно ответила я.— Терпеть не могу пьяниц!

— Я бы не сказала, дитя мое, что он совсем потерянный. Уверяю вас, если вы хотите сделать из Роберта пьяницу, то, прервав дружбу с ним, легко достигнете своей цели. А отказавшись от участия в турецкой сцене, вы подтвердите свое жестокосердие!

Я знаю все, что случилось в новогодний вечер. Эрнст шел следом за доктором Дугласом и все видел. Час назад Роберт был здесь и умолял меня поговорить с вами и попросить, чтобы вы простили его. Я пообещала сделать все возможное с моей стороны, хотя совсем не думала вмешиваться в это дело, желая, чтобы вы поступили по своему усмотрению. Но не забудьте: вы берете на себя огромную ответственность!

Фрау Тиндалл замолчала. Маленькие часики на камине пробили полседьмого. В этот момент вошла горничная и до-

ложила, что пришел господин Зайлес и хочет видеть меня.

Помедлив какое-то мгновение, я пошла наверх, несмотря на то, что в душе у меня было решение не иметь с Робертом ничего общего.

Взявшись за ручку двери, я остановилась. Перед моими глазами снова предстал образ пьяного господина Зайлеса, лежащего на снегу. Однако он сразу исчез, как только я увидела бледное, осунувшееся лицо Роберта.

— Тысячу раз спасибо, фрейлейн Рид! — взволнованно воскликнул он. — Да воздаст вам Бог! Вы не представляете, как много для меня значит то, что вы пришли!

Никто не знает, сколько я перестрадал со вчерашнего вечера, напрасно ожидая от вас ответа. Я не смог перенести эту боль и вынужден был обратиться за помощью к фрау Тиндалл. Я попросил ее сказать вам, что лучше вам не приходить, если вы не можете от сердца простить и забыть то, что было. Но только за ней закрылась дверь, я тут же пожалел о сказанном. Ожидая вас, я ужасно переживал... Я думал, что вы совсем не придете...

Зря Роберт боялся, фрау Тиндалл не передала мне его просьбу. Я попыталась объяснить ему это, но он с таким рвением оправдывался и старался скрасить свое падение, что мне оставалось только терпеливо слушать.

Я поняла, что допустила ошибку уже потому, что пришла,— это послужило знаком прощения. Пока господин Зайлес говорил, во мне постепенно созревало чувство, что его кто-то оклеветал. Он теперь абсолютно не был похож на моего невменяемого ночного спутника, а случай на улице, казалось, был плодом расстроенного воображения.

Спускаясь вниз, мы встретились с доктором Дугласом. В это время Роберт держал меня за руку и что-то оживленно рассказывал, будто мы были наилучшими друзьями.

Глава тринадцатая

ОГОРЧЕННАЯ

просторном зале богатого дома Тиндаллов шел оживленный разговор. Со всех сторон к фрау Тиндалл обращались за советом: она пользовалась авторитетом у девушек. Юноши, за исключением господина Зайлеса, были совсем молодые, и, я думаю, все доверяли этой обходительной женщине свои секреты. Сегодня, как и всегда, она была в центре внимания.

— Фрау Тиндалл, Анна Родер утверждает, что ее костюм должен быть черным. Правда?

— Фрау Тиндалл, Роза Ламбер не может найти подходящего костюма, что же нам теперь делать?

— Фрау Тиндалл, вы уже сделали костюм царицы?

— Фрау Тиндалл, помогите! Я не могу справиться с занавесом...

— Тише, дети, тише! — звучал нежный голос фрау Тиндалл.— Вы так кричите, что я скоро оглохну. Пожалуйста, говорите по очереди!

Я взяла свой недошитый костюм и села среди множества коробок, узлов и разных украшений. Недалеко от меня расположились Анна Родер и Флора Хервиг. Увлеченные своей работой, девушки громко разговаривали, не беспокоясь, что их слышат.

— Я считаю, что фрау Тиндалл в этот раз не очень удачно распределила роли,— говорила Анна Родер.— Я, например, почти ничего не знаю об истинной религии и не смогу хорошо сыграть эту роль... А вот Фанни Хоппер отлично справилась бы....

— Фанни Хоппер?! — с ужасом воскликнула Флора.

— Да. Ты помнишь ее? Два года назад она считалась самой красивой среди нас, а сегодня ее никто не приглашает к себе, по крайней мере в наших кругах. Я уверена, что она сыграла бы эту роль исключительно.

— Зачем так далеко ходить? — возразила Флора.— Среди нас тоже есть подходящие девушки. Ты разве забыла, что Фанни из низших слоев общества?

— Не могу терпеть таких глупостей! — резко возразила Анна.— Фанни когда-то принадлежала к высшему социальному кругу. И наше отношение к ней — своего рода месть.

— Я не хочу иметь дела с фабричными девушками.

— Ты действительно навестила Юлию Рид? — Анна ничуть не сбавила громкость.

— Ну и что из этого? Она же бухгалтер!

— Значит, по-твоему, положение в обществе зависит от того, с каким материалом ты работаешь?! Этого я не знала! Одна мажет чернилами, другая — клейстером. Та, что мажет чернилами,— стоит выше, а та, что клейстером,— ниже. Это различие придумала фрау Тиндалл. А ты, милая Флора, ее многообещающая ученица. Что касается меня, я считаю, что клейстер лучше чернил, потому что он легко отмывается.

Флора беспечно рассмеялась, твердо уверенная в том, что никакие шутки не повредят ей. Затем она невозмутимо сказала:

— Не будь такой глупой, Анна. Я хорошо знаю, что Юлия Рид не принадлежит к нашему кругу. Но фрау Тиндалл возлагает на нее надежду. Притом эта веселая девочка приносит значительную пользу именно сейчас, в подготовке к празднику. Я посетила ее, точно зная, что ее нет дома, и потеряла при этом всего несколько минут. Юлии же это, наверное, принесло большую радость. А в общем, не знаю, почему фрау Тиндалл так высоко ценит ее...

Я затаила дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова из того, что скажет Анна.

— Фрау Тиндалл придала бы и кошке большое значение, если бы та мяукала по ее желанию,— выпалила Анна.— Хотя Юлия Рид, похоже, может при случае царапаться и метать искры. Вот почему фрау Тиндалл стремится обходиться с ней нежно.

Девушки весело рассмеялись. Я же, от закипевшей во мне обиды, не знала, куда деться.

— А мне Юлия нравится,— снова заговорила Анна.— Я ничего не имею против общения с ней и с Фанни Хоппер.

Терпеть не могу эти глупые взгляды на положение в обществе! По-моему, богатство не является знаком истинного благородства и нельзя унижать людей, не имеющих состояния.

— Хорошо, но почему Фанни хочет работать именно на фабрике? — не унималась Флора.— Многие ведь хотели принять ее, даже фрау Тиндалл предлагала ей кров!

— Тебе, наверное, рассказывала об этом фрау Тиндалл, и ты действительно веришь ей? — громко рассмеялась Анна.— На самом деле она предложила Фанни место швеи в своем доме, и та вежливо отказалась, в основном, из-за Роберта, чтобы фрау Тиндалл не помешала их дружбе. Между прочим, ей и так удалось сделать это с помощью Юлии. Если бы господин Зайлес не был таким слабохарактерным, то сохранил бы верность Фанни. Я его терпеть не могу! Единственное, что было в нем разумное,— это уважение к Фанни.

И еще, Флора, у меня есть одна идея. Конечно, ты будешь против, но лучше всех роль квакерши сыграет Рут Валкер. Да, именно эта маленькая мышка, которая так злила тебя и фрау Тиндалл, что привела в движение землю и небо. К счастью, доктор Дуглас принял ее в свое стадо. Кстати, она тоже работает на картонной фабрике. Я буду настаивать, чтобы она участвовала на нашем вечере. Видишь, я опять вышла из нашего круга и на этот раз опустилась еще ниже, потому что Рут Валкер никогда не была богатой. Насколько я знаю, ее мать зарабатывает себе на жизнь глаженьем белья.

— Делай, что хочешь! — передернула плечами Флора.— Мне все равно, кто будет играть роль квакерши, лишь бы я не имела дела с этой серенькой мышкой.

Тут к ним подошла фрау Тиндалл, и обе девушки разом повернулись к ней.

— Фрау Тиндалл, я предлагаю двух превосходных участников для нашей декламации!

Моя хозяйка грациозно опустилась на стул, стоящий между ярко-красными занавесями.

— Хорошо! Только говорите быстрее, а то я спешу на сцену. Что вы придумали, Анна?

— Я предлагаю, чтобы мою роль играла Фанни Хоппер. Она лучше меня справится с этой задачей.

— Мы приглашали Фанни, но она, как обычно, отказалась. У нее свои взгляды на жизнь, и я не вижу причины переубеждать ее. Как видите, Фанни полностью отвернулась от нас, и пусть пожинает то, что посеяла.

— Фанни очень подходит к этой роли. А что касается ее взглядов и действий, то я нахожу их благоразумными и, вообще, очень уважаю ее.

Фрау Тиндалл засмеялась:

— Мы хорошо знаем, с какой серьезностью нужно принимать ваши замечания. Уверяю вас, Анна, без вашего участия нам просто невозможно обойтись! Итак, первый вопрос решен. Что вы еще хотите сказать?

— Я предлагаю, чтобы Рут Валкер взяла роль квакерши,— уверенно произнесла Анна.

Я думала, что фрау Тиндалл не согласится и возникнет открытый спор, но ошиблась.

— О, это прекрасная идея! — вдруг воскликнула фрау Тиндалл.— У Рут на самом деле есть что-то квакерское, к тому же эту роль еще никто не взял. Самое главное, этой девочке присуще хорошее качество: она делает то, что от нее требуют.

После столь тонкого маневра по отношению к Анне, фрау Тиндалл заботливо обратилась ко мне.

— Милая Юлия, что с вами? Вы выглядите очень усталой и разгоряченной.

Я ожидала, что девушки смутятся, поняв, что я слышала их разговор, но не тут-то было! Они даже не повернули голову в мою сторону. Может быть, они хотели, чтобы я слышала их, или просто не замечали, что разговаривали громко. А может, Анна по-дружески хотела предостеречь меня, хотя и в такой неприятной форме. Во всяком случае, я чувствовала себя глубоко оскорбленной и весь вечер для меня был основательно испорчен. Я твердо решила не иметь никаких дел с этими людьми и не участвовать в запланированном празднике. Мне хотелось вообще уйти от фрау Тиндалл и вернуться к маме.

Поздно вечером фрау Тиндалл поднялась ко мне в комнату. Она как будто чувствовала, что происходило у меня в душе, и, опустившись рядом со мной в кресло, стала нежно гладить мое разгоряченное лицо.

— Бедное дитя так сильно устало, что ему уже ничего не мило... Юлия, не кажется ли вам, что мои девочки ужасно скучные? Между нами говоря, самая рассудительная среди них — Анна Родер. Конечно, Флора Хервиг ни в коем случае не должна знать этого, не то будет много шума! И все же у Анны слишком острый язык, что очень вредит молодой девушке. Меня, например, она терпеть не может, так как я часто нарушаю ее любимые замыслы. Я нередко смеюсь про себя, зная, сколько глупостей она болтает обо мне. И еще Анна внушила себе, что я порвала с Фанни Хоппер, потому что та пошла работать на фабрику. Но это вовсе не так! Я не стала больше общаться с Фанни, потому что она неприлично вела себя с Робертом Зайлесом. Это очень длинная история, и я не хочу сегодня обременять вас. Расскажу в другой раз. Тогда вы сможете по-настоящему посочувствовать Роберту, увидев, сколько неприятностей было у него в жизни. А теперь — спокойной ночи!

Я долго еще ворочалась с боку на бок и не могла уснуть, пока не пришла к выводу, что на фрау Тиндалл напрасно наговаривают и она единственная, кто искренне любит меня. Об этом говорил ее нежный поцелуй на прощание.

Глава четырнадцатая

РУТ ВАЛКЕР

На следующий день после обеда на фабрику пришла Анна Родер. Изысканно одетая, она вошла в рабочий зал и, оглядевшись, подошла к Рут Валкер. Я догадалась, что она пришла пригласить ее на репетицию. По-видимому, предложение Анны понравилось Рут, потому что она радостно кивнула, покраснев при этом от неожиданности.

А вечером Рут Валкер находилась среди нас, как самая

тихая и терпеливая квакерша. Несмотря на то, что на репетиции царил полнейший беспорядок, она порхала между нами, готовая в любую минуту помочь, и скоро стала самым нужным человеком.

И все же какой бы кроткой и послушной ни была Рут, в духовных вопросах она была тверда и непоколебима.

— Дайте же маленькой квакерше какую-нибудь роль в турецкой сцене! — предложил господин Зайлес.

— Вы имеете в виду Рут Валкер? — уточнила фрау Тиндалл.— Это действительно хорошая идея!

Однако Рут категорически отказалась участвовать в этой сцене. Фрау Тиндалл уговаривала ее и дошла до того, что стала просить, но бесполезно. Рут спокойно объяснила, что эта сцена ей не нравится и она не хочет участвовать в ней.

— По-моему, она права,— обратился Фридрих Томзен к господину Зайлесу.— Было бы хорошо, если бы и другие последовали ее примеру. Мне эта сцена тоже не нравится.

— Это потому, что не ты играешь роль султана,— усмехнулся господин Зайлес.

Конечно, мне было неприятно слушать этот разговор, потому что я исполняла главную роль в турецкой сцене и совершенно не понимала, что им не нравится.

Оглядываясь назад, я с горечью вспоминаю свою наивность и безрассудство. Несмотря на хорошее воспитание, я была так несмысленна и заблуждалась в самых простых вещах! Ах, мама, мама! Как я позорила тебя, после того как ты приложила столько стараний, чтобы направить меня на истинный путь!

Как только утих спор по поводу турецкой сцены, вспыхнул новый, и так продолжалось весь вечер. Перед тем как все разошлись по домам, фрау Тиндалл напомнила:

— Девочки, не забудьте завтра вечером прийти пораньше! Обязательно! Времени осталось мало, а работы еще много. Особенно это касается вас, фрейлейн Валкер, потому что вы почти не были на репетициях и должны основательно выучить свою роль.

— Я завтра не смогу прийти,— покраснела Рут.

— Как?! — возмутилась фрау Тиндалл.— Мы надеялись,

что вы будете постоянно посещать репетиции. Вам придется отложить намеченное, что бы это ни было. Мы не можем обойтись без вас!

— Я думала, что завтра не будет репетиции. Я не хочу пропускать молитвенное собрание.

Ее решительный ответ заставил меня внутренне содрогнуться. Раньше я постоянно посещала час молитвы по четвергам, но теперь совершенно оставила его, занимаясь своими делами.

— Конечно, посещать молитвенный час необходимо,— невинно улыбнулась фрау Тиндалл.— Я радуюсь, видя вашу верность в этом. Но вы еще молоды и неудивительно, что можете в некоторых случаях впадать в крайности. Милое дитя, иногда чувство долга должно преобладать над желанием. Мы бы отменили репетицию, но время не терпит. Поэтому вам не остается ничего другого, как пожертвовать собранием.

Вытянув шею, Анна Родер слушала этот разговор с нескрываемым интересом, стараясь ничего не упустить из ответа Рут. Другие девушки тоже затихли.

Увидев себя в центре внимания, Рут еще больше смутилась, но твердо отказалась:

— Фрау Тиндалл, я не приду. Да и мама не согласится, чтобы я пропускала молитвенный час.

Как я завидовала этой скромной фабричной девушке, мать которой была простой гладильщицей! Я завидовала ее честности и решительности. В тот момент я бы все отдала, чтобы так же твердо стоять за истину. Но для этого мне нужно было преодолеть гору неправильных поступков, а у меня не хватало смелости сделать даже начало. Я точно знала, что моя мама тоже не похвалила бы меня за то, что из-за репетиций я пропускала молитвенные собрания.

Несмотря на плохие качества, фрау Тиндалл обладала одной особенностью: у нее всегда было хорошее настроение. Если в каком-то деле она не могла добиться своего, то добродушно уступала. И сейчас, отвернувшись от Рут, она со смехом сказала:

— Ну ладно, делайте как хотите! Не всегда можно надеяться, что на молодых плечах будет благоразумная голова.—

Повернувшись к Анне Родер, она добавила: — Все это потому, что вы собираете вместе различные элементы!

— Сегодня мне понравилась Рут,— заметил господин Зайлес.— Она, как настоящая квакерша, твердо стояла на своем. Ведь для этого нужно мужество! — И немного тише добавил: — Я бы тоже хотел быть таким смелым.

Фрау Тиндалл со смехом повернулась ко мне:

— Как я рада, Юлия, что вы оказались благоразумнее Рут! На вас можно положиться, вы не бросите нас и не побежите на молитвенный час, чтобы не испортить отношений с доктором Дугласом.

Ничего не ответив, серьезная и опечаленная, я пошла в свою комнату. Рут Валкер глубоко взволновала мою совесть.

Глава пятнадцатая

ДОБРЫЕ УВЕЩАНИЯ

Все участники рождественской программы остались довольны проведением праздника, несмотря на то, что во время репетиций случались некоторые разногласия.

Подготовка к празднику занимала так много времени, что я даже перестала писать маме. Уже три недели она не получала от меня ни строчки, а я утешалась мыслью, что наверстаю упущенное, как только пройдет праздник. Однако сразу после Рождества нас пригласили в соседний городок Колндорф, где жила племянница фрау Тиндалл. Она заинтересовалась нашей декламацией и попросила рассказать ее у них. Я охотно согласилась поехать и снова закружилась в приготовлениях, так ничего и не написав маме.

Некоторые девочки были против поездки. Анна Родер даже возмутилась и заявила, что она не разъездная артистка,

выступающая то в одном, то в другом городе. Фрау Тиндалл рассмеялась, услышав это, а мне сказала:

— Бедная Анна! Она не может простить Роберта за то, что он не пригласил ее играть в турецкой сцене, а меня, что не способствовала этому.

— Неужели она из-за этого так огорчилась?

— Конечно, моя маленькая деревенская невинность! Вы разве не заметили, как завидуют вам ровесницы?

Я знала, что девушки уважают господина Зайлеса не только за приятную внешность и любезность в обращении. Он был образован и известен своим богатством. Шли разговоры, что скоро он станет наследником богатого дяди. Поэтому Роберт Зайлес имел доступ в самые знатные дома города и без труда мог найти себе в этих кругах подругу жизни. Все мои знакомые видели, что Роберт оказывает мне особое внимание. А я была так польщена этим, что не замечала многих его недостатков.

Среди девочек, которые не хотели ехать в Колндорф, была и Рут Валкер, хотя она не так резко высказывала свое мнение, как Анна Родер.

— Мама не хочет, чтобы я ехала,— сказала она фрау Тиндалл, которая убеждала ее, что поездка ничего не будет стоить, так как ее племянница все расходы берет на себя.

Желающих поехать набралось семь человек, и нам всю неделю нужно было готовиться. Не написанное маме письмо так и лежало на моей совести тяжелым грузом. Все свободное от работы время по-прежнему было занято репетициями, и даже для личных нужд у меня совсем не оставалось времени. Я старательно избегала встреч с доктором Дугласом, хотя и не могла дать отчет почему.

День поездки приближался. Мы должны были поехать в субботу, в шесть часов вечера, и вернуться домой в воскресенье, в два часа ночи.

На этой неделе доктор Дуглас был постоянно занят и только однажды, как раз в день отъезда, обедал вместе с нами. За столом никто не обмолвился о поездке, будто мы договорились молчать об этом. Сразу после обеда я направилась в свою комнату, но доктор Дуглас остановил меня:

— Юлия, удели мне хотя бы десять минут. Я хочу кое-что сказать тебе.

Не ожидая ответа, он направился в читальный зал. Мне ничего не оставалось делать, как пойти следом. Закрыв дверь, доктор Дуглас спросил:

— Юлия, ты тоже входишь в эту изумительную группу, которая уезжает сегодня вечером?

Этот вопрос, заданный слегка недовольным тоном, вызвал сердитый ответ:

— Я сегодня еду в Колндорф. Вы имеете в виду эту группу?

Доктор Дуглас заметил свою ошибку и тут же исправился. Голос его зазвучал мягко и убедительно:

— Я хочу, чтобы ты не ездила. Во-первых, на улице сильный мороз. Ночью тебе не придется отдыхать, а утром — на работу. И еще... ты совсем перестала ходить на собрания. Ты подаешь плохой пример, Юлия. Кроме тебя, еще одну девушку уговорили поехать на этот концерт, и на прошлой неделе она ни разу не была на собрании.

— Кто же это?

— Каролина Вебер,— нахмурился доктор Дуглас.— Нельзя допустить, чтобы в данный момент у нее охладел интерес к духовным вопросам. Кто способствует этому, тот берет на себя огромную ответственность.

— Я не уговаривала ее,— нетерпеливо возразила я,— и даже не знала, что ее пригласили. К тому же ваши возражения чересчур запоздали, осталось несколько часов до поезда и я ничего не могу изменить, так как пообещала, что поеду, и меня ждут. Вы же прекрасно знали, что мы едем, почему раньше ничего не говорили?

— Откровенно говоря, Юлия, я не знал. Я слышал, что запланирована поездка, но не знал, что фрау Тиндалл замешана в этом и что ты едешь. Во всяком случае, я надеялся, что у нее более развито чувство такта.

— Благодарю за внимание! — гордо вскинула я голову.— Совесть не осуждает меня за эту поездку. Вы еще хотите что-то сказать? А то я тороплюсь, мне нужно успеть кое-что сделать...

Доктор Дуглас заложил руки за спину и стал ходить по

комнате. Я уже открыла дверь, чтобы уйти, но он снова остановил меня.

— Прошу тебя, Юлия, останься дома! Тебе пора серьезно обратить внимание на свою жизнь: для чего ты живешь? Рассуждала ли ты о том, как относится Господь к подобным мероприятиям? Что сказала бы твоя мама, если бы увидела тебя на сцене, да еще в такой роли?

— Что вы имеете в виду? — буркнула я.

— Мне больно видеть близкого человека, играющего унизительную, постыдную роль жалкой язычницы, пусть даже всего лишь пять минут и в шутку. Ты еще молодая и неопытная, поэтому обвинять в том, что ты открыто выступила в этой сцене, нужно в первую очередь тех, кто натолкнул тебя на это. Но ради Бога, прошу тебя, не повторяй этого!

Я покраснела и не произнесла ни слова в оправдание. От возмущения я не понимала его слов.

— Сегодня утром я получил письмо от твоей мамы,— продолжал доктор Дуглас.— Она пишет, что уже четыре недели не получает от тебя писем и сильно переживает, думая, что ты серьезно больна. Мама уже несколько ночей не может спать. Я послал ей подробную телеграмму и сообщил, что ты совершенно здорова.

Это письмо глубоко взволновало меня. Я увидел, что плохо исполняю свои обязанности по отношению к тебе. Думаю, ты не будешь сердиться, если я открыто спрошу: вы помолвлены с господином Зайлесом?

— Вы не имеете права задавать мне такие вопросы! — гневно воскликнула я.— Это можно сказать только матери!

— У меня другое мнение,— мягко возразил доктор Дуглас.— Твоя мама хочет, чтобы я заботился о тебе, как брат. В данном случае брат обязательно поинтересовался бы твоими взаимоотношениями с Робертом. Я тоже хочу знать об этом, перед тем как написать письмо твоей матери.

— Мама, наверное, забыла, что мне уже не десять лет! Впрочем, если вам обязательно нужно знать, то могу сказать: нет, я не помолвлена с господином Зайлесом, и, по-видимому, это никогда не произойдет! Если хотите, можете сообщить об этом маме. Теперь вы довольны?

— Не знаю, осталась бы твоя мать довольна,— тяжело вздохнул он.— Но если бы моя дочь позволяла мужчине ухаживать за собой, как это делаешь ты, меня бы это очень беспокоило.

— Как хорошо, что я не ваша дочь!

— Думаю, что ты ничего не знаешь о взаимоотношениях Роберта Зайлеса с Фанни Хоппер, иначе не поступила бы так,— сказал доктор Дуглас. Любопытство превозмогло гордость, и я, не перебивая, внимательно выслушала его до конца.— Они были помолвлены и уже назначили день брака. К несчастью, в это время отец Фанни обанкротился. Спустя два дня после этого господин Зайлес объявил своей невесте, что они не подходят друг другу.

Я не знала этой истории и, пытаясь выйти из положения, наигранно рассмеялась:

— А я думала, что вы, господин доктор, защищены от людских толков! Если эта удивительная история правдива, то как вы объясните то, что Фанни Хоппер ведет себя с господином Зайлесом так, будто между ними ничего не произошло?

— Я думаю, что Фанни все еще любит Роберта, а любовь нередко ослепляет человека.

— Вы можете думать и говорить, что хотите, а я в это не верю! — упрямо настаивала я.— Давайте закончим этот разговор, я не хочу опоздать на поезд!

Доктор Дуглас горько вздохнул.

— Юлия, еще раз прошу тебя, останься дома!

— Меня переубеждать бесполезно! Не задерживайте меня, я пообещала, что поеду, и должна исполнить это!

— Сегодня очень холодно... Благоразумные люди посчитали бы это достаточным поводом, чтобы отложить поездку. Возможно, вас вообще не будут ждать при таком ужасном гололеде. Ты прекрасно знаешь, что мама не пустила бы тебя...

— Давайте больше не будем говорить об этом,— миролюбиво попросила я и поспешно вышла из комнаты.

И все же сказанное доктором Дугласом запало мне в сердце, хотя я и скрывала это. Я уже решилась не ехать в Колндорф и думала, как сказать об этом фрау Тиндалл.

Когда я поднималась по лестнице в свою комнату, меня

позвали в гостиную. Фрау Тиндалл сидела в кресле, обложившись подушками, и с видимой рассеянностью слушала пастора Муллфорда, стоящего перед ней.

— Фрейлейн Рид, вы сегодня, оказывается, очень важная персона! — усмехнулась она, как только я вошла.— Не только господин Дуглас, но и господин пастор хочет поговорить с вами.

Пастор Муллфорд подал мне руку:

— Дорогая сестра, я пришел попросить вас отказаться от намеченной поездки. Я слишком поздно узнал, но думаю, что еще можно исправить положение. С вами едет девушка, которой эта поездка может сильно повредить. Прошу вас, подумайте об этом! Мы нуждаемся в вашей поддержке и в добром влиянии. Я точно знаю, что в этой группе есть души, которые стоят перед выбором пути, и ваша поездка может сильно повредить им.

— Значит, по-вашему, господин пастор, мы должны нарушить обещание,— приподнялась фрау Тиндалл.— Вы, наверно, забыли, что нас уже ждут?

— Нет, фрау Тиндалл, я не забыл об этом. Думаю, что лучше извиниться перед людьми, чем разрушать дело Божье. Пастор Рейнхард — мой давний друг. Если вы согласны, я напишу ему письмо и объясню суть дела, он поймет меня и даже обрадуется, что вы не приехали.

— Какие все же странные эти пасторы! — фрау Тиндалл неестественно засмеялась.— Разве дружеского объяснения достаточно, чтобы оправдать неверность своему слову? К счастью, я договаривалась не с пастором Рейнхардом, а с дамским комитетом. Разочаровать их — просто невозможно! — И, повернувшись ко мне, она добавила: — Уже поздно, милая Юлия, пора переодеваться!

Я не тронулась с места, ожидая развязки разговора и последнего слова пастора.

— Извините, господин Муллфорд, но я не могу послушаться вас,— любезно поклонилась фрау Тиндалл.— Я не понимаю ваши евангелизационные собрания и не одобряю их. Считаю, что нужно постоянно жить по-христиански, а не от случая к случаю. А ваши собрания похожи на приступы

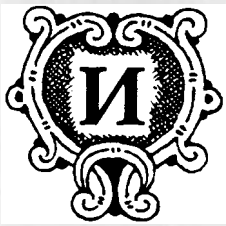
какой-то особенной святости. Что касается Каролины Вебер, то вчера она пришла к нам после вашего собрания, и, кроме насмешек, я ничего от нее не слышала. Думаю, что эти легкомысленные девочки не оправдают ваших надежд. Если бы я знала, что вы будете против поездки Каролины, то не привлекала бы ее к участию. А уж если так случилось, то будьте спокойны,— это юное создание лучше чувствует себя у нас, чем на молитвенном часе.

На эти колкие замечания доктор Муллфорд не сказал ни слова. Он вежливо поклонился и ушел. Фрау Тиндалл сердито кивнула вслед:

— Наконец-то!..

Глава шестнадцатая

НЕВОСПОЛНИМАЯ УТРАТА



так, несмотря на уговоры пастора и доктора Дугласа, я поехала в Колндорф. По дороге с вокзала в молитвенный дом я сильно замерзла. Зал плохо отапливался и из-за резкого похолодания только наполовину был занят слушателями. Предчувствие чего-то ужасного наполнило мое сердце, и я напрасно пыталась освободиться от него. Господин Тиндалл то и дело шутил, стараясь развеселить меня, но фрау Тиндалл остановила его, пояснив, что два попечителя одновременно испортили мне настроение.

Я наблюдала за Каролиной Вебер, порхающей между нами в состоянии необузданной веселости, и с затаенным страхом ждала, что с ней что-то случится из-за нас, вернее из-за меня, потому что я играла главную роль и если бы захотела, то наша поездка не состоялась бы.

Ах, почему я не послушалась? Впоследствии я часто задавала себе этот вопрос и каждый раз отвечала: потому что

трусливо соглашалась с желаниями фрау Тиндалл, у меня не хватало мужества противостать ей. Я всегда внушала себе, что у меня крепкая воля, но когда приходили испытания, оказывалось, что ее у меня совсем нет,— я поддавалась уговорам и позволяла управлять собой.

И вдруг я увидела в дверях доктора Дугласа. Казалось, весь вечер я только и ждала этого момента и тут же поспешила к нему.

— Вы ко мне? — не своим голосом спросила я.

— Да,— кивнул он.— Твоей маме нездоровится. Я получил телеграмму. Если ты поспешишь, мы можем успеть на десятичасовой поезд.

Его сообщение, как всегда, было лаконичным, рассчитанным на то, чтобы успокоить и в то же время поторопить меня. Я не сказала ни слова и, как оглушенная, пошла переодеваться.

Фрау Тиндалл помогала мне с присущей ей ловкостью. Я заметила, что лицо ее стало бледным. Ее слова, произнесенные шепотом: «Нам не надо было ехать! Я знала это! Я знала это!» — тяжелым грузом легли мне на сердце.

Наконец я была готова. Доктор Дуглас терпеливо ждал меня у саней и, как только я села, крикнул кучеру: «Вперед!» Лошади пустились вскачь. Доктор Дуглас накинул на меня тулуп и время от времени поторапливал извозчика:

— Быстрее, пожалуйста, нам нельзя терять ни минуты!

Мы еще не доехали до вокзала, как услышали протяжный гудок локомотива.

— Опоздали,— возница отпустил вожжи.— Поезд сейчас отправится.

— Еще есть несколько минут в запасе,— возразил доктор.— Мы должны сделать все возможное! Поезжайте быстрее! Если мы успеем, я хорошо заплачу вам!

Вдруг мне в голову пришла ужасная мысль, и я, судорожно схватив доктора Дугласа за рукав, спросила:

— Скажите, мама умерла?

— Нет-нет! Она серьезно больна, а больные всегда переживают, когда приходится долго ждать. Во всяком случае, нужно постараться как можно быстрее приехать к ней.

Повернув за угол, мы въехали на станцию.

Дежурный стоял на перроне и, как только увидел нас, дал знак к отправлению.

— Я думал, вы не успеете,— улыбнулся он и уже серьезно добавил: — Три минуты опоздания...

— Спасибо вам! — поклонился доктор Дуглас.— Никто не знает, что значат эти три минуты!

Беспокойство охватывало меня все больше и больше. Доктор не зря спешил именно на этот поезд. Ведь он хорошо знал, что в двенадцать идет еще один. При пересадке в Веймоуте доктор Дуглас сел со мной в поезд, а не остался, как я думала, чтобы следующим поездом возвратиться в Ньютон.

— Вы едете со мной до конца? — удивилась я.

— Да.

Это подтверждало подозрение, что мама при смерти, потому что у доктора Дугласа остались в Ньютоне тяжелобольные.

— Мои родные просили вас приехать? — допытывалась я.

— Нет, по крайней мере, не в качестве врача,— покачал он головой.— Просто я не хочу оставлять тебя одну.

— Дайте мне, пожалуйста, телеграмму!

— Я в спешке забыл ее дома.

— А что там было написано?

— Только пять слов: «Мама сильно больна, привези Юлию». Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. Одно скажу: она находится в руках Божьих.

Это была долгая ночь, полная горьких предчувствий. Иногда я засыпала на какое-то время, но пробуждалась в слезах, потому что во сне видела мертвое лицо матери.

Ранним утром мы приехали в Нью-Хейвен. Солнце приветствовало нас яркими лучами, но я почти не замечала окружающей красоты. С каким восторгом я думала о первой поездке в этот прелестный уголок, и как мне было тяжело сейчас!

Наконец сани остановились возле дома доктора Ван-Андена. Доктор Дуглас помог мне сойти, и мы тут же оказались у открытой двери. Незнакомый мужчина указал на лестницу:

— Поднимайтесь сразу наверх!

— Куда? — кинулась я, стараясь освободить свою руку.

Но доктор Дуглас крепко держал меня.

— Юлия, постарайся не плакать! Подумай, как важно именно сейчас быть спокойной!

Мы осторожно поднялись по лестнице и вошли в уютную комнату, в точности описанную мне в письмах. И тут я увидела мамочку. Она лежала на кровати и как-то неестественно смотрела вверх.

Доктор Ван-Анден предупреждающе поднял палец и чуть слышно прошептал:

— Несколько минут назад она отошла в вечность...

Услышав это, я потеряла сознание, а когда пришла в себя, то увидела, что моя голова лежит на груди матери. О, это было ужасное пробуждение! Никогда не забуду это мгновение и последующие печальные дни! О мама, мама! Как я пренебрегала тобой! С какой легкостью я бросала на ветер все твои поучения и увещания!

О, как мне хотелось услышать ее голос, увидеть нежный, любящий взгляд и сказать: «Мамочка, милая, прости меня!» Однако все это было уже невозможным. Вдвое тяжелее стало мне, когда я услышала, как доктор Ван-Анден говорил доктору Дугласу:

— Если бы вы приехали скорым поездом! Я так ждал вас. Почему вы задержались? До обеда мама была в полном сознании и разговаривала с нами. Она сильно хотела видеть Юлию...

Я заговорила каким-то глухим, незнакомым голосом, и оба доктора вздрогнули.

— Вы говорите о поезде, который идет в восемь вечера из Ньютона?

Доктор Дуглас кивнул.

— Если бы мы успели на него, я застала бы маму живой?

Доктор Дуглас нагнулся ко мне и участливо прошептал:

— Юлия, Господь знает все. Он бесконечно милостив к нам, успокойся!

Я так же тихо ответила:

— Ах, я не перенесу этого! Я никогда не прощу себе!

Сади отнеслась ко мне с особенной любовью. Она много рассказывала о маме, о том, как сильно она переживала обо

мне в последние недели, как боялась, что я переутомлюсь и буду тосковать по дому и особенно по ней. Сади и не подозревала, что ее слова, как меч, вонзались в мое сердце, причиняя невыразимую боль. Для нее это были дорогие воспоминания о материнской любви и заботе, для меня же — горькое свидетельство, что материнское сердце страдало и мучилось, в то время как я совсем забыла свои дочерние обязанности.

Доктор Дуглас отвернулся от нас и сделал вид, что ничего не слышит. Когда же Сади рассказала, как мама переживала, что от меня нет писем, он тут же спросил:

— Разве вы не получали мою телеграмму?

— Получали,— подтвердила Сади.— В ту ночь мама впервые спокойно уснула, а до этого не могла спать, так как ей казалось, что Юлия в страшной опасности. Мы уже хотели вызвать Юлию, чтобы мама успокоилась, но в это время пришла телеграмма...

— Зачем вы отправили телеграмму? — расплакалась я.

— Юлия, любящим Бога все содействует ко благу! — стал утешать меня доктор Дуглас.— Не убивайся так сильно, уповай на Господа! В вечности мы встретимся с твоей мамой.

— Но я не люблю Его!

В тот момент я действительно поняла, что не люблю Бога и столько времени обманывалась, считая себя христианкой. И только горе заставило меня посмотреть на себя и проверить свое отношение к Богу.

Незабываемой осталась забота Альфреда. Особенно запомнились мне его серьезные, искренние молитвы. Мысли о том, что Сади и Альфред совсем другие, чем я, и что мама последние дни жизни могла быть с теми детьми, которые приносили ей радость, утешали меня.

В день похорон, рано утром, Сади зашла в мою комнату и, нежно обняв меня, спросила:

— Юлия, что ты сегодня наденешь? Мы об этом ни разу не поговорили!

— Не надо, Сади,— порывисто перебила я.— Мне противно говорить об этом.

Сади удивленно посмотрела на меня. Она, конечно, не знала, что в последние месяцы размышления о нарядах

похитили мой внутренний покой, а желание выглядеть красиво, как злой дух, наполняло меня.

— Ты не будешь против, если я приготовлю для тебя одежду? — спустя некоторое время спросила она.

— Нет. Мне все равно, что надеть.

После похорон я осталась у Сади еще на две недели, чтобы немного отдохнуть, так как доктор Дуглас утверждал, что я нуждаюсь в покое. Не могу сказать, что я действительно отдыхала, потому что полное безразличие, которое овладело мной, нельзя назвать отдыхом.

«Лучше бы я сама легла в гроб,— думала я с горечью.— Для чего мне дальше жить? У Сади есть муж и дом. Альфред поглощен работой, к тому же он преподает в воскресной школе и опекает нескольких бедных мальчиков. Он не нуждается во мне. А мама лежит на кладбище...»

Я часто ходила на кладбище и подолгу сидела у могилы, совсем не думая, что мама на небе. В то время небо было для меня ужасно далеким, и я видела только могилу.

Оглядываясь назад, я удивляюсь, что Господь сохранил меня в здравом уме. Теперь я хорошо понимаю, как тяжело неверующим переживать разлуку с родными. Да, все было бы совершенно по-другому, если бы я жила в тесном общении с Господом! Я печалилась, как неимеющая надежды, как незнающая, что Христос Иисус воскрес из мертвых и Его дети тоже воскреснут для вечной жизни. Тогда в своем горе я все позабыла. И только потому, что Иисус Христос не был моим Другом, я не могла склонить на Его грудь свою усталую голову.

И все же... и все же я знаю теперь, что все это время Бог крепко держал меня за руку, иначе я погрузилась бы во мрак отчаяния и никогда не смогла бы выбраться из него.

Глава семнадцатая

НЕОЖИДАННОЕ ПИСЬМО

октор Ван-Анден и Сади предлагали мне остаться у них, но я уже привыкла жить самостоятельно и не хотела терять работу в Ньютоне. Притом работа в данный момент была для меня лучшим лекарством.

Директор фабрики прислал мне письмо, в котором выразил соболезнование по поводу смерти моей матери, и в конце напомнил, что может дать мне отпуск только на две недели.

Я порвала письмо и бросила в печку. Мне больно было читать о смерти мамы. Все воспринимали это как нечто естественное, но только не я. И все же мне нужно было возвращаться к прежним занятиям: вести книги учета, общаться с сотрудниками и друзьями.

В Ньютон я возвращалась серым дождливым днем. Покрытые туманом поля, мимо которых мчался наш поезд, вселяли в меня безысходную тоску. «Безвыходно... безнадежно...» — как будто твердило все вокруг. Я содрогнулась при мысли, что теперь все будет как и раньше, с единственным страшным различием: никогда больше я не получу письма от любимой мамочки...

Поезд приближался к городу. Я не надеялась, что кто-нибудь встретит меня, потому что не сообщила о своем приезде. Но едва мои ноги коснулись перрона, передо мной уже стоял доктор Дуглас. Через какое-то мгновение я сидела в закрытом экипаже и с приятным чувством, что еще не все оставили меня, откинулась на спинку сиденья.

— Как вы узнали, что я приеду сегодня? — спросила я доктора Дугласа, когда он сел рядом со мной.

— Альфред прислал телеграмму. Я просил его об этом,— спокойно пояснил он, будто это и не могло быть иначе.

Фрау Тиндалл приняла меня очень любезно. Она была приветливой, внимательной и ненавязчивой. И все же я чувствовала

неприязнь к ней. В моем сердце была какая-то горечь, я считала ее виновной в том, что в последнее время вела себя, как неверующая. Я не могла простить ее за то, что она уговорила меня ехать в Колндорф. «Если бы не фрау Тиндалл,— горевала я,— если бы не она, то я застала бы маму живой! Если бы фрау Тиндалл согласилась с пастором, то все было бы по-другому...» От таких мыслей мое сердце наполнялось негодованием.

Я стала чаще читать Библию и молиться утром и вечером, но молитва не приносила мне утешения. Я не чувствовала близости Господа. Какая-то стена стояла между мной и Богом, и я не могла приблизиться к Нему. Да, это были печальные дни...

На работе все сочувствовали мне и относились более любезно, чем раньше. Вялая и какая-то уставшая, я еле прожила неделю. Мне хотелось умереть или тяжело заболеть, чтобы потерять сознание и ни о чем не думать. Ах, как часто я потом благодарила Бога, что Он не исполнил моих глупых желаний!

Как-то вечером доктор Дуглас закрыл дверь из читального зала в столовую и подсел ко мне.

— Юлия, пойдем сегодня на собрание!

— Нет,— отказалась я и всхлипнула.— Я никого не хочу видеть и слышать.

— Ты думаешь, ей понравилось бы это? — вдруг спросил он.

— Кому?

— Твоей маме. Ты думаешь, она больше не интересуется тобой, потому что перешла в вечность? Думаешь, ей приятно видеть, что ты так предалась своему горю?..

Мысль о том, что моя мама на небе, была для меня новой. Я не думала об этом. У меня вдруг просветлело внутри, и я воскликнула:

— Моя мамочка живет на небе с Иисусом?!

Небывалая радость наполнила мое сердце. Я с благодарностью посмотрела на доктора Дугласа и взволнованно сказала:

— Почему-то я до сих пор представляла ее только в гробу...

Тогда доктор Дуглас вытащил из кармана конверт и протянул его мне.

— Это письмо Сади просила отдать тебе, когда ты будешь

в состоянии читать. Думаю, что сейчас самый подходящий момент.

Я чуть ли не выхватила из рук доктора конверт и помчалась в свою комнату. Когда я открыла его, выпала записка, написанная рукой Сади.

«Дорогая сестренка!

Несколько дней назад я дала маме прочитать письмо Эстер, которое она написала мне незадолго до смерти, и рассказала, насколько оно дорого мне и как повлияло на мою жизнь.

Вероятно, письмо Эстер произвело на маму глубокое впечатление, потому что на следующий день она дала мне письмо для тебя. Спустя пару дней Господь отозвал нашу мамочку к Себе. И теперь, Юлия, посылаю тебе это письмо. Надеюсь, оно не увеличит рану в твоем сердце, а послужит большим утешением».

Дрожащими руками я взяла запечатанное письмо. Сверху маминым почерком было написано: *«Передать Юлии после моего перехода в вечность»*. Слезы брызнули у меня из глаз, и прошло довольно много времени, пока я успокоилась и смогла прочитать письмо:

«Милое мое дитя!

Этим письмом я хочу утешить тебя в скорби и помочь мужественно перенести страдания, возложенные на тебя Богом. Сердечко мое, читая эти строки, подумай о том, что я уже на небе! Твой отец, Эстер и я ждем вас всех. Крепко держись за руку Божью, и Он доведет тебя до Небесной Отчизны!

Милое дитя, никогда не забудь мое искреннее пожелание: ищи Господа Иисуса и приближайся к Нему! В этом сокрыто настоящее блаженство. И чем ближе мой конец, тем яснее я понимаю эту истину.

Милое дитя, живи свято! Благословение твоей матери да сопровождает тебя на всех путях твоих. Пусть твоя жизнь будет угодной Богу, радостной, полностью посвященной Ему, чтобы мы встретились на небесах!

До свидания, моя любимая!

Твоя мама».

Сначала слезы неудержимо текли из моих глаз, затем они

высохли. На душе стало удивительно тихо, как будто я услышала голос с неба.

Да, я не думала, что получу когда-нибудь письмо от мамы! Как я страдала, что не успела попрощаться с ней! А теперь я получила все: пожелание, благословение и дорогие прощальные слова! Мама даже не упомянула о моем молчании в последние недели. Из письма было видно, что она ничего не знала о моем поведении. Это немало утешило меня. Кто знает, может, она молилась, чтобы Господь любыми путями приблизил меня к Себе, пусть даже через скорбь?

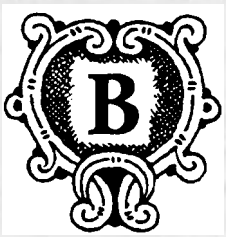
И скорбь пришла. Приблизит ли она меня к Богу?

— Да, я хочу быть ближе к Господу! — воскликнула я.— Мама, твоя молитва услышана! Я хочу укрыться в моем Спасителе!

В тот вечер я долго плакала и молилась, но почему-то слова мои звучали глухо и незначительно. Я думала, что это результат долгого страдания. Поднявшись с колен, я решила начать серьезную христианскую жизнь. Мне хотелось быть сильной и мужественной, как того желала мама.

Глава восемнадцатая

СТРЕМЛЕНИЕ К НОВОЙ ЖИЗНИ



споминая свои решения и молитвы, я вижу, как мало знала Господа, хотя с детства считала себя христианкой.

Как милостив наш Господь! Он называет нас Своими детьми, хотя мы такие бедные и жалкие! Я думала, что необходимо только возвратиться к Господу и быть готовой выполнять оставленные обязанности, и тогда свет, любовь и мир вновь наполнят сердце. Но увы! Я глубоко ошибалась...

Я стала беседовать с девушками на фабрике, но результат

был таким же, как и во время молитвы. Слова звучали серьезно, но не достигали сердца.

Один раз, например, я спросила Фанни Хоппер:

— Почему вы не ходите на собрание? Неужели вас вообще не интересует вера в Бога?!

Фанни, почувствовав нотки осуждения в моем голосе, испытующе посмотрела на меня.

— Зачем мне собрания? Я изменница. Для меня нет никакой надежды. Вы бы лучше побеседовали с Каролиной Вебер. А у меня закоснелое сердце...

— Не надо насмехаться над такими серьезными вещами,— строго сказала я.

— Вы имеете в виду закоснелость сердца? — удивилась она.— Это, конечно, что-то серьезное. К сожалению, от нее не так легко избавиться!

С этими словами Фанни выпорхнула из склада, и передо мной невольно встал вопрос: а может, в ее легкомысленном ответе есть истина? И все же я совершенно не задумалась, правильно ли и вовремя ли сказано мое слово.

В тот же день я подошла к Каролине Вебер и тоже пригласила ее на собрание.

— Если бы оно закончилось в восемь часов, то я пошла бы,— задумчиво протянула Каролина.— Я хочу попасть в цирк, а собрание так долго тянется...

Девочки, услышав ее ответ, догадались, о чем я спрашиваю, и одна из них насмешливо фыркнула:

— Фрейлейн Рид стала в последнее время удивительно святой!

— Это неистинная святость,— отрезала Каролина.— Она потеряла мать и чувствует себя несчастной. Потому и показывает нам, что стала святой.

Я терпеливо сносила подобные замечания, так как внушила себе, что мое поведение угодно Богу. Однако мои молитвы по-прежнему не несли с собой ни утешения, ни удовлетворения. Я никак не могла понять, что мои взаимоотношения с Богом неправильны.

Неожиданно возникшая в моем сердце антипатия к фрау Тиндалл все более возрастала, а я была совершенно уверена,

что изменилась к лучшему и полна добродетели. Ее сердечное внимание, даже приветливые, ласковые слова вызывали во мне недоверие. Я только удивлялась, как она может спокойно воспринимать все мои противодействия и довольно невежливые реплики.

Заметив, что доктору Дугласу не нравится мое поведение, я сердито высказала ему:

— Я в самом деле не понимаю вас! Вам просто невозможно угодить! Когда фрау Тиндалл руководила мной, меня всегда преследовал ваш строгий взгляд. Теперь же, когда я стараюсь вырваться из-под ее влияния, вам опять не нравится...

— Ты неправильно понимаешь меня, Юлия,— возразил он.— Это хорошо, что ты стараешься выйти из-под ее влияния, только мне не нравится, как ты это делаешь. Ты хранишь в сердце горечь и судишь обо всем превратно.

— Разве у меня нет причины сердиться? — горячилась я. — Подумайте только, к чему привела меня фрау Тиндалл! То, что с детства было для меня свято, она втоптала в грязь. Связав мою волю, она привила мне неправильные взгляды! Фрау Тиндалл причинила мне много вреда, и самое ужасное,— из-за нее я небрежно отнеслась ко всему, чему учила меня мама. Этого я никогда не смогу простить ей!

— Кто же заставил тебя пойти по ее следам? — остановил меня доктор Дуглас.— Разве у тебя не было рядом друзей?

— Это неважно! — мрачно ответила я.— Во всяком случае, она сумела прельстить меня.

— К большому сожалению, ты заблуждаешься, во всем обвиняя только фрау Тиндалл, вместо того чтобы искать ошибку в себе. Тебе нужно понять, где зародилось зло, и основательно проверить себя.

— Но фрау Тиндалл считает себя христианкой и должна была подать мне хороший пример!

— Разве у тебя не было положительного примера?

— Конечно, я могла бы подражать вам! — расстроенно воскликнула я.— Вы это имели в виду?

Вместо ответа он укоризненно посмотрел на меня и спросил:

— Скажи откровенно, ты находишь утешение в своей вере? Чувствуешь ли ты присутствие Божье, когда молишься?

— Нет,— прошептала я дрожащими губами.— Я пытаюсь молиться, но мне кажется, что все это напрасно. Я хочу быть другой, но у меня ничего не получается...

Закрыв лицо руками, я расплакалась. Неописуемая тяжесть лежала у меня на сердце. Все мои старания стать лучше были безуспешны.

— Хорошо, что ты поняла это! — с какой-то радостью сказал доктор Дуглас.— Не нужно даже пытаться, Юлия. Ты все равно не станешь лучше, даже если сто лет будешь стараться изменить себя.

— Я не понимаю вас, господин доктор!

— В твоей духовной жизни наступил критический момент. Господь открывает тебе, что твое сердце крайне испорчено, и сама ты никогда не сможешь изменить его. Помочь тебе может только Иисус Христос. Сейчас тебе нужно искренне просить Его, чтобы Он жил в твоем сердце и управлял им. Конечно же, при этом нужно покориться Ему всецело.

В конце беседы я разговаривала совсем не так, как в начале, поняв, что причиной всех моих бед и разочарований было собственное «я», на поводу которого я жила.

Глава девятнадцатая

ПРИЕЗД КУЗИНЫ

В тот вечер я получила письмо, которое в корне изменило мою дальнейшую жизнь. Передал мне его доктор Дуглас перед молитвенным собранием. Он снова пригласил меня с собой, но я боялась попасть в общество, думая, что все будут обращать на меня внимание, а я не выдержу этого. Повторное приглашение доктора Дугласа рассердило меня, и я решительно отказалась, хотя совесть побуждала пойти.

В таком настроении я торопливо открыла письмо. Оно было не от Сади и не от Альфреда.

«Добрый день, дорогая Юлия!

Пишет тебе Абби, твоя двоюродная сестра.

Мои родители поехали на юг отдыхать. Брат Ральф с женой, как ты знаешь, находятся в Англии, и я теперь живу одна. Мне очень хочется приехать в Ньютон и побыть некоторое время с тобой. Можно? Попроси хозяйку принять меня! Мне так хочется поближе познакомиться с тобой! Мы ведь в свое время пойдем вслед за нашими любимыми в прекрасный небесный дом, и я чувствую потребность поговорить с тобой о будущем.

Представляешь, как Эстер радовалась, приветствуя свою мамочку! У меня на небе только один, близкий моему сердцу, человек — мой жених. У тебя же там и папа, и мама, и Эстер!

Очень жалею, что не смогла вместе с вами проводить твою мамочку на место покоя. И все же это не столь значительно, потому что образ умершей может помешать нам видеть ее живой на небе. Так земное часто закрывает от наших глаз небесное. Но придет время, и земное исчезнет, тогда откроется вечная слава нашего Господа.

Милая, мне так хочется видеть тебя. Кто знает, может, мы сможем быть друг другу в помощь! Напиши ответ сразу. Тогда я получу твое письмо в четверг, и если Господу будет угодно, то в следующий вторник буду уже у тебя.

Твоя кузина Абби Рид».

Удивительное письмо! В нем не было соболезнования, но оно тронуло меня, как никакое другое, самое приветливое и доброжелательное, которые я получила за это время. Мне показалось, что я, так плохо знавшая Абби, все это время тосковала по ней.

Я взяла конверт и пошла к фрау Тиндалл. В коридоре был слышен ее звонкий смех. Она сидела в кресле у огня и разговаривала с мужем. Как только я зашла в комнату, фрау Тиндалл замолчала, как будто в моем присутствии нельзя было смеяться. Я не понимала, почему они постоянно напоминали

мне о смерти матери, принимая на себя траурный вид.

Коротко передав желание Абби, я ждала ответ. Фрау Тиндалл обратилась к мужу:

— Эрнст, если просьбы о приеме будут продолжаться, то нам придется устроить в своем доме гостиницу, правда? Юлия, я бы с удовольствием согласилась, особенно сейчас, во время вашей скорби, но мне не хочется брать в дом постояльцев. Доктор Дуглас и вы, собственно, принадлежите к нашей семье... А кто эта кузина?

Я знала одно сильное средство, прекрасно действующее на фрау Тиндалл, и решила воспользоваться им, чтобы уговорить ее.

— Это единственная дочь моего дяди, господина Ральфа Рид из Нью-Йорка.

— Дочь господина Рида, владельца известной фирмы «Рид»? — приподнялась фрау Тиндалл.

— Да.

— Удивительно! Мой муж долгое время был в деловой связи с господином Ридом, и я один раз видела его. По нью-йоркским понятиям, это очень богатый человек. Значит, эта молодая дама — его дочь? Почему же вы раньше не говорили об этом?

— Вы никогда не спрашивали!

— Эрнст, мы ведь тоже что-то слышали об этой девушке! — повернулась она к господину Тиндаллу.— Ты не помнишь, что рассказывали о ней Арлингтоны? У нее была какая-то несчастная любовь или что-то подобное...

— Ее жених погиб накануне брака,— объяснила я.

— Ах да, теперь я вспомнила! — воскликнула фрау Тиндалл.— Какой ужасный случай! Она все еще носит траурные одежды?

Я покачала головой.

— Ну, это, может быть, и не совсем хорошо... Впрочем, Юлия, напиши ей, пусть приезжает. Нет причины отказывать ей, если она так сильно желает приехать, хотя мысль пускать в дом постояльцев показалась мне вначале странной.

С того момента, как фрау Тиндалл воскликнула: «Дочь владельца известной фирмы "Рид"», я уже не сомневалась, что

она примет ее. Не выражая особой радости, я поднялась в свою комнату и написала Абби письмо.

С нетерпением и немалым любопытством я стала ждать приезда Абби. Я не видела ее со дня смерти моей сестры Эстер, а с тех пор прошло шесть лет. По моим подсчетам, ей должно быть двадцать четыре года. В моих глазах это почтенный возраст. Честно говоря, я немного боялась предстоящей встречи.

Мне хотелось встретить Абби на вокзале, и я попросила доктора Дугласа пойти со мной. Он был очень доволен решением Абби и с радостью согласился сопровождать меня.

И все же Абби приехала неожиданно.

В тот день я раньше обычного пришла с работы и сразу помчалась в свою комнату, чтобы подготовить ее к приезду гостьи. Вдруг чьи-то руки закрыли мне глаза и кто-то с веселым смехом поцеловал меня. Когда мне удалось вырваться из объятий, я увидела Абби. Она отошла на несколько шагов, чтобы лучше разглядеть меня.

— Как ты похожа на Эстер!

— Да? — удивилась я.

— Знаешь, я так хотела, чтобы ты была похожа на нее! Мы хорошо понимали друг друга. Надеюсь, и с тобой найдем общий язык, правда?

Когда позвали на ужин, мы спустились вниз, и я представила свою сестру фрау Тиндалл. Она встретила ее широкой улыбкой и потоком ласковых слов. Слушая ее, я решила рассказать Абби про фрау Тиндалл все, чтобы она не разочаровалась в ней так же, как и я.

В тот вечер на ужине был господин Зайлес, и Абби разговаривала с ним естественно и просто. Когда с улицы донесся колокольный звон, мы еще сидели за столом.

— Сегодня есть собрание? — повернулась ко мне Абби.

Я кивнула.

— Хорошо! Значит, мы вместе пойдем.

Доктор Дуглас пояснил, что сейчас проходят евангелизационные собрания, и Абби еще больше загорелась желанием пойти.

— Разве еще не пора идти? — немного погодя забеспоко-

илась она, так как никто не собирался вставать.— Я совсем не устала в дороге и с удовольствием пойду на собрание!

— Удивительное существо! — рассмеялся господин Зайлес, когда я возвратилась в столовую, чтобы взять забытый платочек.— Слушать ее — одно удовольствие! — Затем он повернулся ко мне: — Фрейлейн Юлия, я пообещал проводить вас и вашу кузину в церковь, если вы не против. Доктор Дуглас должен еще посетить больных и попросил меня заменить его.

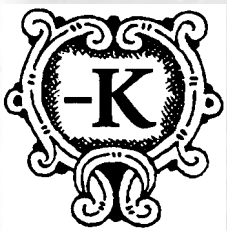
Фрау Тиндалл насмешливо поправила:

— Чтобы удивить Юлию, нужно рассказать более подробно. Представьте себе, Юлия, Роберт предложил доктору Дугласу проводить вас в церковь вместо него! Тот был так удивлен, что не нашел слов для возражения. Я думаю, что началось тысячелетнее царство...

— А может, Роберта околдовала волшебница? — рассмеялся господин Тиндалл.

Глава двадцатая

АББИ И ФРАУ ТИНДАЛЛ



акое сегодня было чудесное общение! — восхищалась Абби по дороге домой.— Вам понравилось? — обратилась она к господину Зайлесу.

— Не могу этого сказать,— криво улыбнулся он.

— Очень жаль,— вздохнула Абби.— А почему, если не секрет?

— Вся причина во мне, бедном грешнике. Я никак не могу понять смысл этих собраний.

Абби с удивлением и в то же время с печалью посмотрела на него.

— Значит, вы еще не дитя Божье?

Ее вопрос почему-то развеселил Роберта Зайлеса. Казалось, еще немного и он засмеется. Я рассердилась на него и немного на Абби, считая разговор с Зайлесом на духовную тему бесполезным и, более того, похожим на бросание жемчуга свиньям.

— Вы, наверное, впервые встречаете человека, предложившего вам серьезный вопрос,— сказала я, стараясь подделать его.— Поэтому не стоит удивляться, что вы считаете это смешным!

Собрание произвело на меня сильное впечатление. Я вдруг почувствовала непреодолимое желание покоя, мира и радости, о которых свидетельствовали многие присутствующие. Однако по моему высокомерному тону и едким словам можно было безошибочно определить, что Слово Божье, слышанное мной, не принесло особенной пользы.

Господин Зайлес, как всегда, добродушно подшутил над моим замечанием и повернулся к Абби:

— Вы удивлены?

— Очень. Я почему-то думала, что вы член церкви.

— Как вы пришли к такому заключению, если не секрет?

— Я и сама не знаю как. Мне показалось, что вы, доктор Дуглас, фрау Тиндалл и все остальные соединены братскими узами. Поэтому я невольно подумала, что вас связывает любовь к Господу.

— Я бы хотел, чтобы это было так! — задумчиво произнес Роберт, прощаясь с нами.

Дома, сняв пальто, Абби пошла прямо к фрау Тиндалл и опустилась в кресло напротив.

— Как жаль, что вы не смогли пойти с нами! Это было чудесное общение! Вы совсем не можете выходить на улицу вечером? Какое это, должно быть, мучение!

— Нет, если бы я хотела, то могла бы пойти,— призналась фрау Тиндалл.— Дело в том, милое дитя, что я старше вас и мои чувства уже не так легко возбудить.

Раньше такое объяснение было бы для меня неожиданным. Теперь же оно разозлило меня, и я, нахмурив лоб, отвернулась. Абби же спокойно возразила:

— Фрау Тиндалл, какая может быть связь между возбуждением чувств и богослужением?

— Огромная! Большинство людей не получают пользы от этих собраний. Я, вообще-то, против религиозных средств возбуждения. По-моему, они нездоровы. Впрочем, как вам понравилась наша церковь? Она очень красивая, правда?

— Да, здание искусной работы,— согласилась Абби.— Извините, фрау Тиндалл, но что вы имеете в виду, говоря о религиозных средствах возбуждения?

— Это ежедневные собрания и внеочередные молитвенные часы. Я считаю, что таким путем нельзя сделать людей христианами.

У моей кузины была замечательная способность задавать прямые, конкретные вопросы. При этом ее большие, умные глаза внимательно смотрели в лицо собеседнику, не давая возможности увильнуть от ответа.

Фрау Тиндалл беспокойно заерзала на стуле, когда Абби спросила:

— А что вы называете возбуждением?

— Это неестественная вспышка чувств.

— Тогда это не имеет никакого отношения к сегодняшнему собранию. Там все было совершенно спокойно.

Фрау Тиндалл положила свою руку на руку моей кузины и с располагающей любезностью произнесла:

— Останемся при своих мнениях, моя милая. Я не против, пусть люди хоть триста шестьдесят пять раз в году ходят на молитвенные собрания. Мне же лично чужд такой религиозный фанатизм. Юлия, а господин Зайлес тоже был в церкви?

— Да.

— Фрау Тиндалл, вы можете объяснить, что такое религиозный фанатизм? — снова спросила Абби.

Моя умная хозяйка поняла, что ей нужно или дать убедительный ответ, или решительно отклонить вопрос. Поэтому она вежливо пояснила:

— Я называю фанатизмом то, что мы назначаем всевозможные внеочередные собрания и молитвенные часы и вынуждаем людей посещать их, не думая о том, что это заставляет их откладывать свои ежедневные обязанности и заботы. По-моему, религия должна быть элементом повседневной жизни, а не приступами неестественной ревности зимними вечерами.

— Но ведь зимой у людей больше свободного времени! Городские жители проводят вечера в театрах и в других увеселительных местах. Почему же не использовать это время для проповеди Евангелия?

— Религиозное возбуждение — это не истинная религия,— не сдавалась фрау Тиндалл.

— Правильно,— совершенно невозмутимо подтвердила Абби.— Но что вы понимаете под словом «фанатизм»?

— Фрейлейн Абби, вы хотите использовать меня вместо энциклопедического словаря? — пошутила фрау Тиндалл.— Фанатизм и есть фанатизм, что тут объяснять!

— И все-таки я хочу получить серьезный ответ!

— Хорошо, мой маленький мучитель, отвечу вам! Фанатизм — это страстный, преувеличенный интерес к чему-либо.

— А какой интерес нужно проявить к религии, чтобы избежать преувеличения? — не отступала Абби.

— Я не осуждаю сам интерес к религии, а только его неразумные последствия.

— Вы считаете, что молитвенный час относится к неразумному последствию религиозного интереса? — допытывалась Абби.

— Нет, конечно нет... но...

Абби некоторое время ждала, надеясь, что собеседница закончит предложение, но она молчала.

— Как вы думаете, фрау Тиндалл, имеем ли мы право равнодушно относиться к неверующим, зная, что они погибают? Например, можете ли вы как ни в чем не бывало беседовать с нами, в то время как ваш муж лежит наверху в тяжелом состоянии?

— Это же совсем другое дело! — быстро ответила фрау Тиндалл.— Здесь видна настоящая, определенная опасность.

— Но сегодня многие души находятся в опасности!

Абби сказала это так взволнованно, что у фрау Тиндалл не нашлось ответа, что случилось впервые за время моего знакомства с ней.

Едва мы переступили порог моей комнаты, я сказала:

— Как хорошо, что ты в первый же вечер получила представление о взглядах фрау Тиндалл! Она обо всем судит по-

верхностно. Ты даже не представляешь, как я разочаровалась в ней!

— Нужно молиться о ней,— спокойно отозвалась Абби, и мой поток слов на мгновение прекратился.

Однако долго я не могла молчать. Мне хотелось высказать все, что было на сердце. Без остановки, я подробно рассказала о моей жизни у фрау Тиндалл. Абби слушала, не проронив ни слова.

— Ты когда-нибудь встречала таких христиан? — спросила я в конце.

— Бог имеет дело с разными людьми и относится ко всем с безграничным милосердием,— уклонилась она от прямого ответа.

— Я вообще не считаю ее христианкой! — заключила я.— По-моему, она лицемерка.

— Мы не имеем права судить наших ближних,— остановила меня Абби.— Я думаю, что невозможно молиться за человека, если осуждаешь его. А ты как считаешь?

— Фрау Тиндалл не нуждается в молитвах,— поджала я губы.— Она считает себя совершенной.

— Ты молишься о ней?

— Нет. Я понимаю, что поступаю неправильно, но не могу иначе. Ах, Абби, если бы ты только знала, сколько горя мне пришлось испытать из-за нее!

Вытирая слезы, я рассказала ей о поездке в Колндорф, о том, что из-за фрау Тиндалл лишилась последнего поцелуя матери.

— Бедняжка! — пожалела меня Абби.— Ты, наверное, не могла ясно понять, что лучше: остаться или поехать? Неужели никто не мог посоветовать тебе? Юлия, а ты молилась об этом?

Я молчала. Действительно, разве некому было дать мне правильный совет? Что подумала бы Абби, услышав, как доктор Дуглас умолял меня, а пастор Муллфорд настоятельно убеждал остаться? Я хорошо знала, как мне нужно было поступить...

— Нет, не молилась...

— Как же ты надеялась правильно поступить?

— Неужели ты молишься о всякой мелочи?— удивилась я.

— Конечно! Ведь Бог вникает во все наши дела. В Библии написано, что у нас даже волосы на голове сочтены!

Абби пересела на диван, сказав при этом:

— Сегодняшний вечер так напоминает мне первую встречу с Эстер! Мы разговаривали с ней до глубокой ночи...

— Только о маме ничего не говори,— закрыла я лицо руками, и поток слез, как будто ожидая этого момента, хлынул из глаз.

Абби испуганно посмотрела на меня.

— Почему же? Разве тебе не хочется вспомнить маму? Я очень любила ее и так хочу услышать что-нибудь о ней! Ты мне много расскажешь, правда?

Слушая Абби, я успокоилась, вновь поверив, что мама у Господа и ей там хорошо.

— Ты рассуждаешь совсем не так, как мои знакомые,— подняла я на Абби заплаканные глаза.

— Мы все в какой-то мере можем говорить так, будто не верим, что наши близкие уходят в лучший край. И все же наши родные, умершие в Господе, ждут нас в небесах.

— Ты уверена? — оживилась я.— О, как мне хочется тоже быть уверенной в этом! Небо мне кажется таким далеким, что я вижу мамочку только в гробу. У тебя бывает такое?

— Нет, небо мне всегда кажется близким и дорогим. Я твердо верю, что мои любимые только на время попрощались со мной, как будто переехали в другую страну. Настанет время, и я отправлюсь туда же и встречусь с ними.

— А письма? — робко спросила я, чувствуя, что мой вопрос вообще не подходит к теме.— Если бы родные были на земле, мы могли бы получать от них какие-нибудь известия...

В ответ Абби широко улыбнулась, и в ее голосе зазвучали торжествующие нотки:

— Зато нам никогда не надо переживать, что они больны, или в опасности, или в какой-то нужде. А в Библии есть прекрасное описание той страны, куда они перешли...

Я завидовала Абби и при всем желании не могла подняться на такую высоту веры, надежды и любви, хотя искренне стремилась к этому. В тот вечер, ложась спать, я твердо решила подражать Абби и верить так же сильно, как она.

Глава двадцать первая

АББИ НА ФАБРИКЕ

На следующее утро я снова рассердилась на Абби за то, что она приветливо поздоровалась с фрау Тиндалл и как ни в чем не бывало завела с ней оживленный разговор. Зная пороки фрау Тиндалл, Абби делала вид, что она ей нравится! Я расценила это как самое натуральное лицемерие, что было ужасным в моих глазах. Облекшись в горделивое молчание, я отвечала только тогда, когда обращались ко мне лично, да так коротко и недружелюбно, что не знаю, как у них вообще не пропала охота разговаривать со мной. При этом я была уверена, что поступаю совершенно правильно.

После завтрака фрау Тиндалл пригласила Абби поехать с ней в гости, но та вежливо отказалась:

— Я хочу пойти с Юлией на работу.

— Что вы будете там делать? — испуганно посмотрела на меня фрау Тиндалл.

— Знакомиться,— улыбнулась Абби и без дальнейших объяснений пошла со мной, окинув всех ласковым взглядом.

Мне приятно было идти по городу со своей кузиной. Одета она была просто, но красиво. Серое пальто сидело на ней безукоризненно, и все в ее одежде, начиная от варежек и кончая кожаными сапожками, было подобрано со вкусом.

Абби произвела на девушек положительное впечатление. Это было видно по их старанию, с каким они убирали с дороги коробки, когда мы зашли в цех. Возле моего стола Абби сняла шляпу и пальто и, нисколько не смущаясь, сказала, что хочет остаться здесь до обеда. Я стала ломать голову, чем же занять ее, но скоро поняла, что в этом нет никакой нужды. Кузина сама знала, что ей делать.

— У тебя будет время познакомить меня с девочками? — оглядевшись по сторонам, неожиданно спросила она.

— Что ты придумала, Абби?! — воскликнула я.— Здесь

так не принято. Если хочешь поговорить с кем-нибудь, то свободно подходи к любой девушке.

Абби задумчиво посмотрела на меня и через некоторое время спросила:

— Как зовут вон ту симпатичную девушку?

— Фанни Хоппер. Фрау Тиндалл говорит, что она хочет завлечь господина Зайлеса, но я не верю. Доктор Дуглас сказал, что они были помолвлены, но Роберт оставил ее, когда отец Фанни обанкротился. Думаю, это сплетня.

Абби, казалось, не слышала моих последних слов. Она серьезно оглядела Фанни Хоппер и после короткой паузы спросила:

— Она христианка?

— Нет, Фанни далека от Бога. Доктор Дуглас иногда беседует с ней, но, к сожалению, все бесполезно.

— А ты, Юлия?

— Я хотела привлечь ее к Богу, но мне это не удалось. Она не воспринимает то, что я говорю.

Между тем Абби перевела взгляд на Каролину Вебер. Отвечая на ее вопросы, я не могла удержаться от смеха, потому что глядя на Каролину, всегда хотела смеяться.

— В последнее время ее как будто тарантул укусил,— заметила я.— Не знаю, как повлиять на нее.

И снова я почувствовала на себе внимательный и печальный взгляд Абби.

— Вы каждый день бываете вместе, и, хочешь того или нет, ты как-то влияешь на нее,— сказала она тихо.

Слова Абби прозвучали для меня упреком, и я впервые почувствовала ответственность личного влияния. Это была для меня новая мысль. Неужели я своей жизнью повредила Каролине Вебер в духовном отношении? Чем больше я думала над этим, тем тяжелее становилось у меня на душе.

— По-твоему, Абби, на нас лежит столько ответственности! — вырвалось у меня.— Если мы должны опасаться, чтобы при встрече с человеком не оказать на него плохого влияния, то вскоре будем вынуждены просить: «Господи, избавь нас от встреч с людьми!»

— Совсем не так,— поправила меня Абби.— Мы должны

просить об исполнении Духом Святым, чтобы через нашу жизнь окружающие приходили к Богу.

В этот момент в рабочий зал вошел господин Зайлес с букетом роз. Разделив цветы между нами, он хотел что-то сказать, но Абби опередила его.

— Мы с Юлией говорили как раз о христианском влиянии. Как вы считаете, Роберт, люди влияют друг на друга при встрече? Если вы встретились с христианином, как это влияет на вас?

Вместо ответа господин Зайлес смущенно пожал плечами и по привычке улыбнулся.

— У вас есть верующие друзья или знакомые? — не отставала Абби, пристально глядя ему в глаза.

— Да. Я часто восхищаюсь ими, но, к сожалению, до сих пор ничего полезного не извлек из их жизни. Может быть, вам удастся сделать что-нибудь в этом отношении...

Не знаю, почему он так выразился. Если он хотел представить себя в лучшем свете, то мало чего достиг, потому что Абби не любила просто поболтать. Она тут же перевела разговор на другую тему.

— Господин Зайлес, вы знакомы с этими девушками?

— Да, имею честь,— бросил он озорной взгляд на работниц.

— Будьте добры, познакомьте и меня с ними!

Господин Зайлес вопросительно посмотрел на Абби.

— С удовольствием!

Абби тут же встала и последовала за Робертом, не обращая внимания на мой недовольный взгляд. Они пошли в ближайший угол к Фанни Хоппер. Я рассердилась на них, но еще больше на себя. Совесть судила меня за то, что мне было неловко познакомить Абби с девушками только потому, что они простые работницы. Я чувствовала себя отвратительно и долго думала, откуда появилась во мне такая гордость. Легко было обвинить в этом фрау Тиндалл, и я, как обычно, не приняла в расчет, что добровольно внимала ее поучениям и совсем не обращала внимания, например, на слова доктора Дугласа. Вместо того, чтобы искать вину в себе, я хранила в своем сердце горечь и обиду на фрау Тиндалл.

Я уже не могла спокойно работать, наблюдая за Абби. В ее поведении не было и тени надменности или высокомерия.

Дольше всех Абби задержалась возле Каролины Вебер, потому что она была самой словоохотливой и общительной. Господин Зайлес оставил Абби возле нее, а сам медленно подошел ко мне и задумчиво сказал:

— Ваша кузина — необыкновенная девушка!

Между тем Абби, беззаботно прислонившись к столу с клейстером и щеткой, оживленно беседовала с Каролиной.

— Юлия, почему вы не сказали, что она совершенно не такая, как все? — упрекнул меня Роберт.

— Я не вижу в ней ничего особенного,— отпарировала я, пытаясь понять, он восхищается Абби или смеется над ней.

— Неужели? Странно. Я впервые встретил такую удивительную девушку.

Я замолчала и напрягла слух, желая разобрать, о чем Абби разговаривает с Каролиной.

— Может, вы придете на собрание? — приветливо пригласила кузина.

— С удовольствием! — быстро согласилась Каролина, приняв выражение скромной, воспитанной девочки. — Но мне не с кем идти, а одной неприятно...

— Если я правильно поняла, вы живете недалеко от фрау Тиндалл? — осведомилась Абби.

— Да.

— Может, вы зайдете за мной? Тогда мы пойдем вместе.

— Ладно,— кивнула Каролина, при этом глаза ее весело блеснули.

— Это будет чудесно! — радостно воскликнула Абби.— Значит, договорились! Я буду ждать вас, хорошо?

Каролина снова кивнула.

— Можете прийти пораньше, и мы немного поговорим.

Абби попрощалась с Каролиной, и я услышала, как ее соседка возмутилась:

— Как тебе не стыдно, Каролина! Я бы никогда не смеялась над тем, кто так приветлив ко мне.

— Ничего ты не понимаешь! — остановила ее Каролина.

— Представь себе, как я сижу в салоне, уютно устроившись в кресле, и жду, пока господа пойдут со мной в церковь! Разве это не смешно? Работница картонной фабрики — в салоне фрау Тиндалл! Да после моего посещения целый месяц будут убирать и мыть дом! — Посмотрев через плечо на Абби, она немного тише добавила: — Что ты думаешь о ней, Регина? Она на самом деле такая или притворяется?

Я разволновалась. Чем же все это кончится? Как фрау Тиндалл отнесется к такому визиту?

— Не знаю, что теперь делать,— тяжело вздохнула я, поняв, что Роберт Зайлес тоже слышал их разговор.

— Я бы на твоем месте ничего не делал. Думаю, она и сама неплохо справится,— сказал он и ушел.

В этот вечер мы дольше обычного задержались за столом. Вдруг раздался звонок, и вошла горничная.

— Фрейлейн Вебер желает поговорить с фрейлейн Рид,— доложила она.

— Фрейлейн Вебер... Кто же это? — вскинула брови фрау Тиндалл.— И с какой фрейлейн Рид она хочет говорить? Наверное, с вами, Юлия? Я не знаю, кто это...

Я покраснела.

— По-моему, это пришли ко мне, фрау Тиндалл,— встала Абби.— Это, наверно, одна из девушек, с которой я сегодня познакомилась на фабрике. Мы вместе пойдем в церковь. Я попросила ее зайти пораньше, чтобы ближе познакомиться. Извините меня, пожалуйста, я пойду!

Господин Зайлес, который уже несколько дней обедал у нас, с интересом посмотрел на фрау Тиндалл. Как только за Абби закрылась дверь, он залился неудержимым смехом. На сердитое замечание хозяйки он засмеялся еще сильнее.

— Настоящая комедия! — наконец выдавил он.— Фрейлейн Юлия, вы должны сегодня взять меня с собой в церковь. Я хочу до конца видеть эту сцену!

Через несколько минут снова раздался звонок, и мы пошли в гостиную встречать гостей. Фрау Тиндалл была вынуждена сказать несколько добрых слов и Каролине. Она, между прочим, сделала это так искусно, что никто не заметил, насколько это неприятно для нее.

Глава двадцать вторая

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Евангелизационные собрания, которые пастор Муллфорд проводил уже две недели, надеясь возгреть желание христиан к более плодотворной духовной жизни, закончились. Начатое им дело росло медленно, но уверенно. Доктор Дуглас часто приходил домой сияющим, рассказывая, как та или иная душа обратилась к Господу. Молодежь стала больше интересоваться вопросами веры. Абби регулярно посещала собрания, а я — редко, потому что после всего пережитого чувствовала себя плохо.

Доктор Дуглас организовал еще одно молитвенное собрание для молодежи. Абби помогала везде, где только могла, и была неутомимой. Особенно заботилась она о девушках с фабрики. Они тоже полюбили ее, за исключением Фанни Хоппер, которая гордо держалась поодаль.

Заметные изменения произошли в Каролине Вебер. Я стала уважать ее, особенно после того, как Абби рассказала, что Каролина покаялась. Мне это казалось настоящим чудом.

Я же чувствовала себя разбитой и несчастной. В моем сердце не было мира, хотя я прилежно читала Библию и молилась. Твердо установленный час молитвы не приносил мне утешения и бодрости, я все еще негодовала на фрау Тиндалл и не могла оправиться от всего случившегося.

Время от времени я серьезно разговаривала с Фанни Хоппер. Она же отвечала мне по-старому: в полугорделивом, полушутливом тоне и всегда с полным безразличием ко всему святому.

Однажды вечером мы с Абби пришли с работы раньше обычного. Вернее, Абби зашла ко мне на фабрику, а я отпросилась на час раньше, чтобы посетить одну из учениц воскресной школы. Спустившись в прихожую, Абби вспомнила, что не взяла открытки, которые хотела подарить этой девочке.

— Юлия, подожди минутку, я сбегаю наверх за открытками,— попросила она.

Я присела на стул и рассеянно стала слушать разговор, доносившийся из гостиной. Вдруг я услышала свое имя.

— Ее зовут Юлия Рид,— проговорила фрау Тиндалл.— Ее мать была бедной вдовой, а сама Юлия... Как вам сказать... Честно говоря, она простая работница. Мы называем ее бухгалтером, чтобы не оскорбить ее чувств. Конечно, она помогает владельцу фабрики вести учет и тому подобное, но это не меняет сути. Она, как и другие девочки, работает с утра до вечера.

— И все же живет у вас?! — послышался удивленный возглас.

— Да. Разве это не смешно?

— Как же это получилось?

— Право, я и сама не знаю! Доктор Дуглас не оставил меня в покое, пока я не приняла ее. Он несколько лет был другом их семьи. Думаю, поэтому он и заботится о ней. Он, действительно, очень хорошо относится к ней. Может быть, это и побудило его дать мне неправильное представление о ней. По-моему, он сказал, что она посещает здесь одно из учебных заведений. Я уже точно не помню его слова. Во всяком случае, он все хорошо устроил. Я даже не думала, что она будет работать на фабрике. Так как мужа часто нет дома, я решила взять ее к себе, чтобы не скучать.

— Комично!

— Конечно. Вначале я сердилась. Была б моя воля, я бы сразу выпроводила ее. Но мой муж и слышать об этом не хотел. «Глупости,— сказал он,— что в этом плохого?..» Вы же знаете мужчин. Им все равно. Короче, она осталась благодаря моей нерасторопности, к тому же я боялась неприятных разговоров.

— А ее кузина? Тоже работница?

— Нет. У нее совсем другие корни. Подумайте только, она дочь знаменитого Ральфа Рида из Нью-Йорка, одного из владельцев прославленной фирмы!

— Так Юлия Рид ее родственница?

— Они двоюродные сестры. Все-таки хорошо, что я не

последовала своему первому побуждению и не выпроводила ее. Кто знает, может, это всего-навсего глупость, что Юлия устроилась на фабрику. Хотя мне кажется, что она довольно бедная.

— А как обстоит дело с господином Зайлесом? Он выделяет Юлию среди своих знакомых?

Фрау Тиндалл тихо и мелодично рассмеялась.

— Вы же знаете Роберта! Он должен кого-то любить, и ему все равно кого.

До этого места я слушала разговор, не давая себе отчета, что речь идет обо мне. Только когда упомянули господина Зайлеса, я как будто очнулась и сразу захотела узнать больше. Вдруг мне пришли на память слова, которые я слышала от мамы еще в детстве: «Подслушивающий слушает свой собственный стыд». Пристыженная, я бросилась в свою комнату.

— Юлия, тебе уже надоело ждать? — спросила меня Абби, не поднимая головы от чемодана.— Я никак не могу найти открытки. Придется идти без них,— извиняясь, посмотрела она на меня и застыла: — Что с тобой, Юлия, на тебе лица нет!

Я опустилась в кресло и, дрожа всем телом от негодования, рассказала сестре все, что слышала. Абби приняла это совсем не так, как я ожидала. Узнав, о чем шла речь, она снова повернулась к чемодану и стала перебирать вещи. Как только я замолчала, чтобы перевести дыхание, она невозмутимо спросила:

— И ты еще удивляешься?

— Мне было очень неприятно слушать, что говорят обо мне и моих близких!

— Согласна, это действительно неприятно. И все же это не должно было так удивить тебя.

— Почему?

— Вспомни, ты слышала когда-нибудь от фрау Тиндалл что-то хорошее о человеке, которого не было рядом? Ты же сама недавно рассказывала мне, что она каждому дает отрицательную характеристику или представляет его в смешном виде. Неужели ты думаешь, что она о тебе будет лучше говорить, чем о других? Разве ты не знаешь, что тот, кто кормит тебя ошибками и слабостями ближних, доберется когда-нибудь и до тебя? — Абби смотрела на меня с любовью.

— Но она говорила такие ужасные и неправдоподобные вещи! Если бы это была правда, то пусть бы болтала сколько угодно!

— Разве у тебя есть основание утверждать, что все, сказанное тебе о других, было правдой?

Пораженная ее словами, я замолчала. И в самом деле, сколько удивительных историй она рассказала мне о пасторе Мулфорде и его жене, о Фанни Хоппер и многих других! Уже тогда я думала, а теперь знала точно, что они неправдоподобны.

— Юлия, давай поговорим начистоту! — заговорила Абби после долгого молчания.— Ты утверждаешь, что фрау Тиндалл сказала неправду, называя тебя простой работницей. Скажи честно, чем отличается бухгалтер от девушки, работающей на фирме или в магазине? Кроме того, разве ты не работала всю зиму на картонной фабрике?

Замечание попало не в бровь, а в глаз. Я никогда не считала себя простой работницей и ценила себя выше всех девушек, с которыми трудилась на фабрике.

— Я принадлежу совсем не к тому сословию, что Каролина Вебер и Рут Валкер! — недовольно бросила я.— Работницами обычно называют более низкий разряд служащих.

— Нет, дорогая, ты неправильно понимаешь,— остановила меня Абби.— Это название меньше всего подходит к какому-то особому классу людей. Иногда под названием «работница» подразумевают необразованных девушек, потому что они не хотят учиться и выбирают простые профессии. Мне совсем не нравятся эти глупые разговоры о разнице в классах и сословиях. Это совершенно чуждо духу христианства.

Не считай меня безучастной, Юлия. Я бы на твоем месте не расстраивалась. Подумай, фрау Тиндалл ведь не сказала чего-либо сверхужасного.

— Но я думала, что она любит меня! — чуть не плакала я.

— И я так думаю. Мне даже кажется, что она очень любит тебя.

— Мне не нужна такая любовь!

— Твоя любовь к фрау Тиндалл такая же. Разве ты не видишь, как сама поступаешь? Ты рассердилась на то, что случайно услышала. Представь себе, если бы я слово в слово

передала фрау Тиндалл все, что ты рассказала мне о ней. Что она сказала бы на это?

Для меня слова Абби были настоящим открытием. Действительно, я утверждала, что не могу терпеть фрау Тиндалл, и в то же время ожидала ее любви.

— А какие ужасные вещи она говорила о докторе Дугласе! — напомнила я.

— Думаю, доктор Дуглас не обращает на это внимания,— спокойно заметила Абби.

Это была правда. Я вспомнила спокойное лицо доктора, когда он слушал мои замечания и колкие слова фрау Тиндалл в свой адрес.

— Абби, я тебя совсем не понимаю,— откровенно призналась я.— Скажи, тебе нравится характер фрау Тиндалл?

— Нет.

— Но ты поступаешь так, будто полностью согласна с ней. Более того, как будто она очень нравится тебе! Это ведь настоящее лицемерие!

— Ты считаешь, что я поступила бы по-христиански, если бы прямо сказала: «Фрау Тиндалл, я не могу терпеть вас! Вы невыносимый человек, и вас невозможно уважать!»?

— Об этом мне как-то говорила фрау Тиндалл,— вспомнила я.— Конечно, мы не можем так разговаривать с людьми, но все же это было бы честно. А по-твоему, общаясь с такими людьми, нужно лицемерить?

— Юлия, разве ты не знаешь, чьи мы дети? Любовь без правды не заслуживает своего имени. Но правда должна быть пропитана любовью и с любовью преподнесена. Насколько мы любим человека, настолько сможем быть полезными ему.

— Все равно я не могу ее терпеть! — упрямо твердила я.

Абби уже давно перестала рыться в чемодане и сидела на подушке у моих ног.

— Я хочу, чтобы ты не предавалась этим горьким чувствам. Ты не сможешь иметь общение с Господом, если они будут владеть твоим сердцем.

— Но я не могу любить ее,— я обхватила голову руками.— Конечно, у тебя нет причины сердиться на фрау Тиндалл, но мне она причинила столько горя...

— Юлия, лучшее средство примирения — это молитва,— перебила меня Абби.— Нужно постоянно нести фрау Тиндалл на руках молитвы к Богу, пока она не станет истинной христианкой.

— Наверное, я никогда не смогу делать это,— тяжело вздохнула я.— И вообще, мне кажется, что она неверующая!

Абби медленно подняла голову и с удивлением посмотрела на меня.

— Неужели поэтому за нее не нужно молиться? Если она христианка, то нуждается в обновлении, а если неверующая, то еще больше нуждается в Господе. Разве ты не хочешь, чтобы она покаялась? Во всяком случае, тебе нужно за нее молиться, тогда ты непременно полюбишь ее.

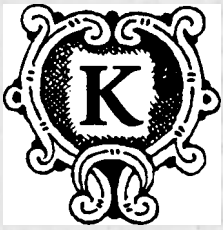
Я молча опустила голову.

— Я по-другому смотрю на фрау Тиндалл,— наклонилась ко мне Абби.— Думаю, что она просто не обуздывает свой язык и часто не знает, чем заняться. Она даже не представляет, сколько зла причиняет людям своими разговорами.

В этот момент прозвенел звонок к ужину, и нам пришлось спуститься в столовую, вместо того чтобы идти в гости.

Глава двадцать третья

ПРОБУЖДЕНИЕ



Как-то вечером фрау Тиндалл, Абби и я сидели в гостиной. Господин Зайлес только что ушел. Я бы тоже с удовольствием последовала его примеру, но Абби так разговорилась с фрау Тиндалл, что не замечала, как я нетерпеливо ерзаю в кресле.

В гостиную неторопливо вошел господин Тиндалл и, коротко поздоровавшись, остановился у окна. Он немного постоял в раздумье, потом, заложив руки за спину, стал

молча ходить из угла в угол. Это чрезвычайно удивило фрау Тиндалл.

— Милый, что это вдруг нашло на тебя? — полусерьезно, полушутя спросила она.— Ты еще никогда так торжественно не ходил по комнате.

Он на какое-то мгновение остановился, затем решительно шагнул к фрау Тиндалл.

— Фанни, я хочу тебе кое-что сказать.

— Ну и чудеса! — голос ее звучал все так же шутливо, но с нотками удивления.— Это что-то необычное и требует подготовки? Пожалуйста, останьтесь! — попросила фрау Тиндалл, заметив, что Абби встала.— Милый, это же не головомойка, правда?

— Пожалуйста, не уходите, фрейлейн Рид, и вы тоже, Юлия! — взволнованно попросил господин Тиндалл.— Я не стыжусь того, о чем хочу сказать. Мне нужно было сделать это неделю назад, но я никак не решался. Фрейлейн Рид, помните, как вы в прошлый четверг пригласили меня на молитвенный час? Вы молились в тот вечер за меня?

— Конечно,— едва заметно улыбнулась Абби.

— За это я буду благодарить вас и в вечности! Я много пережил за последние дни. Мне пришлось бороться с моим гордым «я», с неверием и искушениями разного рода. Но Господь победил и дал мне милость сегодня вечером покаяться в своих грехах. Теперь я хочу всецело следовать за Христом. На молитвенном часе говорили, что надо начинать с самого малого — добросовестно выполнять все, что считаешь угодным Богу. И я хочу сегодня же сделать это: вместе с вами почитать Библию и помолиться.

Если бы мраморная фигура, стоявшая в нише, вдруг ожила и заговорила, я бы, наверно, не так сильно удивилась. Чувство глубокого уважения, которое я раньше никогда не испытывала к господину Тиндаллу, вдруг охватило меня, когда я смотрела на его бледное, полное решимости лицо. Как чудесна была эта новая жизнь, которая проникала в самые глубины его души и до основания изменила такого тщеславного человека!

Лицо моей кузины сияло от радости, но она не вымолвила

ни слова. Мы молча, не без тайной тревоги, ждали, что скажет фрау Тиндалл, как она отнесется к словам мужа? Я думала, что она не поддержит его, не примет всерьез его покаяние. Я даже была твердо уверена, что она припишет его свидетельство нервному перенапряжению, полученному на собрании, и пожелает спокойной ночи как средство успокоения.

До сих пор я не сводила глаз с господина Тиндалла, но тут повернулась к фрау Тиндалл. Ее щеки немного покраснели, глаза сверкнули удивительным блеском. Она встала, ласково положила руку на плечо мужа и тихо сказала:

— Ах, Эрнст, как я рада!

Затем фрау Тиндалл спокойно подвинула к камину столик, на котором лежала находившаяся до сих пор в безмятежном покое Библия в красивом переплете, и с выражением ожидания опустилась на диван.

Если бы в тот момент вошел кто-то посторонний, то у него создалось бы впечатление, что в этом доме соблюдается добрый обычай молиться вместе утром и вечером,— так естественно все это получилось у фрау Тиндалл.

Ее поведение придало уверенности господину Тиндаллу. Он с благоговением взял Библию и прочитал 26 Псалом: «Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?..»

Это были прекрасные слова. Какая полнота силы, помощи и утешения! Я невольно спрашивала себя: случайно ли он открыл их или они как-то особенно отвечали состоянию его души? Восьмой стих он прочитал дважды, затем закрыл Библию, и мы склонились для молитвы.

Я уверена, что никто из присутствующих не забудет его молитвы. Она была короткой и простой и напоминала мне ветхозаветный обет Иисуса Навина: «А я и дом мой будем служить Господу».

Встав с колен, господин Тиндалл сердечно пожал Абби руку.

— Благодарю и вас за то, что сегодня имею мир в сердце!

Фрау Тиндалл пожелала нам спокойной ночи и, как ни в чем не бывало, вышла. Я не знала, кому больше удивляться: ей или ее мужу.

— Абби, ты разве когда-нибудь разговаривала с господи-

ном Тиндаллом? — спросила я, как только мы вошли в мою комнату.

— Вчера, несколько минут,— присела она возле меня.— Мы с доктором Дугласом возвращались с молитвенного собрания, и по дороге нас догнал господин Тиндалл. Доктору Дугласу нужно было зайти к больному, и он попросил господина Тиндалла проводить меня домой. Вот мы и поговорили немного. Я знала, что доктор Дуглас давно молится о нем, и сказала об этом господину Тиндаллу. Теперь он думает, что я была орудием в руках Божьих и помогла ему прийти ко Христу. Но он уже был подготовлен, а я всего-навсего несколько раз помолилась о нем. Если говорить об орудии, то им был доктор Дуглас.

— А что ты скажешь о фрау Тиндалл? Подумай только, как быстро она сориентировалась в этой ситуации! Кто знает, может, именно сейчас она выговаривает ему за то, что он так опозорился и что его состояние является результатом возбужденных богослужением чувств.

— Будем молиться о них, Юлия, и Господь проявит Свою милость,— поднялась Абби.— Уже пора и отдыхать...

Я не испытывала особой радости. В моем сознании не вмещалось, как такой человек, как господин Тиндалл, который никогда серьезно не думал о Боге, мог с такой искренностью, любовью и упованием свидетельствовать о Нем.

Чем больше я думала о господине Тиндалле, тем печальнее становилось у меня на сердце от сознания собственной нищеты.

Оглядываясь на этот отрезок жизни, я каждый раз думаю об открывшейся мне тогда истине: кто хочет жить как все и гонится за развлечениями, тот обязательно будет пренебрегать общением с Богом. А это неминуемо приведет к духовному банкротству.

В ту ночь я долго горько плакала. Я не хотела больше так жить, душа моя жаждала перемены. Никому не могла я открыть сердце и рассказать, что у меня нет мира внутри.

В четверг вечером мы пошли на собрание. Фрау Тиндалл посещала их только в том случае, когда не чувствовала усталости и была в хорошем настроении, а также когда мужа

не было дома и стояла хорошая погода. Поэтому ее появление в церкви вызвало удивление. Все с изумлением смотрели вслед господину Тиндаллу, когда он спокойно сел в первых рядах. Рядом с фрау Тиндалл сидела фрау Родер и ее дочь Анна. Во время пения в зал медленно вошел господин Зайлес и сел сзади нас.

Бремя, лежащее у меня на сердце, в последние дни стало невыносимым, хотя я делала все возможное, желая сбросить его. Наблюдая за Абби, я пришла к заключению, что главной причиной ее мира была живая связь с Господом. Она трудилась для Него, постоянно о ком-то молилась, с кем-то беседовала, кого-то посещала. Я пробовала делать то же самое и так как больше всего переживала за Фанни Хоппер, то еще раз поговорила с ней. Однако Фанни вела себя намного грубее, чем прежде. Теперь я знаю, что мои слова тогда были больше похожи на нотацию, чем на дружескую беседу.

Я пробовала несколько раз молиться о фрау Тиндалл. Но делала это с сознанием, что ее духовное состояние намного ниже моего. В душе я презирала ее, считая себя гораздо лучше.

В тот вечер горе мое достигло предела. Я изо всех сил сдерживала слезы. Сидящие рядом молились, пели, слушали вдохновенные проповеди, а я страдала от угрызений совести и мучительно искала выхода из этого состояния.

Вдруг слова пастора Муллфорда дошли до моего сознания, и я на минуту забыла о своих переживаниях. Какая радость звучала в его голосе, когда он сказал:

— Брат Тиндалл помолится в заключение собрания!

Наступила торжественная тишина, и все услышали молитву человека, совсем недавно ставшего братом во Христе. Мне казалось, что мое сердце разорвется на части. В каждом слове господина Тиндалла слышалась блаженная надежда на Господа и жажда общения с Ним. О, как к этому стремилось и мое сердце, как скорбела моя душа о том покое, которого я не могла достичь!

После молитвы пастор Муллфорд сказал:

— Может, среди нас есть те, кто только носит имя христианина, но не имеет мира, за который только что благодарил брат Эрнст? Может, кому-то стало ясно, что он находится

вдали от Господа и живет недостойно Христа? Может быть, кто-то хочет примириться с Богом или обновить свое покаяние? Милостивый Господь ждет вас, друзья! Если же у кого нет силы противостать греху или самому себе, скажите об этом, и мы будем молиться и просить помощи у Господа!

Пастор Муллфорд говорил так, будто видел, что творится у меня внутри. Я очень хотела, чтобы обо мне помолились, и нуждалась в ходатайстве. Еще никогда я не чувствовала свою греховность так, как в тот вечер. И все же мне стыдно было сказать об этом перед всеми. Я убеждала себя, что могу причинить вред многим душам. Ведь здесь был Роберт Зайлес, Анна Родер и другие, которые всегда думали, что я дитя Божье. Они не знали, что сердце мое уже давно отвернулось от Господа. Какое же впечатление произведет на них мое покаяние? Какая тень падет на тех членов церкви, которые решительно следуют за Господом?!

Пока я терзалась в душе, призыв закончился, запел хор, и меня вновь охватило отчаяние. «Какая разница, что будут думать обо мне люди? — подумала вдруг я.— Ведь я бедная грешница и чувствую себя глубоко несчастной! Пусть об этом узнает вся община, лишь бы мне помогли! О, если бы пастор Муллфорд еще раз призвал к покаянию...»

После пения пастор, будто понимая мое состояние, сказал, что в собрании есть души, которые огорчают Духа Святого и противятся Ему.

И тут я услышала рядом тихий шорох. Поднялась фрау Тиндалл. Я замерла. Это было так непохоже на нее! Я сразу же вспомнила, как она высказывалась против подобных выступлений и выходила из себя, когда кто-нибудь из сестер обращал на себя внимание. А теперь она сама стояла, бледная и серьезная, с выражением глубокой скорби и желания покаяться. В следующее мгновение я стояла рядом с ней. Мы склонились на колени и просили прощения у Бога, утопая в слезах. Затем молились другие христиане. Среди них я узнала голос доктора Дугласа.

Как легко стало у меня на душе! Тяжелое бремя упало с моих плеч. Теперь я была помилованной грешницей. Господь вселил в мое сердце мир.

Глава двадцать четвертая

ПОЛНОТА РАДОСТИ

еня переполняло счастье! Наконец-то прошли долгие темные часы отчаяния, и я почувствовала близость Господа.

Перед тем как закончить богослужение, пастор Муллфорд еще раз повторил призыв к покаянию. Мне надолго запомнился его взволнованный голос и слова:

— Я искренне убежден, что среди нас еще есть друзья, которые не решили этот серьезный вопрос. Умоляю вас, не медлите! Встаньте и открыто заявите, что вы хотите следовать за Христом... Сделайте это прежде, чем мы разойдемся по домам!

Последовала короткая пауза. Мое существо было наполнено такой радостью, что мне казалось невозможным не обратиться к Богу. Вскоре я услышала радостное восклицание пастора:

— Благодарение Богу!

Вальтер, старший сын господина Муллфорда, стал просить прощения и каяться перед Богом в своих грехах. Еще несколько человек последовали его примеру.

После заключительной молитвы пастор сказал несколько слов супругам Тиндалл, а доктор Дуглас радостно шагнул навстречу молодому Муллфорду и крепко пожал ему руку. Анна Родер стояла рядом со мной. Мне хотелось высказать ей свою радость, и я искренне обняла ее:

— Как я рада за вас!

— Спасибо, вы помогли мне! — прошептала она.

Я почувствовала, как загорелись уши.

— Как? Разве я что-нибудь сказала или сделала, чтобы помочь вам прийти ко Христу?

— Я до сих пор скептически относилась к вашему христианству. Но когда увидела, как искренне вы каетесь перед Богом, то почувствовала, что Господь и меня ждет и готов принять, как заблудшую овцу.

Слезы благодарности текли по моим щекам. Бог в Своем

милосердии и могуществе употребил мое покаяние во благо моим ближним, тогда как я думала, что оно повредит им.

Домой я шла вместе с доктором Дугласом, что случалось редко, так как он обычно спешил к больным.

— Сегодня было прекрасное общение, правда, Юлия?

— Вы не представляете, что значит для меня этот вечер!

— Я понимаю это лучше, чем тебе кажется,— улыбнулся он.— В последнее время я внимательно наблюдал за тобой и много молился. Я догадывался о том, что происходит в твоей душе и с нетерпением ожидал результата этой борьбы.

Вдруг доктор Дуглас кивнул на идущего впереди господина Зайлеса.

— Юлия, как ты считаешь, Дух Святой работает в его сердце?

— Мне кажется, он еще никогда серьезно не думал о спасении.

— Ты когда-нибудь разговаривала с ним об этом?

— Нет.

Мне стало стыдно оттого, что у меня часто была такая возможность и я не использовала ее. Да, очень многое я упустила...

Мы ускорили шаг, чтобы догнать Роберта Зайлеса, Абби и супругов Тиндалл. Возле дома, когда господин Зайлес хотел попрощаться с нами, фрау Тиндалл пригласила его:

— Заходите к нам, Роберт, хотя бы на немного!

— Думаю, вам будет лучше, если я пойду домой,— нерешительно отказался он.— Боюсь, что в этот вечер я не впишусь в ваше общество.

И все же он зашел. Мы с Абби задержались в прихожей, чтобы снять пальто и шляпу, и фрау Тиндалл встретила нас в дверях. Господин Тиндалл, доктор Дуглас и господин Зайлес стояли у камина и слышали, как она с присущей ей любезностью сказала мне:

— Простите меня, Юлия! Я послужила вам большим претковением. Общение со мной до сих пор было во вред вам... Но я хочу жить по-новому. Давайте в будущем помогать друг другу возрастать в христианской жизни!

Спазмы сдавили мне горло, и я не могла вымолвить ни

слова, чувствуя себя глубоко пристыженной. Насколько благороднее меня оказалась фрау Тиндалл!

Я вновь почувствовала себя жалкой и никчемной, потому что до сих пор жила недостойно, жила для себя и упустила столько доброго!.. Куда бы я ни смотрела, я видела только свои ошибки и глупости. И все же я была невыразимо счастлива, так как знала, что вина моя покрыта — Господь мне все простил.

Словоохотливый господин Зайлес не мог долго молчать и, как всегда, первый нарушил тишину.

— Сегодня я обнаружил у себя серьезный недостаток — отсутствие смелости.

— Что вы, Роберт? — удивленно повернулась к нему фрау Тиндалл.— Я до сих пор считала вас мужественным человеком.

Он по привычке улыбнулся, но тут же стал совершенно серьезным.

— Конечно, вы думаете, что события последней недели и особенно сегодняшнего вечера не коснулись меня. Но это не так. Я бы отдал все, что у меня есть, если бы мог покаяться! На собрании мне казалось, что мои ноги налились свинцом. Когда вы, фрейлейн Юлия, встали, я тоже хотел выйти вперед, но... не знаю, простит ли меня Бог? Я хочу служить Господу...

Голос его сорвался, и господин Зайлес, человек с большим самообладанием, обхватил голову руками, чтобы скрыть свои переживания.

От неожиданности все замерли. Доктор Дуглас первым пришел в себя.

— Слава Богу! — воскликнул он.— Мы думали, что наш сосуд уже наполнился радостью, но Роберт своим решением переполнил его так, что счастье течет через край. Давайте вместе склоним колени перед Господом! Я уверен, что у каждого из нас есть что сказать Богу.

Мы опустились на колени. Господин Зайлес, сокрушаясь, просил у Бога прощения и силы следовать за Христом. Наши сердца тоже были переполнены хвалой, и мы благодарили Спасителя за милость и дивную Его любовь.

Помолившись, господин Зайлес крепко пожал руку доктору Дугласу:

— Благодарю вас, господин доктор! Я знал, что вы будете

радоваться моему покаянию, и у меня просто не хватает слов выразить всю благодарность за ваши верные ходатайственные молитвы. Впрочем, у меня это не внезапное решение. Я уже долгое время размышлял и часто был близок к покаянию, одно только удерживало меня: что скажет на это мой друг, Эрнст Тиндалл. Слава Богу, Он убрал и это последнее препятствие!

— Я безгранично благодарен Богу за действие Духа Святого в нашей церкви,— восторженно заговорил доктор Дуглас.— Вокруг столько труда, и сейчас самое время предоставить себя Господу! Недавно я понял, как важно подвизаться в молитве за погибающих.

— Признаюсь, что считаю себя недостойным молиться за других,— сказал Роберт.— Но я очень хочу трудиться для Господа!

Когда мы остались с Абби одни, я сказала ей:

— Слава Богу! Он совершил настоящее чудо с господином Зайлесом! А я думала, что он абсолютно безразличен и холоден к Слову Божьему.

— Это и правда чудесно,— согласилась со мной Абби.— Впрочем, я и не ожидала другого результата.

Как всегда, Абби совершенно не так воспринимала происходящее, как я. Наверное, разница была в том, что она не только носила имя христианки, но на самом деле была ею. Возможно, именно она и пробудила у господина Зайлеса интерес к небесному. Моя же жизнь, напротив, не имела на него такого влияния, потому что я была далека от Господа.

В тот вечер я первый раз искренне помолилась о Фанни Хоппер.

На следующее утро я пошла на фабрику пораньше, желая поделиться с кем-то своей радостью. Я надеялась встретить там Фанни, потому что последнее время она работала утром и вечером сверх положенного. Мне казалось, что она хочет забыться в работе.

Как я и ожидала, Фанни уже сидела в своем углу и с нервной поспешностью клеила коробки. Кроме нее, в зале никого не было. Я сразу направилась к ней и, не ожидая ответа на приветствие, сказала:

— Фанни, я специально пришла пораньше, чтобы встре-

тить вас одну и сказать, что мои беседы о спасении вашей души были ужасными. Как только вы еще могли терпеть меня! До сих пор я только называлась христианкой, а не жила так, как учит Христос...

От переживания губы мои дрожали, голос был глухим. По лицу Фанни скользнула насмешливая улыбка.

— Прошу вас, Фанни, не судите по моей жизни о всех детях Божьих! — продолжала я.— Я далеко ушла от Господа и так заблудилась, что причинила много вреда Его делу. Но вчера я покаялась и хочу с Божьей помощью жить по-христиански. Ах, Фанни, если бы вы только знали, как я желаю, чтобы вы тоже полюбили Иисуса!

Фанни отодвинула коробку и посмотрела на меня долгим задумчивым взглядом. Потом она вынула из сумочки красивый конверт и испытующе посмотрела мне в глаза:

— Вы знаете об этом письме?

— Нет...

Фанни протянула мне конверт:

— Прочитайте его и скажите свое мнение!

Я нетерпеливо развернула сложенный вчетверо лист:

«Дорогая Фанни!

Я тяжело согрешила перед Вами. Простите меня! Я была очень гордой и вела себя ужасно, потому что была поражена слепотой. Но Бог по Своей милости открыл мне глаза, и я глубоко раскаялась. Со вчерашнего дня я молюсь о Вас. Вы нуждаетесь в том же Спасителе, Который пролил Свою Кровь за меня. Не делайте поспешного вывода из моей недостойной жизни, что нет Бога, Который спасает души и дарит мир! Я не перестану молиться о Вас, пока Вы не найдете Иисуса и не будете в Его надежных руках. От всего сердца сожалею, что так часто огорчала Вас! Милая Фанни, прошу еще раз, простите меня!

С любовью Фанни Тиндалл».

Выражение лица, с каким я читала это письмо, убедило Фанни, что я ничего не знала о нем.

— С трудом верится, что это написала фрау Тиндалл,— улыбнулась я, отдавая письмо.

— Во всяком случае, не та фрау Тиндалл, которую я знала до сих пор,— прищурилась Фанни, пристально глядя на меня.— Стало быть, вы не говорили с ней обо мне?

— Ни слова.

Фанни тут же принялась за работу, и лицо ее опять стало печальным. Через несколько минут она, как бы рассуждая вслух, сказала:

— Может быть, и есть что-то доброе в христианстве... Верите ли вы, что оно может произвести и на меня такое же действие, как на вас и на фрау Тиндалл?

Я ничего не ответила. В горле запершило, глаза наполнились слезами, заныло сердце. И это все, чего я достигла своей беседой?..

Я хотела уйти, но Фанни неожиданно заговорила:

— Я тоже переживаю, Юлия, но мне не хочется делиться с кем-либо своими бедами. Мое мнение о христианах немного изменилось. Может, и я когда-нибудь последую вашему примеру. Время покажет...

Она тяжело вздохнула и снова взялась за работу. В цех одна за другой стали заходить девушки, и я поспешила на свое рабочее место.

Глава двадцать пятая

НЕОЖИДАННОСТИ

Однажды после работы мы встретились с Робертом Зайлесом на улице. Похоже, он ждал меня, чтобы сказать что-то важное.

— Юлия, вы слышали что-нибудь об Александре Тиндалле? — спросил он сразу же после приветствия.

— Самую малость, если вы имеете в виду деверя, о котором иногда вспоминает фрау Тиндалл.

— Знаете ли вы, что он скоро приедет?

— Нет, об этом я ничего не слыхала. Я даже не знаю, где он живет.

— Вы хотите знать, почему я спрашиваю о нем? — рассмеялся господин Зайлес.— Думаю, вы удивитесь, если я скажу, что результатом его приезда будет брак в нашем кругу.

— Брак?

— Да.

— Я не пойму, что вы хотите этим сказать! Откуда приезжает господин Тиндалл и когда? У кого будет брак и насколько это касается нас?

— Шквал вопросов! Этот господин приедет из Калифорнии, куда уехал два года назад после банкротства своей фирмы. Он приедет недели через две, а может, и раньше. Как я понял, больше всего вас интересует его невеста? Ее зовут Фанни Хоппер!

— Фанни Хоппер?! — не поверила я своим ушам.— Неужели? Как это получилось? Она с ним помолвлена?

— Конечно! Уже несколько лет. Это длинная и очень интересная история. Отец Фанни, как вы знаете, был богатым человеком, но совершенно обанкротился. Александр Тиндалл — тоже богатый человек. К несчастью, его постигла та же участь. Кстати, его брат, Эрнст Тиндалл, ваш хозяин, также разделил эту участь, но, благодаря состоянию жены, смог сохранить свое положение в обществе. Александр потерял все, и ему ничего не оставалось делать, как начать все сначала. Как я уже сказал, он уехал в Калифорнию, и там ему вновь посчастливилось приобрести состояние. Теперь он может смело устраивать семейную жизнь.

— Не понимаю,— озадачилась я,— они уже давно помолвлены, и никто не знает об этом?

— Никто, кроме меня,— подтвердил господин Зайлес.— Это было их желанием. Вы, наверное, заметили, что фрау Тиндалл не всегда хорошо относилась к своим ближним, особенно она не могла переносить Фанни. Александр много потерпел от ее злого языка и пожелал, чтобы их помолвка осталась в тайне.

Посвятив меня в это дело, Александр посылал через меня письма для Фанни. Иногда он приезжал сюда по делам и,

конечно же, встречался с ней. Для них самих это было большим испытанием, и я очень рад, что время ожидания приходит к концу.

— А я думала, вы...— вырвалось у меня, и я смущенно запнулась.

Он добродушно рассмеялся.

— Как и все, вы думали, что Фанни была моей невестой и незадолго до свадьбы я отказал ей. И, несмотря на это, я все же порхаю вокруг нее, как моль вокруг лампочки. Мы с Фанни часто смеялись над этой выдумкой. Вы, конечно, много плохого слышали про меня, но я, честно говоря, не ожидал, что поверите этому.

— Я не всему верила, хотя думала, что в слухах есть какая-то доля правды. Ведь говорил это человек, которому можно верить.

— Я догадывался, что доктор Дуглас расскажет вам обо мне, так как знал, что он поверил этой выдумке. Удивляюсь, что, несмотря на это, он всегда был приветлив со мной.

— А сейчас он знает, как было на самом деле?

— Нет. Он иногда напоминает мне, что все нужно привести в порядок, и я хорошо понимаю, что он имеет в виду.

— Почему же вы не объясните ему?

— Я так долго хранил тайну, что и теперь все еще не хочу раскрывать ее. Со временем правда обнаружится, и это будет гораздо интереснее. Видите ли, фрейлейн Юлия, я только для вас сделал исключение!

— Когда же будет свадьба?

— Точной даты я не знаю, потому что давненько не получал известий от Александра. В последнем письме он писал, что собирается домой и по приезду в Нью-Йорк даст мне телеграмму. Фанни, наверное, больше знает.

— Александр христианин?

— Нет. Когда мы расстались, он был ярым атеистом...

— А вы не боитесь его влияния на Фанни?

— Очень. Более того, я боюсь его влияния на господина Тиндалла и даже на меня. В Александре есть что-то притягательное, он может сильно влиять на окружающих. Не знаю, как Эрнст будет реагировать. Александр первое время будет

жить у него. В семейной молитве он участвовать не будет, это факт. А как он отнесется к переменам в семье брата, я не знаю. Откровенно говоря, я переживаю.

— Что думает об этом Фанни?

— Не знаю, я никак не могу решиться спросить ее. Она пережила столько горя и только недавно обрела мир. Не хочу вновь бередить ее душу.

Возле дома фрау Тиндалл господин Зайлес стал прощаться.

— Заходите на чашку чая! — пригласила я.

— Спасибо. Сегодня не могу. У меня еще есть дела.

— То, о чем вы сейчас рассказали мне — секрет?

— Да. Лучше помолчите! Александр сам сообщит о приезде. Он, может, уже и сделал это. Остальное он тоже уладит сам. Хотя Фрау Тиндалл совершенно изменилась, я боюсь, что Фанни трудно будет угодить ей. Можете рассказать все вашей кузине, если хотите. Не буду больше задерживать вас, потому что у Абби тоже есть новости для вас. Завтра я зайду к вам в конце рабочего дня. Можно?

— Конечно,— кивнула я и зашла в дом.

Абби заинтересовалась судьбой Фанни и долго расспрашивала все до подробностей.

— Господин Зайлес ничего не сказал тебе про меня? — спросила она уже поздно вечером.

— Он разрешил мне рассказать тебе о Фанни и еще сказал, что у тебя есть какие-то новости.

Абби повернулась ко мне, и ее милое лицо засветилось тихой радостью.

— Вчера Роберт сделал мне предложение.

От неожиданности я замерла. Затем подскочила и крепко поцеловала Абби. Мне бы это даже и во сне не приснилось!

Глава двадцать шестая

АЛЕКСАНДР ТИНДАЛЛ И ФАННИ ХОППЕР

На следующий день Роберт Зайлес встретил меня у дверей фабрики. Он подал руку для приветствия и, словно не зная, с чего начать, спросил:

— Абби вчера рассказала вам?..

— Да,— коротко ответила я, не понимая причины его беспокойства.

— Юлия, может быть, вы догадываетесь, о чем я хочу поговорить,— после минутной паузы продолжил он.— Для меня много значит исход нашей беседы. Я должен признаться, что перед таким ответственным моментом, как создание семьи, меня сильно смущает прошлое. Хотя во время нашей дружбы мы ничего друг другу не обещали, все же мое поведение могло подавать вам определенные надежды на будущее. Я глубоко сожалею об этом и прошу прощения...

Не ожидая такого откровенного признания, я растерялась. В памяти всплыл новогодний вечер, вспомнилось пьяное лицо Роберта, его письмо, затем встреча с ним, устроенная фрау Тиндалл, предостережения доктора Дугласа...

Роберт, опустив голову, молча шел рядом. Он ждал ответа.

— Не будем больше говорить об этом...— сказала я, поборов волнение.— Я тоже вела себя недостойно. Мы тогда еще не знали Бога по-настоящему. Я не считаю вас виновным. Не думайте о прошлом... Я так рада за Абби!

— Благодарю вас, Юлия! Вы даже не представляете, от какой тяжести освободили меня! Теперь я свободно могу войти в вашу родню и буду рад, если вы признаете наш будущий дом своим...

Дома меня ждала еще одна новость. В столовой я увидела незнакомого господина. Что-то особенное было во всем его облике, и я сразу же вспомнила слова Роберта Зайлеса о привлекательной внешности Александра Тиндалла.

Фрау Тиндалл представила мне своего деверя. Он обладал превосходным даром речи, слова так и текли из его уст.

Перед тем как сесть за стол, Александр склонил голову и стал тихо молиться, не зная, что в его отсутствие в доме брата начали просить благословения на пищу. Не знаю, что он подумал, когда господин Тиндалл помолился вслух.

Вечер прошел в оживленной беседе, без каких-либо происшествий, хотя я чего-то ждала.

На следующий день все шло своим чередом, только гостя не было дома, а Фанни не пришла на работу. Мне не терпелось узнать, слышала ли фрау Тиндалл о помолвке Александра и Фанни и как она это восприняла.

Прошел еще один день. Наутро за Александром зашел господин Зайлес и попал на завтрак. Поддавшись уговорам фрау Тиндалл, он выпил с нами чашку кофе.

После утренней молитвы, когда мы уже хотели разойтись, фрау Тиндалл так просто, будто это было самым обычным делом, пригласила:

— Роберт, приходите сегодня на чай. Мой деверь пообещал привести с собой Фанни, может, еще кто придет. Алекс, ты не против, если они узнают, что Фанни теперь войдет в нашу семью?

— Нет, абсолютно нет,— поклонился Александр, а господин Зайлес посмотрел на меня с таким торжественным выражением, что я засмеялась.

Я не думала, что Фанни придет на работу. Но, войдя в цех, увидела, что она уже сидит в своем углу и сосредоточенно работает. Выглядела она как обычно, только лицо ее выражало радость, и одна я знала причину этому.

В последнее время мы подружились. И все же я не начинала разговор о перемене в ее жизни, хотя мне очень хотелось побольше узнать, и я не раз намекала, что знаю о ее помолвке.

Наконец Фанни не выдержала.

— Вы тоже придете на наш семейный праздник? — спросила она, сияя от счастья.

— Конечно! — улыбнулась я.— Ах, Фанни, почему же вы не рассказали мне раньше?

— Мне не хотелось говорить об этом. Алекса долго не

было, а Калифорния так далеко, да и в мире многое меняется...

Перед обедом Фанни сложила незаконченные коробки на своем столе, приветливо кивнула подругам, сказав, что пошла искать счастья, и мы вышли из цеха.

— Хорошие у нас девочки! — заметила Фанни уже на улице.— Я никогда не забуду их. Они были так добры ко мне! Когда у меня будет свой дом, я обязательно позову их к себе на вечер. Мне хотелось, чтобы фрау Тиндалл пригласила их сегодня, но нельзя сразу слишком много требовать от людей...

Недалеко от дома мы расстались, чтобы через три часа встретиться у фрау Тиндалл.

Абби, я и господин Зайлес были в гостиной, когда в дом зашли Александр Тиндалл и Фанни Хоппер. На ней было красивое светло-голубое шелковое платье, волнистые волосы мягкими прядями спадали на плечи. Я еле сдержалась от восклицания, потому что с трудом узнала в ней скромную работницу фабрики. Даже фрау Тиндалл посчитала, что Фанни очень подходит своему жениху. Она вышла навстречу гостям, поцеловала их, просто и сердечно пожала руку, как будто только вчера они были у нее, и захлопотала:

— Вы, милая, наверно, устали в пути? Алекс, ты почему не привез Фанни в экипаже? Как плохо ты заботишься о своей невесте! Думаешь, если ты такой Геркулес, то и другие такие же сильные? Фанни, садитесь-ка сюда, здесь удобнее, и вы будете всех видеть!

Прежде чем приступить к ужину, господин Тиндалл радостно сказал:

— Алекс, попроси благословения на пищу!

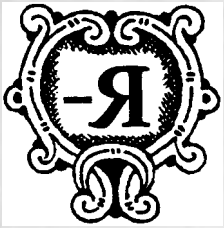
Голова бывшего атеиста с благоговением склонилась в молитве.

Фанни светилась от счастья. Ее жених, естественно, рассказал ей, какие изменения произошли в его жизни. А вот для господина Зайлеса это было неожиданностью.

— Господь силен творить чудеса! — воскликнул он.— Уверяю вас, я еще никогда в жизни так не удивлялся и быстрее поверил бы в то, что эта мраморная фигура оживет, чем в то, что Алекс когда-нибудь будет молиться! Впрочем, Алекс то же самое мог бы сказать обо мне. Как дивно вел всех нас Господь!

Глава двадцать седьмая

БОЖЬИ ПУТИ — НЕ НАШИ ПУТИ



много лет была дитем Божьим, хотя духовно слабым, жалким, едва достойным этого имени,— искренне призналась фрау Тиндалл пастору Муллфорду, который пришел к доктору Дугласу и задержался в гостиной, чтобы приветствовать нас.— К сожалению, я только называлась христианкой... Вы не представляете, сколько людей я оскорбила своим языком! Но Господь простил меня, и я хочу свои силы и время посвятить Ему. Найдется ли для меня какое дело в церкви?

— Работы очень много,— сказал пастор Муллфорд.— Сегодня трудно найти людей, всецело посвятивших себя Господу. Если вы хотите трудиться, я могу посоветовать, чем заняться.

— Благодарю вас, господин пастор! Я так нуждаюсь, чтобы меня кто-то направлял. Раньше я думала, что сама все понимаю и не нуждаюсь в руководстве, а теперь моя самонадеянность потерпела полнейший крах.

— Может, вы расскажете, что побудило вас пересмотреть свою жизнь? — спросил вошедший доктор Дуглас.

С выражением искренней благодарности фрау Тиндалл повернулась к Абби.

— Первый толчок к покаянию был от моей постоялицы. С самого начала нашего знакомства я наблюдала за ней и поняла, что живу не так, как учил Христос. Мне стало горько от этого и захотелось жить по-другому, не только называться, но и быть истинным чадом Божьим.

В это время вошел господин Тиндалл, и фрау Тиндалл тут же поднялась:

— Извините, но мы должны оставить вас. Даст Бог, скоро увидимся! — У дверей она еще раз обернулась к доктору Муллфорду: — Не забудьте, что я готова потрудиться, где вы усмотрите.

— Может ли эфиоплянин поменять свою кожу? — улыбнулся господин Зайлес, когда за супругами Тиндалл закрылась дверь.— По-человечески, это кажется невозможным, но Богу все возможно. Можно ли видеть в людях бóльшие изменения, чем у фрау Тиндалл?

— У нее всегда было много энергии, и порой мне казалось, что она рождена, чтобы руководить,— заметил доктор Дуглас.— Я убежден, что она будет очень полезна вам, господин Муллфорд.

— Я тоже так думаю,— согласился пастор.— Мне как раз нужна помощь. К тому же фрау Тиндалл может послужить своим домом.

Минут десять спустя так отчаянно зазвонил звонок, что все вздрогнули.

— Это, наверное, за вами, доктор Дуглас,— вскочил господин Зайлес.— Обычно так звонят, когда срочно нуждаются в медицинской помощи.

Доктор Дуглас поспешил к двери. На пороге стоял незнакомый мальчик.

— Меня послали за доктором Дугласом. Он здесь?

— Да, я слушаю...

— На углу вашей улицы случилось несчастье. Лошадь господина Тиндалла чего-то испугалась и галопом умчалась вместе с повозкой. Фрау Тиндалл упала на тротуар и лежит, как мертвая!..

Доктор Дуглас бросился к месту происшествия. Пастор Муллфорд пустился следом. Мы с господином Зайлесом в оцепенении смотрели друг на друга. Только Абби сохраняла спокойствие и рассудительность. Она кликнула прислугу и попросила, чтобы они приготовили для фрау Тиндалл постель, горячую воду и многое другое, о чем я никогда бы не подумала.

Через некоторое время послышались шаги и уверенный голос доктора Дугласа:

— Дайте дорогу! Господин Зайлес, помогите! Она без сознания,— ответил он на мой вопрошающий взгляд.— Мы посчитали за лучшее принести ее домой. Здесь будет спокойнее, чем в больнице.

Абби поднялась с ними наверх, я же осталась внизу встре-

чать людей, потоком хлынувших в дом. Кто из любопытства, а кто из сострадания хотел знать о состоянии пострадавшей. Некоторые предлагали свою помощь.

Прошло совсем немного времени, и господин Зайлес спустился в гостиную.

— Абби везде успевает! — восхищался он.— Можно подумать, что у нее геркулесова сила!

— Фрау Тиндалл очень плохо? — не вытерпела я.

— Она пришла в себя и разговаривает с Абби. Доктор Дуглас послал за доктором Винкентом. Я думаю, он сделал это больше для того, чтобы успокоить господина Тиндалла, хотя тот и не теряет самообладания.

Прошло около двух часов, как мы наконец более обстоятельно узнали о состоянии фрау Тиндалл. Когда доктор Винкент ушел, доктор Дуглас спустился в гостиную, и я тут же подошла к нему.

— Какая ты бледная, Юлия! — встревожился он.— Ты, наверно, сильно испугалась? — Он пододвинул мне кресло и сказал: — Вот цена наших планов! Мы сидели тут и превозносили силу и здоровье фрау Тиндалл, думая, какую работу предложить ей. А у Творца были совершенно другие планы...

— Она умрет? — со страхом прошептала я.

— Не думаю. Хотя вряд ли когда-нибудь встанет с постели.

— Вы это точно знаете?

— У нее поврежден позвоночник и бедро, а это значит, что фрау Тиндалл уже никогда не будет ходить...

Его позвали к больной, и он вышел. Я же села на последнюю ступеньку лестницы и, обхватив голову руками, задумалась. Значит, фрау Тиндалл уже никогда не спустится по этой лестнице!

Я огляделась. В элегантной прихожей на всем лежал отпечаток ее проворных пальцев. На полу лежала грязная, изогнутая шляпа фрау Тиндалл. Я подняла ее и хотела выправить, но напрасно: она не подлежала ремонту. К тому же шляпа уже никогда не понадобится своей хозяйке. С сожалением я посмотрела на эту вещь и горько заплакала.

На следующий день пришел господин Зайлес с букетом живых цветов. Вернулся он от больной немного грустным.

— Как это печально, фрейлейн Юлия!.. Непонятно, почему Бог допустил такое? Я совсем по-другому представлял себе все и надеялся, что фрау Тиндалл по крайней мере частично сможет исправить свои ошибки.

Мне так хотелось, чтобы люди увидели, что она стала другой!.. Какое доброе влияние она могла бы оказать на них! Теперь же она не способна ни к чему...

Вскоре после несчастья с фрау Тиндалл я уволилась и поехала с Абби в Нью-Йорк, чтобы помочь ей подготовиться к браку. Родные настаивали на моем возвращении к Сади, и я не стала противиться и переехала в Нью-Хейвен.

Однажды я получила срочную телеграмму из Ньютона:

«Фрау Тиндалл умерла вчера вечером. Похороны в четверг. Буду встречать пятичасовой поезд. Дуглас».

Прошло четыре года с того дня, как я первый раз приехала в Ньютон, чтобы устроиться на работу. Тогда меня очень приветливо встретила фрау Тиндалл. Теперь же я стояла у ее гроба.

На сердце у меня было неописуемо тяжело. Я долго всматривалась в знакомые черты, в ее тихое, спокойное лицо, и наконец повернулась к доктору Дугласу. Тот понял, что происходило во мне.

— Юлия, ты заметила на ее лице отпечаток мира? Фрау Тиндалл дома!

Заплаканная Фанни стояла рядом. Последние три года она была хозяйкой этого дома.

— Да, она ушла в вечность,— всхлипнула Фанни.— Как мы будем жить без нее?

— Юлия, она сильно изменилась? — подошел господин Зайлес.

— Да... У нее блаженное выражение лица.

— Оно носит печать последних трех лет жизни,— взволнованно произнес он.

— Путь страданий завершился,— тихо добавил доктор Дуглас.

— Она сильно страдала? — спросила я.

— Очень...

Зашел пастор Муллфорд, молча поприветствовал меня и долго, сосредоточенно смотрел на усопшую.

— Для нее это приобретение,— наконец сказал он.— Но мы очень много потеряли. Вся церковь скорбит о ней.

— Да, она много потрудилась за время своей болезни,— добавил господин Зайлес.

Из писем я много знала об умершей, но те, кто жил в постоянном общении с ней, знали несравненно больше.

Оставшись наедине с господином Зайлесом, я спросила:

— Помните, как вы не могли понять, почему Бог допустил такое ужасное несчастье?

Он печально кивнул:

— Да, я сильно горевал и не понимал действий Господа. Правильно тогда заметил пастор Муллфорд: «Божьи пути — не наши пути». После несчастья жизнь фрау Тиндалл стала большим благословением для окружающих. Ни один школьник воскресной школы не остался без ее внимания. Она приглашала к себе даже детей с улицы и рассказывала им о милостивом Боге. Сегодня я еще больше убежден, что Божьи пути — не наши пути и все, что Он допускает, все, что Он делает, служит нам ко благу...

Господин Зайлес сильно изменился. Он стал более решительным, серьезным, богобоязненным. Наблюдая за ним, я подумала, что мы все сильно изменились. Это было свидетельством Божьей любви и Его внимания к нам.

Вечером мы долго сидели с доктором Дугласом у могилы нашей хозяйки. Он много рассказывал о ее благословенной жизни и переходе в вечность.

— Фрау Тиндалл глубоко смирилась перед Богом, и Он вознаградил ее. Она нередко сокрушалась о том, что ввела тебя в заблуждение и послужила плохим примером. А я в утешение ей говорил, что в этих переживаниях ты хорошо увидела себя, свою самонадеянность и научилась доверять Господу. Правда?

Я кивнула.

Доктор Дуглас некоторое время молчал, а потом, заметно волнуясь, спросил:

— Юлия, ты можешь сказать мне, как некогда Руфь сказала Ноемини: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить»?

Счастье пришло ко мне в тот момент, когда я не искала его. Уповая на милость Божью, с благодарностью в сердце я сказала «да», желая быть послушной Господу и идти по следам Христа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Первый шаг в самостоятельную жизнь 3
Глава вторая. Фрау Тиндалл 9
Глава третья. Первые неприятности 16
Глава четвертая. Роберт Зайлес 22
Глава пятая. Молитвенный час 24
Глава шестая. Влияние новых взглядов 31
Глава седьмая. Воскресный день вдали от дома 36
Глава восьмая. Фанни Хоппер 48
Глава девятая. Фрау Тиндалл исполняет долг 54
Глава десятая. Новогодние визиты 59
Глава одиннадцатая. Предостережение и разочарование 64
Глава двенадцатая. В лабиринте заблуждения 67
Глава тринадцатая. Огорченная 74
Глава четырнадцатая. Рут Валкер 78
Глава пятнадцатая. Добрые увещания 81
Глава шестнадцатая. Невосполнимая утрата 87
Глава семнадцатая. Неожиданное письмо 93
Глава восемнадцатая. Стремление к новой жизни 96
Глава девятнадцатая. Приезд кузины 99
Глава двадцатая. Абби и фрау Тиндалл 103
Глава двадцать первая. Абби на фабрике 109
Глава двадцать вторая. Подслушанный разговор 114
Глава двадцать третья. Пробуждение 119
Глава двадцать четвертая. Полнота радости 125
Глава двадцать пятая. Неожиданности 130
Глава двадцать шестая. Александр Тиндалл и Фанни Хоппер ... 134
Глава двадцать седьмая. Божьи пути — не наши пути 137